10
Ф-19

ФАЛЬКЕНГАЙН

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

• ВЫСШИЙ • ВОЕННЫЙ •
РЕДАКЦИОННЫЙ • СОВЕТ

Я 3-41
Ю/Ф19 1153
Ю/8-19
б.с.

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЭРИХ ф.-ФАЛЬКЕНГАЙН.

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ 1914—1916 В ЕГО ВАЖНЕЙШИХ РЕШЕНИЯХ.

Перевод с немецкого
А. Е. Снесарева.

ПРОВЕРЕНО 1935 г.
Статистический отдел МОНУ
282/1923
Московской библиотеки ОБЛУНХ
ПРОВЕРЕНО 1939 г.

С 5 схемами в тексте и
7 отдельными картами.

Высший Военный Редакционный Совет.
Москва. 1923.

4 экз

Высший Военный
Редакционный Совет
№ 853.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
716199

Главлит 14393. Тираж 2500.

Типо-литография Военной Академии Р.-К. К. А.
Ул. Льва Толстого, д. № 16 (бывш. Хамовнический пер.). Тел. № 4-79-55.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стран.
	Предисловие к русскому переводу	5
I.	Смена начальника генерального штаба	11
II.	Общее положение на фронтах в середине сентября 1914 года	19
III.	Сражения на Изере и под Лодзью	33
IV.	Период от начала позиционной войны в ноябре — декабре 1914 года до возобновления маневренной войны в 1915 г.	46
V.	Прорыв Горлица—Тарнов и его последствия	75
VI.	Операции против России летом и осенью 1915 г.—Приостановка беспощадной подводной войны	102
VII.	Попытки прорыва на западном фронте осенью 1915 г. и поход на Сербию	149
VIII.	На переломе 1915—1916 годов	179
IX.	Сражение 1916 года	205
	Приложение. Сравнительный обзор соотношения сил	266
	Алфавитный указатель	269

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Генерал Эрих ф.-Фалькенгайн, главный труд которого (Die Oberste Heeresleitung 1914—1916) вышел в августе 1919 г. и теперь предлагается вниманию читателя в русском переводе, являет собою очень интересную и самобытную фигуру среди довольно однообразной галлереи немецких военных деятелей. Вот как характеризует его в своем труде „Der Grosse Krieg in Feld und Heimat“ [1]) полковник Бауер, мнение которого, как горячего „людендорфовца“, очень ценно своей обстоятельностью и отсутствием панегирик: „Трудоспособность Фалькенгайна была безгранична. Он схватывал легко, понимал живо, имел хорошую память и решал очень быстро. Но, не доставало ли ему прочных основ, или потому, что ему не хватало интуиции полководца, его решения часто оказывались половинчатыми, и даже в этих он колебался. В остальном он был очень ловок и умел взять людей в руки и использовать их так, что они сами этого не замечали. В личных сношениях он был неизменно любезен, но часто холоден и в большинстве случаев насмешлив. В конце концов, это была необычная натура, которая могла бы дать блестящего государственного деятеля, дипломата или парламентария, но полководец в нем был представлен наиболее слабо“.

В том же духе, но короче характеризует его Новак, упоминая, что Фалькенгайн не представлял собою тип прусского юнкерства. Все в нем было „weltmännlich, klug und geschmeidig“.

---

[1]) Dritte Auflage. Tübingen. 1922 г., 323.

В другом месте Бауер, рисуя Фалькенгайна в обычной обстановке в Плессе, удивляется блеску его мысли, остроте суждения и его находчивости. Тут же он оговаривается фразой, что Вильгельм довольствовался ежедневным докладом Фалькенгайна о военной обстановке, в остальном последний решал военные дела самостоятельно—мысль, о которой в своей книге говорит и сам Фалькенгайн.

Наконец, подводя итог деятельности Фалькенгайна, к моменту ухода его с поста начальника генерального штаба, Бауер подвергает ее очень строгой, иногда явно несправедливой оценке, но все же заключает итог такою фразой: „в период деятельности Фалькенгайна были совершены „ошибки" и притом некоторые из них исходили от него лично. Однако, кто не ошибается? Но несмотря на это, нужно признать, что Фалькенгайн был человек крупного масштаба (grosszügig). Если бы в рейхстаге и в правительстве мы располагали хотя бы только парой людей подобного типа, *война* никогда *не была бы* [1]) проиграна".

Эта оценка со стороны молодого немецкого полковника, при всей своей беспомощной узости, очень характерна и является очевидным отголоском суждений группы Людендорфа, строевых кругов (Бауер получал частые командировки на фронт) и, пожалуй, даже берлинских сфер. Фалькенгайн признавался, правда с постоянной гримасой, как нечто крупное, но упорно опорачивался, как военный деятель. В этом сходилось большинство, и в этом опорачивании было много надуманного и злого, и разве только самый скромный кусок правды. Горе было в том, что Фалькенгайн был молод для своего поста, имел слишком густую массу завистников и недоброжелателей, был мало популярен в населении, а в своем военном миросозерцании был идейно слишком одинок. В результате его положение на посту начальника генерального штаба в величайшую и сложнейшую из войн было исключительно сложным, нервным и поистине роковым.

14 сентября 1914 года вечером Фалькенгайну, тогдашнему военному министру, в Люксембурге, был Вильгельмом пред-

---

[1]) Курсив в подлиннике.

ложен пост начальника генерального штаба, вместо серьезно больного Мольтке. Время было тревожное, штаб верховного командования находился в полной панике. Почему столь ответственный пост и в столь ответственную минуту был поручен молодому сравнительно генералу, хорошо известному в политических кругах, особенно левой стороне рейхстага, прочно и умело занимавшему свое министерское кресло, но почти неизвестному стране в целом, сказать трудно [1]). Это было неожиданностью для многих. Впрочем, практика назначения начальника генерального штаба показывала, что оно всегда оставалось личным делом монарха, актом его не всегда ясных, но чисто индивидуальных соображений. Так был в свое время выбран и Мольтке старший, „за усердные танцы на придворных балах", как разгадывали эту загадку злые языки, также своеобразно выбирались и другие.

Принявши пост, Фалькенгайн продержался на нем два года без полумесяца: 29 августа 1916 года утром он был освобожден от своих обязанностей. Он ушел почти при такой же нервной обстановке в штабе, при какой он когда-то вступил в него: неожиданное выступление Румынии, разочарования, связанные с Верденом, тяжело давшаяся Соммская операция, в которой усматривали моральное поражение Германии... все эти факты, раздутые и муссированные, подготовили почву для давно желанных стратегических гостей... В Плесс появилась пара—Гинденбург и Людендорф,—с которою давно были связаны самые розовые ожидания. Фалькенгайн уступил победоносной паре свой тяжкий пост „без сожаления", как он говорил об этом, и ушел на скромную трансильванскую операцию. Завершив ее блестяще, он потом принял назначение в Малую Азию, вместо умершего в Багдаде фон-дер-Гольца, и ушел подальше от шумливых и придирчивых полей Европы.

---

[1]) Типично, что в своем труде Вильгельм, перебравши много лиц—генералов, адмиралов, дипломатов и т. п.—ни одним словом не обмолвился о Фалькенгайне, своем военном министре до войны и начальнике генерального штаба в течение двух лет ее. См. Wilhelm II, Ereignisse und Gestalten 1878—1918. Leipzig und Berlin. 1902, 309.

Время верховного руководства Фалькенгайна было глубоко интересно даже на богатом фоне мировой войны 1914—1918 г.г. Теперь этот период предан временному забвению, и память главного актера (Фалькенгайн умер два года тому назад) ныне редко тревожится мировой военной литературой. Другие моменты войны—18-й год, первая Марна,—более наглядные и роковые по результатам, занимают умы людей. Но свой черед придет и для Фалькенгайна, и для его боевого периода. Макензеновский прорыв, материальное сражение в Шампаньи, Сербский поход, Верденская операция, Брусиловский прорыв, Соммская операция... все эти столь крупные и содержательные этапы войны, отмеченные печатью своеобразного дарования Фалькенгайна, представят собою в свое время благодарные и неисчерпаемые задачи для научных изысканий и для художественного творчества...

К счастью для изучающих этот период Фалькенгайн успел своей книгой „Die Oberste Heeresleitung“ набросать общую стратегическую канву событий с нужными к ней пояснениями и историческими справками. Эту книгу можно с полным правом назвать „стратегической исповедью“ автора. Он сам говорит, что его труд не представляет собою военной истории в обычном смысле слова, и военные события или другие факты приведены в нем лишь тогда, когда они могли обосновать приводимые решения верховного командования Но вопреки этой скромной оценке содержания и об'ема своей работы автором, мы в ней должны видеть очень своеобразный, оригинальный и ценный труд, который придется поставить выше многих военных трудов, относящихся к мировой войне.

Труд Фалькенгайна как зеркало отражает его интересное не всюду еще выравненное, но глубоко оригинальное и передовое военное миросозерцание. Автор на ниве военной мысли новатор, отсюда он одинок, как Руслан на поле, усеянном мертвыми костями. И хотя книга среди торжеств мысли и блестящих достижений расскажет нам и о многих неудачах, огорчениях и промахах, но этот спутанный и опошленный жизнью результат не закроет от глаз

внимательного читателя яркости и размаха тех стратегических замыслов, которые лежали в основе операции.

Повторим еще раз. О периоде Фалькенгайна пока молчат, и его имя пока неясно и полно загадок. В военных кругах его военный лик затемнен былыми стараниями его завистников и недоброжелателей, а в его стране еще не редкость слышать такие суждения, что он был злым гением войны или что ему народ после Марны обязан наиболее тяжелыми кровавыми испытаниями—„Ипрской детской бойней“ и „Верденским адом“. Время скажет свое более веское слово.

А пока оставленная Фалькенгайном книга лучше всяких толков и пересудов расскажет о его стратегических замыслах, приведет его доводы и подведет на своих же страницах нужные итоги. Внимательно читающему ее она расскажет и правду о Фалькенгайне, и сложную правду о современной стратегии.

А. Снесарев.

Москва,
1 августа 1923.

I. СМЕНА НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА.

Вечером 14 сентября 1914 г. в Люксембурге его величество император и король поручил пост начальника генерального штаба действующей армии тогдашнему военному министру генералу-лейтенанту фон-Фалькенгайну вместо заболевшего генерал-полковника фон-Мольтке.

В первое время эта смена не была оглашена. Все же она произведена была в полном об'еме всех дел, так что на генерала фон-Фалькенгайна падает вся ответственность за верховное руководство военными действиями с этого дня и до его отставки, которая произошла утром 29-го августа 1916 г.; до вышеуказанного времени он не имел ни непосредственного, ни косвенного влияния на руководство операциями.

Смена произошла в не совсем обычной форме по его собственному желанию. Казалось несвоевременным беспокоить население Германии, которое и без того было возбуждено событиями войны, а также дать этой сменой новое видимое доказательство правильности неприятельской пропаганды, прививавшей мысль о достигнутой победе на Марне, пока еще была какая-либо надежда на скорое улучшение здоровья генерала ф.-Мольтке, что дало бы ему возможность снова принимать участие в верховном командовании в той или иной форме. Такая надежда не оправдалась.

3 ноября 1914 г. пришлось опубликовать окончательное назначение генерал-лейтенанта ф.-Фалькенгайна на пост начальника генерального штаба с оставлением его в должности военного министра.

Временное совместительство в последней должности было предложено самим генералом.

Такое совместительство было вызвано воспоминанием о безотрадных отношениях [1]) между военным министерством и генеральным штабом в 1870—71 годах, которые хотя и не были преданы всеобщей огласке, но фактически все же были налицо. Исполнение без задержек тех неслыханных требований, которые должны были быть пред'явлены работоспособности военного министерства впродолжение войны, что сказывалось даже и в этот начальный ее период, а также необходимость достичь дружной совместной работы без трений и в теснейшей связи с генеральным штабом, все это делало крайне желательным единство управления до тех пор, пока ведомства не привыкли бы к совместной работе. Благодаря этому, главным образом, проведена была без задержки регулировка вопроса о снабжении сырыми материалами, предложенные военным министром сейчас же по об'явлении войны, как и решенные одновременно формирования новых крупных войсковых соединений. Также проведены были без трений и ведомственных препирательств переорганизация и обширное развитие военного производства, вскоре потребованные новым начальником генерального штаба.

В течение первых двух лет войны хорошие отношения, созданные таким образом между генеральным штабом и военным министерством, вообще не нарушались. В общем они выдержали также все испытания и до самого конца войны. Излишне будет перечислять все те хорошие результаты, которые отсюда вытекли. Можно сказать, что временное совместительство должностей начальника генерального штаба и военного министра в начале войны явилось одним из важнейших условий для достижения этого при наличии

---

[1]) Трения были между всеми членами знаменитой тройки Бисмарк—Мольтке—Роон. Между первым двумя (не только между лицами, но и органами) см. Bismark, Gedanken und Erinnerungen. т. II, стр. 94—98; между вторыми более глухую справку можно найти в Militärische Korrespondenz, т. III.

Прим. ред.

у противника безграничного перевеса в военных средствах.

Когда, по инициативе имперского канцлера Бетман-Гольвега, из-за вполне понятных соображений, связанных с конституцией, в январе 1915 г. произошло вновь разделение, совместная работа была настолько уже налажена, что она не подвергалась более никакому риску; да и личность нового военного министра генерал-лейтенанта Вильд фон-Гогенборна служила залогом ее поддержания. Как бывший генерал-квартирмейстер, новый министр был знаком с планами и намерениями своего предшественника и был в этом отношении единодушен с ним.

В связи с вышесказанным будет полезно, до рассмотрения самих событий, выяснить понятие „верховного командования" (Die Oberste Heeresleitung), а также вопрос об его отношениях к союзным командованиям.

Во время войны, на основании имперской конституции, командование всеми вооруженными силами Германии сосредоточивалось непосредственно в руках императора, в качестве главнокомандующего, а следовательно ему принадлежало и командование, не только действующей армией, но и всем тем, что вообще можно рассматривать как относящееся к армии,—а также и флотам. Таким образом, в его лице олицетворялось „верховное командование".

При исполнении функций верховного главнокомандующего его органами являлись по отношению к сухопутной армии—начальник прусского генерального штаба полевой армии, по отношению к морским силам—начальник общеимперского морского штаба, причем, как само собой разумеющееся, принималось за правило, что в вопросах, касающихся совместного ведения войны на море и на суше, мнение начальника генерального штаба являлось решающим.

Для облегчения или вернее для осуществления планомерности работы император дал начальнику генерального штаба право издавать от своего имени оперативные приказы. Благодаря этому, еще более благодаря историческому ходу событий, последний оказывался настоящим носителем

прав и обязанностей верховного командования, а также и единственным лицом, ответственным за его действия и ошибки [1]).

Разумелось само собой, что он постоянно осведомлял императора о событиях на фронте и испрашивал его указаний при важных решениях. Так велось дело без всяких исключений во все продолжение исполнения должности генералом Фалькенгайном. От верховного главнокомандующего не было скрыто ни одно сколько либо важное событие; точно также не была принята ни одна решительная мера, которая не была бы ему предварительно представлена.

Круг ведения начальника генерального штаба, как представителя верховного главнокомандующего в верховном командовании, ограничивался лишь теми пределами, которые конституцией были установлены для высших имперских должностных лиц. Поэтому, напр., — а это нужно упомянуть в связи с последующим—направление политики германской империи, составлявшее круг ведения имперского канцлера, и административное управление армией, составлявшее круг ведения военного министра, оставались самостоятельными. Этим поясняется подчеркнутая выше важность временного об'единения должностей военного министра и начальника генерального штаба, при непредвиденных в полном об'еме условиях, созданных войной.

Вопрос о проведении в жизнь очень естественной мысли достичь той же цели путем создания стоящей над военным министром и начальником генерального штаба личности главнокомандующего не возникал в такой прочной, но в то же время конституционной монархии, каковой была Пруссия. Главнокомандующий уже имелся в лице императора; хотя он зачастую и был занят другими делами, он однако никогда не позволял другим своим обязанностям заслонить его обязанности главнокомандующего.

---

[1]) Полковник Бауер с прозаической откровенностью говорит по этому поводу, что Вильгельм довольствовался ежедневным докладом Фалькенгайна об общей военной обстановке: „Im übrigen war Falkenhayn militärisch selbständig". Oberst Bauer, Der Grosse Krieg in Feld und Heimat. 3-e Auflage. 1922, стр. 72. *Прим. ред.*

С другой стороны, этим не имелось ввиду намекнуть, что деятельность военного министра после ее отделения от должности начальника генерального штаба, или деятельность имперского канцлера протекали без влияния со стороны начальника генерального штаба, хотя и не всегда согласно его желаний.

Политика и военное министерство были так тесно связаны с командованием армией в этой борьбе за существование, что не могли быть от него отделены. Где это не проводилось, там всегда были налицо нездоровые последствия. И наоборот, начальнику генерального штаба приходилось очень основательно всем этим заниматься, особенно политикой [1]). Но он, кроме редких неизбежных случаев, всегда тщательно избегал принимать участие в осуществлении решений. Он был убежден,—и это мнение еще более укрепилось за время совмещения им обязанностей военного министра и начальника генерального штаба,—что никаких человеческих сил не хватит, чтобы рядом с верховным командованием исполнять еще другие обязанности. Вероятно это мнение не было опровергнуто последующими событиями войны. Позволительно утверждать, что вышеописанное немецкое решение задачи управления во время войны большим современным государственным организмом было в принципе удачно. Лучшим решением наши враги нигде не располагали.

Вопрос о том, насколько это решение оправдывалось в жизни, зависел, конечно, как и во всех вещах нашего несовершенного мира, прежде всего от людей, которые должны были проводить в жизнь эти принципы.

Вопрос о ведении союзнической войны не был урегулирован между Германией и Австро-Венгрией ни перед войной, ни при ее об'явлении. Причины, почему это так случилось,

---

[1]) Автор не расчленяет понятие политики на внешнюю и внутреннюю, а между тем ему ставилось в упрек—да и его преемнику Гинденбургу,—что он решительно (или почти) не занимался второй.

Прим. ред.

несмотря на опыты предыдущих коалиционных войн, неизвестны. После смены начальников генерального штаба изменение существующего порядка вещей не признавалось целесообразным, т. к. от такой перемены опасались вредного влияния на внутреннюю жизнь австро-венгерской армии и самой двуединой монархии, тем более, что они и так были потрясены неудачами на фронте.

Если бы перемена была проведена насильно, то пришлось бы с уверенностью ожидать изменения в личном составе на ответственных постах в верховном командовании союзника, а вместе с этим и вероятного изменения системы. А это является при исполинском механизме современной армии вооруженного народа таким сомнительным предприятием во время войны, что без крайней на то нужды оно было недопустимо, и недопустимо, главным образом, еще потому, что в Германии известны были теперешние должностные лица, с их недостатками, но также и с их достоинствами, но не было известно, кто заступит их место. В конце концов перемена не казалась уже столь настоятельной. Под давлением военной обстановки союзники сами собой были принуждены поступаться кое-какими частными желаниями в пользу достижения общих целей.

Германскому и австро-венгерскому командованиям, (последнее оффициально называлось императорское и королевское главное командование [1]) (kaiserliches und königliches Armee-Oberkommando), ничего другого не оставалось делать, как вступать во взаимное соглашение каждый раз, как возникал тот или иной повод.

Конечно, было естественно, что в виду соотношения сил, германское верховное командование имело в решениях перевес.

Подобная система совместного ведения войны действовала удовлетворительно, при наличии довольно широкой предупредительности со стороны Германии, до тех пор, пока

---

[1]) Нужно заметить, что военная терминология немецкой и австрийской армии во многом не совпадает, что вызывало даже необходимость параллельных словарей.

Прим. ред.

Австро-Венгрия улучшением своего положения зимой с 1915 на 1916 год не введена была в искушение вступить на самостоятельную дорогу. Отсюда возникли затруднения (Unzuträglichkeiten), разросшиеся вскоре до такой степени, что к завершению периода деятельности генерала Фалькенгайна пришлось отказаться от старой системы, наметив переход к формальному признанию всеми союзниками германского верховного командования, в качестве верховного военного командования (Oberste Kriegsleitung). Мы еще будем иметь случай подробнее остановиться на развитии событий, которые послужили поводом к этому.

В отношениях германского верховного командования к болгарскому и турецкому командованиям никогда не возникало затруднений. Они всегда шли навстречу германским пожеланиям.

Выше было указано, что ответственность за действия верховного командования падала исключительно на начальника генерального штаба. Он мог нести это исключительное бремя, конечно, лишь потому, что его в качестве сотрудников окружала группа выдающихся людей, которых надо считать тоже принадлежащими к верховному командованию. Нельзя обойти молчанием их имена в труде, трактующем о деятельности этого верховного командования. К начальнику генерального штаба ближе всего стояли начальники отделений генерального штаба: полковники Таппен [1]),—оперативного—и фон-Доммес, позднее фон-Бартенверффер—политического; подполковники фон.-Фабек, позднее ф.-Тишовиц—личного состава и общего делопроизводства; Хенч [2]),

---

[1]) Волевая фигура, несколько самоуверенная и тяжелая в служебных отношениях. Трудолюбивый, точный до крайности и строгий к себе, Таппен, благодаря некоторой замкнутости Фалькенгайна, имел на него несомненное влияние. Таппен продержался при Мольтке и Фалькенгайне. *Прим. ред.*

[2]) Сыгравший печальную, но неясную роль во время первой Марны. Бауер подчеркивает в нем пессимизм (Schwarzseher), признавая за ним ум, знания и прилежание. Было ли удачным выбором послать такого „паникера“ в роковые дни Марны для решения крайне нервного вопроса? *Прим. ред.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

позднее ф.-Раух—разведывательного; и, наконец, майор Николаи—информационного.

Затем, при начальнике ген. шт. состояли: генерал-квартирмейстер, генерал-майор ф.-Фойгтс-Рец, позднее генерал-майор Вильд фон-Гогенборн и генерал-лейтенант барон ф.-Фрейтаг-Лорингхофен с начальником штаба генерал-майором Цёллнером, главный интендант генерал-майор ф.-Шёлер, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-лейтенант Зигер, начальник штаба военного воздушного флота, исполнявший одновременно должность командующего им, майор Томсен, начальник полевых железных дорог полковник Грёнер, инспектор артиллерии генерал-от-артиллерии Лаутер, начальник инженеров генерал-от-инфантерии ф.-Кляэр, начальник санитарной части военный врач доктор ф.-Шьернинг и некоторые другие.

II. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТАХ В СЕРЕДИНЕ СЕНТЯБРЯ 1914 ГОДА.

(Карта № 1).

Положение на западе.

(См. карту № 2).

Общее положение срединных держав сделалось к середине сентября в высокой мере затруднительным.

Правда, отступательные операции, связанные со сражением на Марне, закончились [1]). Германская армия на западе вновь противустояла врагу. Все же фронт между Уазой и Реймсом держался лишь с трудом против ударов нажимающего противника. Также и в Шампаньи немецкие линии еще не приобрели достаточной устойчивости.

К тому же по ту сторону Уазы угрожала опасность действительного обхода со стороны врага. Правое германское крыло, стоявшее на этой реке без значительных резервов, висело в воздухе. Имелись достоверные сведения, что неприятель продолжает переброску значительных сил на запад. Вопрос, прибудут ли во время части, которые, начиная с 5 сентября, брались из германских армий в Вогезах и Аргоннах, где нажим врага был слабее, а также и специально для этого сформированные, был далеко еще не ясен, ввиду недостатка в железных дорогах с удовлетворительной про-

[1]) Интересно отметить, что автору ставили в упрек, что он разрешил отойти дальше, чем нужно было: позволил, напр., отойти V армии (кронпринца), под предлогом якобы трудности оказать сопротивление в Аргоннах или очистить Côte Lorraine, что дало возможность свободнее вздохнуть Вердену, который был недалек от падения. *Прим. ред.*

возоспособностью, больших расстояний и неустойчивости положения вещей на участке фронта, в тылу которого им приходилось продвигаться. С уверенностью можно было расчитывать разве только на корпус из Бельгии, который находился по дороге из Сен-Кантена на Нуайон. Два других корпуса, подходившие из Вогезов и из под Мобёжа, пришлось ввести в действие на поддержку временно прорванного участка к западу от Реймса, в непосредственной близи его. Других резервов пока не было. Все еще давало себя сильно чувствовать ослабление западного фронта, обусловленное переорганизацией командования на востоке перед сражением под Танненбергом, при вступлении в командование 8-й армией генерала-полковника ф.-Гинденбурга вместо генерал-полковника ф.-Притвица [1]). Это ослабление значительно увеличило бывший уже на лицо численный перевес неприятеля на западе. Войсковые соединения, из'ятые для переброски, были взяты с западной половины фронта, значит, с его ударного крыла. Поэтому отсутствие их было особенно чувствительно при решительном сражении на Марне, да и после него.

Благодаря большой отдаленности верховного командования, находившегося в Люксембурге, возникали серьезные затруднения при передаче приказов и донесений. Это нужно было немедленно устранить. Поэтому решено было перенести ставку вперед, в Шарлевиль-Мезиер.

Новый руководитель военными операциями прибег при данных условиях к ближайшему средству для предотвращения угрожающего западному флангу обхода. Немедленно приказано было перейти к контр-атакам по всему фронту.

Они не принесли ожидаемых выгод, несмотря на то, что враги страдали, повидимому, от таких же внутренних затруднений, как и немцы. Виной тому было слишком разбросанное, по недостатку времени, производство атак, а также и состояние войск.

---

[1]) Для этой цели из боевой линии из'яты были три корпуса, но переброшены были лишь два. Третий вернули обратно на западный фронт, когда выяснились роковые последствия этой меры.

Строевой состав сильно упал вследствие быстрого [1]) превзошедшего всякие ожидания наступления, многочисленных ожесточенных боев в течение его и перерыва связи. Пополнения не успевали подходить. Всюду не хватало младшего командного состава. Наступательные бои пробили в его рядах огромные бреши, которые совершенно не представлялось возможным быстро заполнить. Пополнения зачастую задерживались, т. к. конечные пункты железных дорог на западном фланге отстояли от передовой линии на пять переходов. Снаряжение крайне нуждалось в пополнении. Уже появлялись грозные признаки недостатка в снарядах [2]). Правда, германская армия выступила в поход хорошо снабженной, согласно взглядов, тогда существовавших. В последние годы перед войной военное министерство сделало все по тогдашним понятиям возможное, чтобы удовлетворить задачам, поставленным генеральным штабом. Однако расход во много раз превысил предположения мирного времени, и он постоянно рос, несмотря на строгие меры против расточительного расходования патронов. Кстати можно упомянуть, что и наши враги в этой области пережили точно такое же испытание.

Как выше указано, произведенные немцами контр-атаки не достигли настоящей цели. Французы и англичане были вынуждены перейти к обороне по всему фронту от Мозеля до Уазы. Этим им была прочно вколочена мысль, насколько они ошиблись, когда события, последовавшие за сражением на Марне, они сочли за поражение немцев. Не удалось однако ни отвлечь, ни парализовать их передвижений в обход германского правого фланга. А между тем каждое полученное здесь противником преимущество должно было повести к последствиям, размер которых нельзя было и предвидеть.

---

[1]) Клук вел армию со скоростью до 40 килом. в день. Вывод о вреде этой быстроты для боеспособности немцев сделался уже достоянием учебников. См. напр., F. Culman, Cours de Tactique Generale. 2-e édition, Paris, 1921, 590. Стр. 143. *Прим. ред.*

[2]) Т.-е. на второй месяц войны. Таковой оказалась судьба всех армий, а не *одной* только русской. *Прим. ред.*

В качестве сколько-нибудь пригодных под'ездных путей для большей части западной половины германской армии служили железные дороги, идущие из Бельгии в район Сен-Кантена. Почти лишенные прикрытия они представляли полный простор для неприятельских нападений. Что французские и английские кавалерийские дивизии не использовали этого случая,—является прямо загадкой.

Хотя бельгийская армия со своей английской поддержкой и была отброшена на Антверпен, но ее численность и близость к важнейшим германским коммунникационным линиям требовали постоянного и весьма напряженного внимания. Было еще совсем неясно, когда можно будет освободить войска, направленные против нее, для достижения других целей. По численности они были значительно слабее противостоящих войск противника.

Итак, оставалось лишь производить переброски в тылу германского фронта параллельно переброскам противника, но с большей скоростью, чтобы не только парировать охватывающие стремления врага, но чтобы по мере возможности встретить их атакою, обходя в свою очередь. В то же время требовалось во всяком случае устранить угрозу тылу со стороны Антверпена. Генерал фон-Безелер, командовавший группой в этом районе, получил указание всячески ускорить момент штурма крепости, не считаясь с соотношением сил. Нужная артиллерия была направлена ему в самом спешном порядке [1]).

Вопрос, насколько целесообразно было еще большей оттяжкой фронта назад облегчить собственное движение на запад и затруднять неприятельские попытки охвата, был решен отрицательно.

Оттяжка фронта во всяком случае не сыграла бы роли при необходимости немедленно парализовать контр-мерами

---

[1]) Антверпен капитулировал после 36-часовой бомбардировки. Полк. Бауер, посланный *ободрить* Безелера и обещавший Фалькенгайну, что Антверпен падет „спустя 8 дней после открытия огня тяжелой артиллерии", более чем сдержал свое слово. „Бельгийцы" замечает он, „дрались до прискорбия дурно" (jammervoll schlecht) *Прим. ред.*

угрозы обхода фланга и желательности достичь такого положения, при котором правый фланг твердо бы упирался в море. Безопасность западной части Германии с ее столь же чувствительными, как и необходимыми для ведения войны богатствами должна была во всяком случае быть обеспечена.

Всякая новая линия фронта, которую вообще можно было принять в соображение, с самого начала была открыта для обхода со стороны противника, в виду его выдвинутого положения и хороших сообщений, которыми он располагал. Поддержание нейтралитета Голландией и неприкосновенность ее границ нельзя было при рассмотрении принимать за надежные данные.

Еще казалось возможным, если только существующий немецкий фронт выдержит напор противника, захватить северное французское побережье, а с этим и господство над Ла-Маншем.

От этой возможности тем меньше можно было отказаться, что начальник генерального штаба держался целей, положенных в основу первоначального плана кампании, и сводившихся к достижению конечного решения сперва на западе при возможном ограничении сил на востоке, пока положение западного фронта станет вполне прочным. Излишне доказывать, что подобное положение к сентябрю 1914 года не было даже и приблизительно достигнуто.

Часто обсуждался вопрос, не нужно ли было войну на два фронта начать как раз наоборот, иными словами, обороной на западе и наступлением на востоке.

Представители такого образа действий ссылаются между прочим на мнение фельдмаршала графа Мольтке, приведенное в „Gedanken und Erinnerungen“ Бисмарка [1]). Между тем, ссылка на такой серьезный авторитет едва ли вполне справедлива. Без сомнения, фельдмаршал не принял в расчет участия Англии в войне. А при таких обстоятельствах план, о котором он упоминал в разговоре с князем Бисмарком, едва ли был применим. Создатель стратегического раз-

[1]) Имеется русский перевод, изд. 1923 г. Госиздата.
Прим. ред.

вертывания, проведенного в 1914 году—генерал-полковник граф ф.-Шлиффен обязан был уже серьезно принять во внимание участие Англии. Если же это было так, то при начале войны немыслим был какой-либо иной образ действий, как тот, которой действительно и был выбран. При безграничной почти возможности для русских уклоняться, сколько угодно, от решительного боя нельзя было расчитывать справиться с ними раньше того момента, пока враги не успеют еще одержать на западе решительную победу или, по крайней мере, не усилятся, при своих почти неограниченных средствах настолько, что уже не останется много надежды на последующий немецкий успех. Что русские в 1914 году—вероятно зная план немецкого развертывания—действовали вопреки намерениям, им здесь приписываемым, не является еще доказательством противного.

Как бы то ни было, начальник генерального штаба, ответственный за общее ведение войны, не мог поддаваться колебаниям, раз развертывание было проведено по только что изложенным соображениям, и из него стали уже вытекать боевые действия, и после того, как сражение на Марне не достигло поставленной цели. Всякие попытки нажать на востоке до полного закрепления фронта на западе, должны были создать на последнем невыносимое положение, в то время как на востоке, в виду позднего времени года, нельзя было надеяться на решительный успех.

Для немецкого полководца, между тем, не могло быть и вопросом, закреплять ли западный фронт наступлением, раз таковое вообще казалось возможным.

Правда, в то время еще нельзя было предвидеть, когда можно будет подготовиться к нанесению нового удара на западе. Тогда преобладало мнение, что прежде всего необходимо, главным образом, устранить указанные выше недочеты армии. Мысль, что такое устранение удастся немцам провести скорей и лучше, чем неприятелю, находящемуся в одинаковом положении, казалась очень обоснованной. Если это и не оправдалось в полном об'еме, то случилось это потому, что не приняли в расчет поддержки врага, начавшейся сейчас же по об'явлении войны и выразившейся в доставке

ему сырых материалов из Америки и Италии, а это едва ли можно было заранее принять в расчет.

Растущая в перспективе необходимость поддержать союзников, попавших в тяжелое положение в Галиции, не могла поколебать этого решения. Полагали, что, даже в неблагоприятном случае, новые войсковые части, формируемые в тылу, окажутся достаточными, чтобы поддержать положение на восточном фронте, пока суровая зима не прекратит там операций. На западе подобное затишье под влиянием погоды не предполагалось. Правда, уже во время войны выяснилось, что при особых свойствах почвы Бельгии и северо-восточной части Франции крупные операции были все же подвержены и здесь значительным ограничениям в сырое время года.

Но если остаться при мысли сначала достичь решения на западе, то против оттяжки фронта назад говорили еще и другие важные соображения. Не говоря уже о том, что такая оттяжка отдала бы врагу территорию, использование которой было крайне важно для германского командования, она поставила бы немецкую армию, во всяком случае, в более невыгодное положение для возобновления наступления, чем это было при существующем расположении сил. Неприятелю дана бы была на долгое время, и при том полная, возможность действовать по своему усмотрению; он сразу бы освободился от давления, которое тяготело над ним, несмотря на события на Марне.

Этого нужно было тем более избегать, что морское сражение при Гельголанде 29 августа ясно доказало, что от морских сил пока нельзя было требовать действительного перерыва английских морских сообщений. Морской же штаб отказывался ввести в действие флот в неприятельских водах для достижения решительных результатов. Он считал, что, в случае неблагоприятного исхода, а таковой надо было предположить, как возможный, в виду соотношения сил, он не в состоянии уже будет гарантировать безопасность немецкого побережья. Тогда еще нельзя было предусмотреть ту важную роль, которую предстояло позднее сыграть подводным лодкам в этом направлении; в ближайшее

время число их было совершенно недостаточно. А возможность десантных попыток противника на германской или нейтральной территориях нельзя было совершенно упустить из виду.

Ко всему этому большое значение имели, по опыту сражения на Марне, те моральные и политические настроения, которые должны были создаться на почве дальнейших уступок среди своих и врагов, и главным образом, среди так называемых нейтральных. Такие настроения могли и должны были бы быть оставлены без внимания, если только имелось в виду начало нового наступления. Такового же не предвиделось.

Положение на востоке.

(См. схему № 1 и карту № 1).

На германском участке восточного фронта русские находились в состоянии отхода из Восточной Пруссии за среднее течение Немана и верхнее течение Нарева под давлением 8-й германской армии, бывшей под командованием генерал-полковника ф.-Гинденбурга, начальником штаба которого был генерал-майор Людендорф. Можно было рассчитывать, что русские здесь в ближайшее время не начнут решительной операции. С другой стороны, было известно, что они группируют свежие силы по ту сторону вышеозначенных рек. Продолжение фронтального преследования неприятельской неманской армии, разбитой лишь в меньшей своей части и оставшейся в том виде, в каком она вышла из сражения у Мазурских озер, не давало надежды на скорые, решительные результаты. Но от него положительно надо было отказаться, принимая во внимание обстановку на галицийско-польском фронте.

Там австро-венгерская армия отступала от Сана. Она храбро боролась в конце августа против превосходных русских сил [1]). Ее слабая внутренняя спайка не могла выдержать такого испытания. В середине сентября в германской главной квартире созрело убеждение, что, в виду сла-

[1]) См. приложение: Соотношение сил на восточном театре под рубрикой 1 с.

Условные знаки:
Немецкие
Ав.-Венг
Русские, по данным того времени.
Отступление Ав.-Венг.армии в половине сентября
1. (Ренненкампф)
Тильзит
Неман
Прегель
Кенигсберг
Ковно
Гумбиннен
Ангербург
Данциг
Сувалки
Лётцен
Лык
Алленштейн
Гродно
Граудени
Бромберг
Ломжа
Белосток
Млава
Липно
Остатки 2 армии разбитой под Танненбергом в процессе переформирования
Плоцк
Пултуск
Остров
Познань
Варта
Кутно
Бзура
Варшава
Ковель
6.
Слабое обеспечение
Калиш
Русск. кавал.
Лодзь
Петроков
Люблин
Ченстохов
Кельцы
4.
Верхн
Силезия
5.
Краков
Тарнов
Австро
Венг. войска
Ярослав
3.
Львов
8.
Перемышль
2.
Зап. Бескиды
Карпаты
Вост. Бескиды
Стрый
7.
Станиславов
Коломыя
1:5000000.

Схема № 1.

бости и общего состояния союзных войск, решение вопроса о том, где и когда остановится это отступление, зависит исключительно от воли неприятеля. Если бы он использовал обстановку и продолжал продвигаться вперед несмотря ни на что, то должна была возникнуть серьезная угроза для провинции Силезии. Но захват, хотя бы временный, русскими Верхней Силезии являлся недопустимым. Он отнял бы у Германии могучие источники питания промышленности и очень скоро сделал бы ведение войны немыслимым. Также нельзя было упускать из виду и опасности русского приближения к Чехии. Оно, вероятно, повело бы к внутренним волнениям в двуединой монархии, которые совершенно парализовали бы ее военную мощь.

И, наконец, что пожалуй было тогда одним из самых важных соображений, казалось, что дальнейшие успехи русских над австро-венгерскими силами должны были уничтожить надежду на переход балканских держав, а главным образом, Турции, на сторону срединных держав.

Начальник генерального штаба считал совершенно необходимым достичь этого последнего присоединения. В случае, если бы не удалось запереть для Антанты на продолжительное время проливы между Черным и Средиземным морями, пришлось бы значительно сократить надежды на благоприятный исход войны. Россия была бы освобождена от своей изолированности, столь чреватой последствиями. Но эта то именно изолированность и давала более верные гарантии, чем это могли дать военные успехи, что мощь исполинского государства должна иссякнуть, так сказать, сама собой. Раз уже строго организованный, привыкший за несколько столетий к точной работе государственный организм Германии, который к тому же располагал в собственной стране неисчерпаемым количеством организаторски-подготовленных сил, и тот еле-еле выдерживал огромные задачи, наложенные на него войной, то можно было быть уверенным, что это не удастся сделать внутренне гораздо более слабому русскому государству. Насколько это понятно человеческому разуму, Россия не могла на долгий срок совместить требования такой борьбы с ломкой всей своей хозяйственной жизни, вы-

званной внезапным изолированием от внешнего мира, вследствие закрытия западных границ и Дарданелл.

Из таких соображений вытекала сама собой необходимость немедленной, непосредственной и широкой поддержки союзников. Конечно, не легко было ответить на вопрос, как же это сделать?

Ослабление западной армии, в виду вышеизложенного, было недопустимым. Также нельзя было предположить, что можно будет оттуда своевременно перебросить достаточные силы на помощь союзникам. Против подобной попытки предостерегал тот факт, что отсутствие частей, взятых с запада перед сражениями на Марне и под Танненбергом, дало себя остро почувствовать на западе, на востоке же оно не принесло существенной пользы. Об этом приходится сказать вторично, т. к. едва ли возможно достаточно подчеркнуть гибельное влияние этого факта на ход этого периода войны [1]).

Конечно, в глубоком тылу обучались многочисленные пехотные дивизии. Они намечены были в первые дни мобилизации по указаниям военного министра, когда у него исчезло всякое сомнение, что мирные исчисления генерального штаба сил противника на первые месяцы войны на много отстанут от действительности, в виду позиции, занятой Англией и ввиду получения известий о раннем прибытии на запад России ее войсковых частей из Азии. Военное министерство, под руководством заместителя военного министра генерал-лейтенанта ф.-Ванделя, незаменимым сотрудником которого являлся начальник обще-военного отдела полковник ф.-Врисберг, сделало все в пределах возможности при увеличении новых формирований, на сколько то позволяли имеющиеся на-лицо командный состав и живая сила, и ускоряло эти формирования до крайности. И все же, молодые германские части еще нельзя было в то время рассматривать, как готовые для действий.

---

[1]) Авторитетное подтверждение силы помощи, оказанной Россией в этот момент союзникам.

Прим. ред.

Пришлось отказаться от наиболее естественной и, в случае удачи, самой действительной операции для выручки союзников. Она сводилась бы к продолжению наступления из Восточной Пруссии для глубокого удара по России или Восточной Польше. Предпосылкой для такой косвенной поддержки должна была бы быть переброска дальнейших значительных сил на северный фланг союзников для их непосредственной поддержки. Без этого вышеуказанные последствия дальнейшего русского продвижения на Силезию сказались бы ранее, чем неприятель почувствовал бы удар из Восточной Пруссии настолько сильно, чтобы приостановить нажим на австро-венгерскую армию. Затем являлось еще большим вопросом, каким образом можно было вообще провести такую широкую операцию, в виду позднего времени года на этих широтах и перед началом „бездорожья". Так называется на востоке период, часто продолжающийся несколько недель, во время которого осенние или весенние дожди делают почти невозможным всякое движение, исключая немногих шоссе. Улучшение приносит в первом случае только мороз, во-втором—все выше поднимающееся весеннее солнце. Еще не имелся опыт зимы 1914—15 года, который явился для каждого солдата целым открытием в области суждения о степени выносливости современных людей при перенесении климатических влияний и влияний погоды. Но даже, если бы он и имелся, нельзя было при огромных расстояниях, с которыми приходилось иметь дело, расчитывать на своевременный успех.

Аналогичные соображения говорили и против операции на восточном берегу Вислы, против линии болот по нижнему течению Нарева, являвшихся естественной преградой, к тому же хорошо укрепленной.

Вследствие этого начальник генерального штаба решил продолжение преследования из Восточной Пруссии вести лишь небольшими силами 8-й армии под командой генерала от артиллерии ф.-Шуберта. Главные силы тамошних войск были ускоренным темпом переброшены в Верхнюю Силезию и южную Познань, в качестве вновь сформированной 9 й армии, под командой генерал-полковника ф.-Гинденбурга.

Оттуда она должна была перейти в наступление совместно с австро-венгерской армией. Если вновь имелось в виду наступление, несмотря на удар, полученный войсками этой армии, то это оправдывалось произведенным за это время подвозом многочисленных подкреплений. К этому присоединялась мысль, что при общем под'еме, вытекающем из стремления итти вперед, можно будет ожидать лучших результатов от действий союзников, чем при чисто оборонительной войне, требующей самой строгой дисциплины.

Цель наступления сводилась к тому, чтобы как можно больше оттеснить главные силы противника от германской границы и побудить его перебросить и другие войсковые части на этот фронт. Через это другие участки восточного театра военных действий могли бы получить значительное облегчение. Таким путем начальник генерального штаба надеялся выиграть время для развития своих планов на западе. Способ проведения в жизнь крайне трудной задачи был предоставлен совместному соглашению начальников на местах, т.-е. командующего 9-й армией и начальника австро-венгерского генерального штаба генерала от инфантерии Конрада ф.-Гецендорфа.

Генерал ф.-Фалькенгайн поставил в полную известность политических руководителей государства о своем мнении насчет серьезности общего положения на фронтах военных действий. Он дал как имперскому канцлеру, так и министру иностранных дел ф.-Ягову, необходимые пояснения.

В них он исходил из того положения, что нет никаких данных отчаиваться в удовлетворительном исходе войны, но что события на Марне и в Галиции отодвинули ее исход на совершенно неопределенное время. Задача быстро добиться решений, что до сих пор являлось основой для немецкого способа ведения войны, свелась к нулю.

Если и можно было допустить, что не повторится то, что послужило причиной неудачи во Франции, то уже нельзя было ни нагнать драгоценного незаменимого времени, ни вытравить влияния Марнского отступления на усиление вражеской воли к победе. Также было ясно, что нельзя

будет вполне залечить раны, обозначавшиеся у союзников, хотя лишь и частично, но вполне отчетливо.

Приходилось также приучать себя к возможности осуществления с каждым днем яснее и яснее обрисовывающегося плана Англии выиграть войну при помощи измора (нас) голодом и истощения сил. Разбить таковой активными действиями флота было пока безнадежно, по мнению начальника морского штаба. Можно было, правда, надеяться, что такой план не будет иметь успеха при осторожном использовании средств Германии и ее союзников. Но приходилось крепко расчитывать на гораздо большую продолжительность войны, чем каковая была принята и еще принималась. Благодаря этому возникали требования непомерной величины ко внутренней жизненной силе срединных держав. Как они с этим справятся, не было еще вполне ясно, и большое значение получало всякое облегчение давления, испытываемого этими державами с обеих сторон. Если бы политические органы страны отыскали путь к соглашению с врагами—с военной точки зрения было равносильно, на востоке или на западе,— то казалось бы желательным к нему прибегнуть. В противном случае,—а что дела именно обстоят так, подтверждали политические руководители в полном согласии с начальником генерального штаба, оценивая общее положение—надо было испробовать все средства для поднятия и усиления способностей и воли продержаться до конца, как в германском народе, так и в двуединой монархии.

III. СРАЖЕНИЯ НА ИЗЕРЕ И ПОД ЛОДЗЬЮ.

Наступление, предпринятое к концу сентября 9-й германской и австро-венгерскими армиями по обоим берегам верхнего течения Вислы, цели не достигло.

Хотя неприятельские силы, успевшие уже переправиться через Вислу и Сан, были оттеснены при их дальнейшем продвижении, но, когда противник ввел в действие главные силы, положеиие изменилось. Наши союзники не смогли приковать к себе русские силы на участке Сана, почему враг и успел своевременно перебросить значительные силы из Галиции на север. Он получил также подкрепления из глубокого тыла. Таким образом, русским не только удалось оттеснить австро-венгерское северное крыло левее Вислы, но даже угрожать от Варшавы охватом северному крылу 9-й армии. Чтобы избежать такой опасности, армия должна была в конце октября отступить по направлению на Силезию, что принудило австро-венгерскую армию тоже отойти.

Снова с середины октября стали раздаваться с восточного фронта настойчивые просьбы о помощи, обращенные к западу. Нельзя было оспаривать их обоснованность, но несмотря на это начальник генерального штаба, в виду развития событий во Франции, не был в состоянии удовлетворить их хотя бы приблизительно. В особенности, пришлось отклонить поддержанное командованием 9-й армии требование австро-венгерского главного командования о переброске приблизительно 30 дивизий с запада на восток. Такая передача сделала бы положение на западе безнадежным. Никогда бы преимущества, ожидаемые от такой переброски на восток, не могли уравновесить всех ее отрицательных

последствий, даже если и не принимать в расчет, что перевозка этих сил взяла бы столько времени, что они не могли бы улучшить создавшееся затруднительное положение.

Учитывая общее положение дел на востоке, оставалось занять выжидательное положение, что могло быть предпринято благодаря бóльшей оперативной способности союзных войск. Если бы при этом удалось охватить фланг врага, то можно было надеяться на достижение поставленной цели. Для такого исхода надо было дать 9-й армии бóльшую свободу действий, иными словами, не заставлять ее поддерживать все время постоянную непосредственную связь с северным флангом австро-венгерской армии в южной Польше. Верховное германское командование рекомендовало именно такой способ действия, стараясь одновременно создать все нужные для таких действий условия, но в то же время не создавая необходимости отказываться от планов на западе.

9-я армия была пополнена, поэтому, ввиду ее очень больших потерь, посылкой почти всех имеющихся в глубоком тылу обученных формирований. Один из вновь сформированных корпусов из Германии был уже ранее передан на восток, т. к. после переброски 9-й армии в Силезию там опасались прорыва русских на южном крыле ослабленной 8-й армии, со всеми вытекающими отсюда тяжелыми последствиями. За корпусом последовали две кавалерийских дивизии с западного фронта. Генерал-полковнику Гинденбургу, до этого времени командовавшему 9-й армией, теперь была подчинена и 8-я армия, как главнокомандующему восточным фронтом, чтобы дать ему возможность свободно распоряжаться всеми германскими силами на востоке. Командование 9-й армией принял генерал от кавалерии фон-Макензен; его начальником штаба был назначен генерал-майор Грюнерт. Переброска дальнейших сил с запада могла иметь место лишь по достижении существенных результатов в операциях на франко-бельгийском театре военных действий.

Решение ввести в действие во Фландрии вновь сформированные корпуса (конец сентября 1914 г. См. карту № 3).

В конце сентября и начале октября здесь хотя и были отражены неприятельские попытки обхода, но и с нашей стороны таковые не могли быть осуществлены. Превосходство французских железных дорог помешало этому. А между тем тут были за это время введены в действие весьма значительные силы: так, была переброшена из под Реймса большая часть 2-й армии, притянута 6-я армия, до того действовавшая в Лотарингии, и сильные кавалерийские соединения, двинутые в глубокий обход северного фланга французов.

Все же немецкий фронт не выдвинулся западнее линии Руа, Бапом, Лиль. Также не достигнут был и берег, который должен был бы служить опорой правого фланга; владея им, надеялись парализовать сообщения по Английскому каналу, нанести чувствительный удар самой Англии, а также угрожать и французскому флангу.

Чтобы все же добиться этой цели, в середине октября [1]) была сформирована в Бельгии новая 4-я армия под командованием генерал-полковника герцога Альбрехта Вюртембергского, с начальником штаба — полковником Ильзе. Она состояла из 3-х дивизий войск, осаждавших Антверпен и освободившихся с падением крепости 9-го октября после не более, как 12-ти дневной осады, и из 4-х только что обученных армейских корпусов из Германии. Эта армия получила приказ наступать на участок Изера, держась правым флангом вдоль моря. Одновременно должна была в северо-западном направлении наступать ударная группа из состава 6-й армии генерал-полковника кронпринца Руппрехта Баварского — начальник штаба генерал-майор Крафт ф.-Дельмензинген, — сосредоточенная к северу от Лиля. До тех пор она составляла правое крыло германского фронта во Фландрии. Если и давал себя чувствовать недостаток в артиллерийских средствах при беге к морю, как

[1]) См. приложение: соотношение сил на западном театре военных действий, под рубрикой 1.

он велся до этих пор, то казалось, что теперь с осадной артиллерией из под Антверпена можно было исправить этот недочет. Недостаток артиллерийского снабжения, к сожалению, помешал позднее использовать это обстоятельство.

Если до сих пор при операциях, имевших задачу охватить противника, вводились уже утомленные боями войска, то теперь на новую борьбу посылались совершенно свежие части.

Цель, которую предстояло достичь, стоила этой ставки. Уже в первой трети октября значительные французские и английские силы достигли Изера,—английские войска были совершенно сняты с занимаемого ими прежде фронта в районе Реймса и стремились войти в связь на восточном берегу этой реки с отходившими от Антверпена бельгийскими дивизиями. Наших сил не хватило, чтобы помешать отходу этих войск перед падением крепости [1]). Если бельгийские войска и находились в очень жалком состоянии, то все же они могли вновь и скоро сделаться боеспособными, благодаря именно поддержке английских или французских частей. В намерениях французов и англичан повести на нас энергичную атаку сомневаться не приходилось.

Снова жгучим становился вопрос не только об опасности для немцев быть окончательно отрезанными от бельгийского побережья, но также и о чувствительном охвате их правого крыла. От этого нужно было решительно избавиться. Раз бы это не удалось, тем самым делался невозможным подготовляемый, в виде ответа на британский план взять Германию голодом, сильный нажим на Англию и ее морские сообщения посредством подводных лодок, аэропланов и дирижаблей, невозможным в виду малого тогда радиуса их действия. Попутно с этим возникал также и вопрос о возможности удержания территории на севере Франции и на за-

[1]) Бауер, очевидец падения Антверпена, выражается по этому поводу еще глуше: „Не удалось освободить части, чтобы помешать отходу бельгийцев". Дело было простое: Антверпен брался наскоро, обложение было не полным, и бельгийцы своевременно ускользнули через свободный выход.

Прим. ред.

паде Бельгии; а между тем потеря их имела бы и свои печальные последствия.

Если бы с другой стороны удалось отбросить врага за Изер и последовать за ним, то можно было надеяться, что, с прибытием пополнений людьми и огнеприпасами, можно будет добиться благоприятного оборота дела на всем западном фронте. Конечно, такого результата можно было бы ожидать от большого успеха и на всяком другом участке западного фронта. Поэтому было также произведено точное обследование, не целесообразнее ли будет при помощи вновь созданной армии попытаться сделать прорыв в Артуа, в Пикардии или Шампаньи. Но, приняв в расчет условия транспорта и переброски, пришли к заключению, что таким путем нельзя было бы приостановить противника, сильно нажимавшего на участке Изера, и для задержания его потребовались бы другие силы. Их не было. Подобные же расчеты показали, что смену молодых частей обстрелянными частями уже нельзя было бы произвести своевременно.

При таких условиях начальник генерального штаба оставался твердо убежденным в необходимости проведения наступления во Фландрии, даже и тогда, когда уже появились признаки, что на востоке поставленная цель едва ли будет достигнута. Казалось, что нельзя будет уже остановить русских на Висле и на Сане при их численном перевесе и при уменьшенной боеспособности некоторой части наступающих.

Сражение на Висле и Сане в октябре 1914 года. (См. схему № 2).

Этого и действительно не удалось сделать. Почти одновременно с тем, как, начиная с 17 октября, германские колонны на западе перешли в наступление на Изере, пришло известие, что союзники не смогут удержаться на Висле и Сане. Вскоре там пришлось приступить к отходу под давлением контр-атак, предпринятых превосходными силами противника. Можно было надеяться, более или менее прочно

держаться лишь в Карпатах, за Дунайцем, Нидой и за верхней Пилицей. Но с самого начала можно было с уверенностью предвидеть, что и на этой линии противник будет угрожать нашему флангу с севера. Перехваченные радиотелеграммы неоспоримо подтверждали это. Они давали нам возможность с начала войны на востоке до половины 1915 года точно следить за движением неприятеля с недели на неделю и даже зачастую со дня на день и принимать соответствующие противомеры. Это, главным образом, и придавало войне здесь совсем иной характер и делало ее для нас совершенно иной, гораздо более простой, чем на западе.

Командующий германскими силами на востоке решил в начале ноября использовать такое положение для нанесения неожиданного удара, базируясь на хорошо оборудованные германские железные дороги. Этот удар должен был быть нанесен с севера с упором в левый берег Вислы всеми силами, которые только можно было ввести в дело. Для выполнения этой операции командующий фронтом приказал перебросить в район Торн—Гнезен значительные силы из частей 8-й армии из Литвы и перевести туда же отступающее от Вислы выше Варшавы ядро 9-й армии. Основанием для такой перегруппировки армии служило согласие австро-венгерского командования,—правда, под сильным давлением германского верховного командования—восполнить создавшийся разрыв фронта в Польше той из австро-венгерских армий, которая стояла на его южном крыле в Карпатах. Такое доказательство твердого единения в тяжелом положении тем более было ценно, что этим самым обнажалась часть венгерской границы; хотя, правда, она в это время и не находилась под непосредственной угрозой удара.

В период изложенных событий на востоке вплоть до 12 ноября—дня начала наступления 9-й армии под командованием генерала от кавалерии ф.-Макензена из района Торн—Гнезен, — было проведено наступление во Фландрии, начатое в середине октября и известное в широких кругах под названием сражения на Ипре.

Условные знаки:
Немецкие.
Ав-Вен.
Русские по данным того времени.
Перевозки для наступления Южн Вислы
Тилзит
Неман
Ковно
Прегель
КЕНИГСБЕРГ
Гумбиннен
Ангербург
8 Арм
6½ А.К.
Сувалки
Данциг
Части 8 армии
Лётцен
5½ А.К.
Лык
Алленштейн
Грауденц
Защита границы
Бобр
Гродно
Бромберг
Ломжа
Белосток
Подкрепления с запада
Торн
Млава
Нарев
Липно
ПОЗНАНЬ
4 А.К.
Плоцк
Пултуск
Остров
Гнезен
Варта
Кутно
2 А.К.
Буг
Кобрин
ВАРШАВА
Бзура
4 А.К.
Главн. силы 9 арм.
Калиш
ЛОДЗЬ
Равка
Пилица
Висла
Петроков
4 А.К.
Люблин
9½ А.К.
Крейцбург
Ченстохов
XX
Кельцы
9 Армия (6 А.К.)
Г.-Р.
Сан
Нида
6½ А.К.
около 15 А.К. Между Вислой и Дорогобычем
Ав.-Венг. войска около 15 А.К.
Краков
Тарнов
Ярослав
ЛЬВОВ
Лиманово
Перемышль
Зап. Бескиды
Дорогобыч
Карпаты
Вост. Бескиды
Стрый
1:5000000.
50 0 50 100 150 клм.
Станиславов
Коломыя

Схема № 2.

Наступательные стремления противника были окончательно сломлены. Он сам был почти везде прижат к Изеру или отброшен за эту реку; установлены были надежные сообщения между побережьем у Ньюпора и прежним германским правым флангом у Лиля, и, таким образом, создан был сплошной фронт от швейцарской границы до моря. Достигнута была та цель, которой во что бы то ни стало нужно было достичь для дальнейшего ведения войны со сколько-нибудь сносными видами на будущее. Часто казалось, что стоило лишь продолжать упорствовать в наступлении, и тогда был бы обеспечен полный успех,—насколько мы фактически были от него близки, позднее сделалось достаточно известным. Между тем, наше продвижение все же остановилось.

Решение приостановить наступление во Фландрии.

Наводнения, искусно примененные бельгийцами, прекратили хорошо развивавшееся наступление правого крыла, на котором сосредотачивалась вся сила удара. Молодые корпуса далее к югу сражались с неподражаемым воодушевлением и превосходной стойкостью. Естественно при этом сказались их недостатки, вызванные их вынужденным, ускоренным формированием и обучением и их укомплектованием уже не молодыми, в большинстве случаев взятыми из запаса офицерами,—других в то время не имелось. Особенно обнаружились недочеты у вновь сформированной полевой артиллерии, что тем заметнее было при ограниченном количестве снарядов. Командование было также не всегда на должной высоте. С начала ноября для верховного командования не было секретом, что в районе наводнения при беспрерывно усиливающемся противнике невозможно уже было добиться решающего успеха.

Возник вопрос о попытке внезапно прорвать фронт на таком участке врага, где он наиболее ослабил себя, перебрасывая силы для обороны во Фландрии. В связи с этим вновь вызвали к себе внимание районы Артуа и Пикардии,—участок 2-й армии генерал-полковника Бюлова,—начальник

штаба генерал-лейтенант Лауенштейн. Эту мысль все же пришлось бросить. Для ее осуществления не хватало сил после того, как все резервы, как живой силы, так и снарядов, были потрачены для восточного фронта [1]).

Против такого предприятия также сильно говорили открывавшиеся в Польше перспективы. Очевидно, русские и не подозревали о той грозе, которая собиралась против них на левом берегу Вислы. Они продолжали медленно продвигаться на запад, т.-е. с той скоростью, которую допускали основательные разрушения путей сообщения, произведенные 9-й армией при ее отступлении от Вислы, выше Варшавы, в Силезию и южную Познань. Их правый северный фланг, продвигавшийся приблизительно на линии Варшавы—Калиш, не был достаточно эшелонирован в глубину. Зато ими были оставлены значительные силы на правом берегу Вислы к северо-востоку от Варшавы. Очевидно, их побуждало к тому опасение, что 8-я армия может быть внезапно переброшена из Восточной Пруссии к Висле, для удара по русским сообщениям на правом берегу Вислы. От русских не утаилось, что отход нашей армии, которую пришлось ослабить для организации Макензенского наступления, произошел на половину добровольно, и возможно, что это побудило их так глубоко эшелонировать прикрытие фланга. Демонстративные атаки со стороны Торна—Грауденца, произведенные войсками стратегического резерва на линию Липно—Млава, вероятно подействовали в том же направлении.

Итак, операция, порученная 9-й армии, сулила благоприятные перспективы. В главной квартире не было сомнения, после того, как оказалась очевидной невозможность добиться на западе желаемого успеха, что для этой опера-

---

[1]) Изерскую операцию автор излагает строго кабинетно. Он совершенно не упоминает о той боли и негодовании, которые потрясли Германию при вести о гибели цвета немецкой молодежи, входившей в состав новых 4-х корпусов. Kindermord von Ypern (Ипрская детская бойня) болезненно отозвалась на и без того мало популярном имени Фалькенгайна. Молчание автора о пережитом им моральном ударе знаменательно. *Прим. ред.*

ции надо было пустить в дело все силы, взяв их также и с запада. Правда, в противоположность взгляду, высказываемому главнокомандующим восточным фронтом, было ясно, что позднее время года и численный перевес русских не допустят решающего успеха на востоке. Все же начальник генерального штаба надеялся на то, что результат будет достаточно крупен, чтобы остановить врага на долгое время. Это являлось бы успехом, оправдывающим попытку. Около семи пехотных и одна кавалерийская дивизия были сняты с западного фронта и скорейшим способом переброшены на восток в распоряжение главнокомандующего фронтом. Такая передача оказалась осуществима лишь потому, что во Франции решили перейти к чистой обороне с тщательным применением всех возможных технических средств. Началась позиционная война в тесном смысле этого слова со всеми ее ужасами [1]).

Начало позиционной войны на всем западном фронте.

В распоряжениях, отдаваемых по этому случаю, верховное командование порвало с существовавшим до сего момента немецким принципом сооружения лишь одной оборонительной линии. Теперь уже речь шла о нескольких друг с другом связанных линиях, составляющих целую оборонительную систему, или нескольких находящихся друг за другом позиций. Этим имелось в виду обезопасить себя против прорывов передовой линии или даже позиции, что являлось неизбежным при огромном перевесе сил противника, как бы храбро наши войска не оборонялись. Несмотря на такое новшество, в полной силе остался второй немецкий принцип, что часть должна удерживать назначенную ей для обороны линию во что бы то ни стало и обязана брать ее обратно в случае, если бы она ее потеряла.

---

[1]) Недоброжелатели автора полагали, что он был виновен в возникновении позиционной войны и что ее яко-бы можно было избежать. Нам теперь ясно, что в основе позиционной войны лежат более глубокие и сложные причины, несравнимые по своему размаху и силе с рессурсами одного человека, хотя бы и начальника германского генерального штаба. *Прим. ред.*

Правда, во избежание потерь от артиллерийского огня, части, занимающие передовую линию, должны были, по возможности, быть малочисленными. Все же они, во всяком случае, обязаны были продержаться до подхода находящихся в более отдаленных линиях резервов, которые были бы в состоянии поддержать их существенным образом.

Эти директивы часто подвергались строгой критике и временно изменялись во время войны. Им приписывались те большие потери, которые подчас приходилось нести частям. Надеялись избегать таковых, разрешая войскам, занимающим переднюю линию, в случае нужды отходить на главную линию сопротивления, отстоящую сравнительно далеко в тылу. Сюда, а не в передовую линию, должны были подходить резервы. Но если суммировать опыт войны, то едва ли можно будет сказать, что подобное правило всегда оказывалось целесообразным. В нем слишком мало считались с психикой среднего солдата. В этом случае создавалась также необходимость держать свою артиллерию столь далеко за главными линиями сопротивления,—иначе она подвергалась бы постоянной опасности быть захваченной противником, – что делалась невозможной всякая действительная поддержка передовой линии. Когда наставление применялось отборными войсками, притом же хорошо обученными и с надежным командованием, то, обычно, нужная цель достигалась. Но очень часто случалось как раз наоборот, последствием чего были не только более тяжкие потери в людях, причем проявлялся самый нежелательный из видов потерь — добровольная сдача в плен, но также и утрата позиций. Опыт показал, что в позиционной войне крайне опасно ставить солдата на такой пост, где он чувствует себя покинутым, зная, что ему нечего надеяться на поддержку. Если сюда прибавить, что ему дается возможность истолковать по своему распоряжения об отходе назад, то в аду современного боя это произойдет в таком направлении, которое хотя для него лично и может означать спасение, но явится пагубным для общего дела. Происходит добровольная сдача в плен или преждевремен-

ное откатывание назад, не могущее остановиться уже и на главной оборонительной линии [1]).

Чтобы облегчить создание стратегических резервов и своевременное введение их в дело на угрожаемых участках, армии западного фронта были сведены сперва в три, позднее в четыре фронта. От такого разделения снова отказались в марте месяце, т. к. оно не вполне достигало цели. Здесь, как и на востоке, командующим такими фронтами, очевидно в виду отсутствия соответствующей подготовки в мирное время, трудно было усвоить принцип, что они должны были в случае необходимости многим поступаться в пользу общего дела. Зачастую они склонны были считать данную им задачу, как самую главную, а на свои войска смотреть, как на личную собственность. Вместо того, чтобы способствовать, как того от них ожидали, созданию резервов для исполнения заданий верховного командования, они скорее готовы были поддерживать штабы своих армий, когда последние противились выделению подчиненных частей. Такие стремления, как свойственные человеческой природе, так же стары, как и сами командные должности. Но никогда они не могли найти себе так мало оправданий, как в истекшую войну, когда постоянная тревога вследствие несоответствия сил все время заставляла германское верховное командование считаться с каждым отдельным батальоном. Из всего этого возникали трения, часто и неприятным образом влиявшие на ход событий.

Сражение под Лодзью в ноябре 1914 года.

Смело задуманная, превосходно подготовленная и стремительно проведенная операция на левом берегу Вислы, в которой вскоре могли принять участие и первые эшелоны прибывающих с запада войсковых соединений, имела вначале блестящий успех. Последний временно ввел в за-

[1]) Рассуждения автора, изобличающие в нем мудрого военного психолога, заслуживают своего полного внимания, несмотря на современные увлечения идеей преднамеренного покидания позиций. См. Кюльмана, цит. выше, стр. 155—158 или особенно увлекающегося идеей планомерного отхода Бернгарди. См. „О войне будущего", стр. 145—148. *Прим. ред.*

блуждение даже таких опытных начальников, как те, которые находились в штабе восточного фронта. На запрос начальника генерального штаба поступило донесение, что, в случае возможности дальнейших подкреплений с запада для восточного фронта, таковые должны быть использованы не в районе боев западнее Вислы, а в Восточной Пруссии, где русские воспользовались ослаблением 8-й армии в пользу 9-й для нового вторжения через нашу границу и наступали против линии Мазурских озер. Однако очень скоро в Польше стало ясно, насколько неприятельское командование успело подучиться с начала августа. Оно очень скоро повернуло свои правофланговые корпуса на север, другие потянуло с австро-венгерского фронта, а фланговое прикрытие бросило с правого берега Вислы против немецкого фланга, опирающегося в левый берег этой реки. Немецкое наступление застопорилось и грозило даже обратиться в отступление, когда дальнейшие прибывающие с запада части дали ему новую поддержку. У русских была отвоевана Лодзь, затем они были оттеснены за Бзуру, Равку и Пилицу. Они также прекратили свой нажим на австро-венгерский фронт восточнее Кракова, после того, как тамошним силам совместно с германской дивизией фон-Бессера удалось 12-го декабря в столкновении при Лиманове отбросить за Дунаец продвинувшиеся через эту реку русские части. Удары, нанесенные врагу, достигли той цели, какой только они и могли достичь. Германские силы иссякли для дальнейшего наступления. Сильно давало себя чувствовать влияние восточной зимы. Она заставила также и русских в Восточной Пруссии остановиться на линии озер.

Позиционная война на востоке.

Позиционная война началась и на востоке, где она, как и маневренная война, носила иные, гораздо более мягкие, формы, чем на западе. Лишь на немногих участках и лишь временно война велась здесь с тем упорным ожесточением, которое ей на западе всегда так было свойственно. Климат, темперамент врага и его тактическая тяжеловесность ослабляли ее остроту.

IV. ПЕРИОД ОТ НАЧАЛА ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ В НОЯБРЕ—ДЕКАБРЕ 1914 Г. ДО ВОЗОБНОВЛЕНИЯ МАНЕВРЕННОЙ ВОЙНЫ В 1915 Г.

Верховное командование хорошо сознавало все те невыгоды, которые приносил с собой переход к позиционной войне. Она была избрана, как наименьшее из возможных зол.

Продвигаться вперед было нельзя в виду недостатка сил и средств, отходить командование не хотело, ввиду того, что при том малом числе войск, которое занимало немецкие окопы, выгода от сокращения фронта и сбережение таким путем войск не соответствовали всем тем минусам, которые были очевидны. Выше уже говорилось о них. К этому надо прибавить, что в тылу армии тогда еще не существовало оборудованных позиций и помещений для войск. С наступлением зимы возможность их своевременного оборудования была сомнительна. Вытекающая отсюда необходимость уплотнения фронта, вероятно, поглотила бы все освободившиеся части. Во всяком случае, армия не получила бы того отдыха, в котором она нуждалась, чтобы вновь сколотить свои войсковые единицы, обучить и пополнить свой состав.

Итак, переход к позиционной войне произошел не по добровольному решению генерального штаба, но под суровым давлением необходимости [1]).

---

[1]) Странное самооправдание, разгадку которого дает выноска к стр. 40.

Прим. ред.

Однако очень скоро выяснилось, что такой способ ведения войны, если его применять попеременно с сильными, хорошо подготовленными ударами по отдельным частям противника, был единственный, с применением которого можно было расчитывать на благоприятный исход войны, считаясь с тем положением срединных держав, в которое они попали после событий на Марне и в Галиции. Только благодаря такому способу Германии и удалось сохранить за собою свои границы столь продолжительное время. Границы эти приходилось удерживать не потому, что верховное командование не решилось бы временно пожертвовать ими для пользы общего дела, а потому, что утрата пограничной полосы очень скоро сделала бы невозможным дальнейшее ведение войны. Промышленный и хлебный районы на востоке имели то же значение, как и промышленные районы по обоим берегам Рейна. Ни Германия, ни ее союзники не могли отказаться, как от тех, так и от других.

Только переход к позиционной войне давал возможность полного использования внутренних коммуникационных линий, а следовательно, и приобретения свободы действий, для нанесения достаточными силами удара по тому месту, где нужно было добиться решения.

Только планомерное применение позиционной войны делало осуществимым такое повышение провозоспособности железных дорог, которое равнялось в действительности увеличению числа резервов.

Только позиционная война дала время для использования в полной мере науки и техники для военных целей. Она дала твердый фундамент, на основании которого стойкое и хорошо подготовленное меньшинство продолжительное время могло держаться против во много раз превосходных сил.

Конечно, первым условием для успешного применения такого вида войны было превосходство собственной армии перед армией противника моральным содержанием. Что оно имелось на-лицо по отношению к русским, — было несомненно. После недолгого опыта можно было также утвердительно ответить на этот вопрос и по отношению к про-

тивникам на западе, которых приходилось ставить выше. Хотя германская армия в противоположность французской и не знала основательной подготовки мирного времени к позиционной войне, наша армия обучилась ей гораздо быстрее и лучше, чем какая-либо из вражеских. Вопреки всяким ожиданиям французы далеко не отличались в ней. Снова и вполне оправдалась старая история, что дисциплинированному солдату, всей душой отдающемуся своему делу и привычному к атаке, будет по плечу всякое положение на войне. Нигде не проявлены были столь сильно, как именно в позиционной войне, в соединении со строжайшей школой, замечательные военные качества немца.

Когда верховное командование в течение 2-х последних месяцев 1914 года решилось перейти к позиционной войне, вопрос о том, на каком участке фронта придется наносить следующий удар, не являлся спешным, так как тогда не имелось нужных для этой цели сил. Как на первые силы, можно было расчитывать на новую армию, состоящую из 9-ти пехотных дивизий. Ее формирование началось по приказу военного министра тотчас же по окончании формирований, позднее пущенных в дело под Лодзью и у Ипра, как только освободился потребный кадр обучающих и получилось достаточное количество снаряжения. Однако эти дивизии не могли быть готовы раньше начала февраля, если только не имелось ввиду перебросить их на фронт преждевременно; но опыт [1]) показал, что этого во что бы то ни стало надо было избегать с новыми формированиями. Поэтому приходилось смягчать жажду активных действий того или другого командующего и нетерпение союзного командования. Такая выдержка в полной мере оправдалась. Новые дивизии блестяще ответили на возлагаемые на них надежды в зимнем бою в Мазурских озерах. Причиной тому, что после этой короткой операции они надолго сделались непригодными к бою, были те повышенные требова-

[1]) Разумеется, вероятно, Ипрский опыт.

Прим. ред.

ния, которые были поставлены им для достижения результата, притом при крайне неблагоприятных условиях погоды и плохих дорогах.

Вопрос о создании дальнейших войсковых соединений в глубоком тылу пока не возникал, вследствие недостатка низшего командного состава и снаряжения. Против этого говорила также и необходимость экономно расходовать людской запас, т. к. теперь уже можно было предвидеть, что война затягивается на долгое время. Самые большие успехи на фронте были бы не к чему, если бы по недостатку рабочей силы положение страны сделалось нестерпимым или, если бы по той же причине, не могли быть покрыты быстро растущие потребности действующей армии.

С другой стороны верховное командование вполне ясно сознавало, что усиление фронта только формируемыми вновь девятью дивизиями, не даст решающего успеха ни на востоке, ни на западе, как тщательно бы их ни подготовили. Из этого затруднения также находился выход, благодаря со дня на день все более выявлявшемуся моральному и техническому превосходству немецкого солдата над противником. Оно оказалось настолько значительным, что, по инициативе начальника обще-военного отдела военного министерства полковника ф.-Врисберга, можно было приступить к уменьшению на четверть численного состава боевых единиц—дивизий, без ущерба для их боевой мощи, по сравнению с таковыми же неприятельскими единицами. Таким путем получалась возможность создания дальнейших новых единиц, выделяя из старых соединений хорошо обученные части с надежным командованием. К этому с успехом прибегли после того, как были получены необходимые для снабжения новых единиц артиллерия, пулеметы и прочие технические средства. Благодаря этому, главным образом, и достигнуты были успехи во время летней кампании 1915 года на востоке.

Как минувший период войны создал в представлении каждого солдата совершенно новые понятия о человеческой выносливости и работоспособности, точно также он создал и новое мерило требований на боевое снабжение и на раз-

мер его расходования. Только тот, кто занимал ответственный пост в германской ставке во время зимы 1914—15 г.г., может определить размер тех трудностей, которые пришлось преодолеть: ведь впродолжение этой зимы почти каждый выстрел на западном фронте был на счету, каждая задержка поезда со снарядами, поломка рельс или еще какая-нибудь глупая случайность грозили парализовать целые участки фронта. Предпочтение [1]) в покрытии потребностей всегда отдавалось восточному фронту, принимая во внимание его состав из соединений с меньшей внутренней спайкой. Только тот, кто слышал горячие жалобы наших чудных войск по этому поводу, постоянное обращение к нам союзников за поддержкой в области военного снабжения, может понять, с каким жаром стремились к восполнению этих пробелов. Благодаря содействию самых широких и лучших кругов народа, оно произошло скорее, чем ожидали. Применение науки и техники для целей войны, мобилизация всей промышленности, не затрагивая самых насущных задач последней, прошло почти бесшумно, так что эти меры были проведены ранее, чем противник мог понять, что произошло. При всем том необходимую помощь оказала регулировка потребления сырья, установленная тотчас же в первые дни войны по инициативе доктора Вальтера Ратенау; такая регулировка приобрела исключительное значение в виду того, что Германия отрезана была от внешнего мира.

Особенное внимание сосредотачивалось на развитии изготовления огнеприпасов, создании дальнобойной артиллерии, выработке пригодного для боя типа минометов, увеличении производства запасных пулеметных частей и авиационных средств, а также на развитии применения газа, как боевого средства.

Самым срочным являлись пополнение и увеличение количества артиллерийских снарядов. В рамках настоящего

---

[1]) Это предпочтение, вольно или *невольно* для автора, отдавалось восточному фронту не в одной только области пополнения снарядами, как это будет видно ниже.

Прим. ред.

труда не представляется возможным отдать в полной мере должное замечательным результатам, достигнутым производством, тем более замечательным, что все время уделялось внимание внутренним потребностям страны. Нужно надеяться, что этот вопрос найдет для себя более специальное перо. Здесь нужно лишь сказать, что уже весной 1915 года верховное командование освободилось окончательно от всякой заботы об артиллерийском снабжении. Такое благоприятное положение протянулось до конца лета 1916 года, несмотря на то, что антанта использовала для своих целей производство огнеприпасов всего мира, исключая производства срединных держав, в то время как Германия не только была предоставлена сама себе, но должна была в этой области, как и в других, широко снабжать и своих союзников. Лишь превзошедшее всякие ожидания потребление снарядов при одновременных больших боях в районе Мааса [1]), на Сомме, в Галиции и в Италии в августе 1916 года снова сделало положение со снарядами сомнительным. Но производственная программа, постоянно возрастая, давала такое множество огнеприпасов, что недохват таковых вскоре мог быть пополнен. Этой программы придерживались также и большую часть 1917 г. Ее созданием и проведением в жизнь мы, главным образом, обязаны знаниям и неутомимой деятельности генерал-майора Купетт и майоров Вурцбахера и Кета из военного министерства и майора Бауера [2]), который состоял сотрудником по артиллерийской части в генеральном штабе.

Насколько хорошей оказалась артиллерия навесного действия всех калибров, а, главным образом, легкие и тяжелые полевые гаубицы, которым противник за первые годы войны не смог противопоставить ничего, хотя бы приблизительно равноценного, настолько больно ощущала наша армия недостатки нашей легкой пушки по сравнению с французской в смысле дальности и действительности огня. Чтобы

[1]) Иначе говоря, Верденская операция. *Прим. ред.*

[2]) Автор цитир. выше труда Der grosse Krieg in Feld und Heimat *Прим. ред.*

исправить этот пробел, приступлено было к изготовлению полевой пушки нового образца и снарядов с большим разрывным действием. Конечно, такое изготовление, как и всякое создание новых средств во время войны, должно было занять порядочно времени; выдача частям новых орудий могла быть начата лишь к концу 1916 года. Между тем стремились найти выход из создавшегося положения переделкой в широком масштабе орудий, имеющихся в крепостях тыла, морских орудий и—захваченных у неприятеля. Как и всегда, когда затрагивались отечественные интересы, во главе и тут стояли заводы Круппа в Эссене. Добытая таким путем дальнобойная артиллерия оказала большие услуги. Блестящими с технической стороны являлись обстрелы этой артиллерией места высадки англичан в Дюнкирхене и военных заводов у Нанси и Бельфора. Еще важнее оказалось то, что она все время заставляла неприятеля отдалять от передовой линии свои батареи, склады, вообще те или иные значительные сооружения, а также исходное положение для атаки. Но несмотря на эти свойства, этой артиллерии, так же как и артиллерии навесного действия, при все же ограниченном числе орудий и снарядов, было недостаточно для подготовки штурма позиций, укрепленных по всем правилам современного фортификационного искусства. Там, где, благодаря переходу к позиционной войне, какая-либо из сражающихся сторон имела время для применения в полном об'еме средств обороны, зачастую оружие атакующего оказывалось также не на высоте. В результате приходилось стремиться к созданию такого оружия, которое могло бы успешно с ним состязаться, но изготовление которого было бы осуществимо и при учете ограниченных возможностей германской военной промышленности. Таким оружием являлись удушливые газы. Их применение в крепостных боях известно с давних пор. Французы применяли это боевое средство в виде снарядов, наполненных удушливыми газами, и так называемых „вонючих горшков“, во французской прессе часто упоминалось, что вскоре будет применен изобретенный известным физиком газ с губительным действием, затем тяжелые поранения, наносимые фран-

цузскими зажигательными снарядами, заряженными фосфором, и ядовитые свойства английских пикриновых снарядов — все это вновь вызвало интерес к такого рода оружию. Немецкой химии удалось быстро разрешить задачу, поставленную ей в этом направлении. Но и ее изобретения не были свободны от недостатков, свойственных всему тому, что создано было во время войны. Прошли года перед тем, как научились владеть газами, как верным боевым средством.

Во время первых месяцев войны германский воздушный флот показал себя, если не количественно, то качественно вполне равным неприятельскому, причем, правда, главная заслуга падала не на технические совершенства флота, а на доблесть летчиков. Но одновременно-же выяснилось, что высказываемые военным министерством опасения по поводу боевой пригодности управляемых воздушных кораблей были вполне справедливы. Неосуществимой оказалась та большая надежда на успех, которая возлагалась на дирижабли графа Цеппелина, пока не находилось менее опасного газа для наполнения оболочек, не говоря уже о других недостатках. Дирижабли сохранили лишь некоторое значение при выполнении особых заданий. В общем, выполнение задач, возложенных на них, пришлось передать аэропланам. Вследствие этого, а также вследствие того, что мы знали о намерении наших врагов обратить особое внимание на воздушную войну, сделалось необходимым ускоренное увеличение германского воздушного флота, что фактически являлось увеличением в несколько раз постройки новых аэропланов. Разработка этого вопроса начальником генерального штаба была возложена на Томсена [1]), бывшего тогда в чине майора; последний создал себе этим незабвенный памятник. Он сумел не только направить по правильным путям отечественную авиационную промышленность, но также вдохнуть настоящий дух летчика в авиационные части, без которого все технические

[1]) Повидимому, это был человек исключительной воли, настойчивости и знания дела.

Прим. ред.

совершенства равнялись бы нулю. Перевес в воздухе колебался несколько раз, как это всегда случается с таким молодым родом войск, к тому же зависящим от техники в ее спорадическом развитии. Но каждый раз в конце концов над несоответствием в рессурсах воюющих сторон торжествовал все же германский воздушный флот, благодаря полученному им здоровому основанию.

Рядом с организационной деятельностью, описанной здесь лишь в общих чертах, к концу 1914 года и началу 1915 г., несмотря на позиционную войну и время года, на плечи верховного командования легли и другие важные задачи.

Присоединение Турции к срединным державам.

(См. карту № 1).

К концу октября Турция выступила на стороне срединных держав. Нельзя не упомянуть, какие заслуги оказал в этом деле германский посланник барон ф.-Вангенгейм и в силу особых обстоятельств морской атташе Гуманн. Уже выше говорилось о том, какое большое значение приписывалось присоединению Турции в борьбе против России. Если же прибавить к этому двусмысленное в то время положение Болгарии, то выступление Турции делалось прямо-таки жизненно необходимым и еще более ценным. После событий на Марне, Сане и Висле Болгария прекратила всякие переговоры о заключении с нами союза, хотя и стойко отвергала все попытки антанты заставить ее выступить на ее стороне.

Турецкое командование в ближайшее время решило произвести внезапный удар по Грузии, чтобы предупредить опасность готовящегося русского вторжения в политически неблагонадежную провинцию Армению. Оно достигло поставленной цели. Но вскоре операция должна была прекратиться, вследствие тяжелых потерь, причиной которых была зима, необыкновенно рано наступившая в пограничных горах. Но то же обстоятельство устраняло также и русскую опасность, по крайней мере, до конца весны. Таким образом, создавалась возможность направить турецкие силы

против Египта. Если начальник генерального штаба и не ожидал от такой операции решающих для войны результатов, все же он надеялся перерезать Суэцкий канал, одну из самых жизненных артерий Англии или, по крайней мере, отвлечь значительные английские силы далеко от главного театра военных действий, не тратя в то же время каких-либо германских сил на предприятия в Азии.

Одновременно же была организована в широком размере пропаганда на Кавказе, в Персии, а также чрез Авганистан по направлению к Индии. Ей помогал призыв к „священной войне", провозглашенный турецким султаном в качестве калифа. Что эти шаги, при слабости сил Турции и трудности переброски рессурсов Германии в столь далекие страны, могли дать лишь ограниченные результаты, в этом отдавался ясный отчет. И все же признавалось безусловно необходимым поднимать и вести дальнейшую пропаганду уже для того, чтобы предупредить опасности, которые могла создать Англия, вступив на тот же путь, но только в противоположном направлении. Она располагала на Востоке глубоко вкоренившимся страхом пред британским могуществом, превосходными средствами, большой свободой передвижений. И все же смелая и упорная маленькая работа таких людей, как Нидермайер, Гентих и др. могла посеять семя, которое при благоприятном исходе войны дало бы стократные плоды.

При обсуждении военной мощи Турции нельзя упускать из виду, что в мировую войну она вступила глубоко изнуренной, вследствие почти непрерывной шестилетней войны, и что во всех вопросах технических и снаряжения она всецело зависела от помощи Германии. Но эта помощь могла стать действительной лишь с открытием Балканского пути через Сербию и Болгарию зимой 1915—16 г.г., да и потом могла осуществляться лишь мало-по-малу. Совершенно преодолеть затруднения связи с Константинополем не удалось до самого конца войны. Этому мешали, как собственная нужда, так и необходимость поддерживать и Австро-Венгрию в той же области.

Еще менее были устранены трудности дальнейшей связи с передней Азией. В мирное время связь Константинополя с малоазийским, как сирийским, так и армянским побережьями в огромной своей части велась морем. Этот путь был теперь прегражден; оставалось пользоваться сухопутными дорогами. Но сквозной железнодорожной связи не было. При соображениях по постройке Багдадской железной дороги руководящими являлись хозяйственные и финансовые соображения, военные — оставались в загоне. Анатолийская дорога, проходившая по плато Малой Азии на юго-восток, оканчивалась у посюсторонней подошвы могучего хребта Тавр. Отсюда до боевого фронта в Армении связь на расстоянии 700—800 километров должна была итти проселочными дорогами, пролегавшими в диких и пустынных горных районах. Связь с фронтами на юго-востоке была все же облегчена тем, что можно было в этом случае пользоваться отдельными железнодорожными ветками. Так, одна ветка работала на Аданской равнине от восточной подошвы Тавра до западных склонов Амана. Другая связывала Алеппо с Иерусалимом. Третья от восточной подошвы Амана до Алеппо и оттуда в северо-восточном направлении до Ефрата была в постройке; от Ефрата в короткий период высокой воды можно было пользоваться рекою до Багдада. Но все эти железнодорожные ветки страдали от крайнего недостатка в подвижном составе, в строительном и горючем материале, в рабочих, а также в обслуживающем и строительном персонале. То, что сделали немецкие инженеры и немецкие железнодорожные войска, чтобы преодолеть все эти условия, является несомненно величайшим из всего, что когда-либо было сделано в этой области. Постройка линии через высокие горы Тавра, через горную преграду Амана, постройка виадука к северо-западу от Алеппо, моста через Ефрат — являются техническими подвигами высочайшего порядка. Но при существовавшей обстановке даже преданность делу этих людей, доходившая до самопожертвования, могла достигать разве только ограниченных улучшений.

Борьба на Западе. Декабрь — январь 1915 г.

На западном театре войны оказалось возможным вполне держаться установленных для войны в Европе руководящих мыслей.

Хотя французы в декабре попытались очень серьезно наступать в Эльзасе против армейской группы генерала-от-инфантерии Гэде (Gaede) (начальник штаба подполковник Бронсарт ф.-Шеллендорф), в Вевре против армейской группы генерала-от-инфантерии ф.-Штранца (начальник штаба подполковник Фишер) и вскоре после того в Шампаньи против 3-й армии генерал-полковника ф.-Эйнема (начальник штаба генерал-майор ф.-Гёппнер), они всюду были отбиты на-чисто, несмотря на значительные переброски на восток. А когда в январе посчастливилось, вводя быстро собранные с фронтов резервы, в нескольких местах: в 5-й армии генерал-лейтенанта кронпринца Вильгельма (начальник штаба генерал-майор Шмидт ф.-Кнобельсдорф),—в Аргонах, и в 7-й армии генерал-полковника ф.-Геерингена (начальник штаба генерал-лейтенант ф.-Гэниш) севернее Суассона нанести врагу ощутительные удары, наступил желанный, хотя и кратковременный покой. Появились шансы надеяться, что будет выиграно время, чтобы подготовить для решительного удара действительно достаточные силы людьми и средствами.

Обстановка на востоке не позволила созреть этим планам.

Решение применить на востоке вновь сформированные на родине части. Январь 1915.

(См. карту № 4).

После короткой передышки в конце декабря 9-я армия возобновила на Равке и Бзуре свое наступление в направлении на Варшаву, чтобы облегчить фронт союзников, а также и сильно стесненный Перемышль, последний остававшийся у них оплот в средней Галиции, приковывая русские силы в Северной Польше. Попытка не имела никаких достойных упоминания результатов. Под впечатлением этого,

а также под влиянием дошедших до него неблагоприятных слухов о позиции Италии и Румынии, австро-венгерское главное командование в январе 1915 года предложило наступление чрез Карпаты при поддержке немецких сил. При этом главную роль играло стремление надолго обеспечить границы Венгрии и освободить Перемышль. С этим тоже командование связывало решительный исход войны с Россией, при условии, чтобы находящиеся в Германии на обучении новые корпуса одновременно были применены против русского правого фланга из Восточной Пруссии.

Главнокомандующий на востоке, генерал-фельдмаршал ф.-Гинденбург настоятельным образом поддерживал это предложение. И он также думал, что от подобной операции против обоих русских флангов можно было ожидать окончательного исхода на востоке.

Нельзя было оспаривать, что четыре совершенно свежих, с особой заботливостью снаряженных и обученных немецких корпуса, вероятно, достигли бы крупных результатов в любом пункте востока, раз только они нашли бы себе на нем применение. Но достигалась ли этим выгода для общего целого или могла ли быть достигнута хотя бы такая выгода, которая отвечала бы, действительно, размерам принесенной жертвы, это оставалось в высочайшей степени сомнительным. И однако, при переживаемой срединными державами обстановке удовлетворительный ответ на этот вопрос являлся существеннейшей предпосылкой для всякого решения со стороны верховного командования. До получения на этот вопрос определенного утвердительного ответа, нельзя было пролить ни одной капли немецкой крови, не говоря уже о ставке на карту почти единственного немецкого общеармейского резерва.

В данный момент Австро-Венгрия не находилась в таком безвыходном положении, из которого ее необходимо было бы выручать. Спору нет, освобождение Перемышля имело свою ценность. Но для общего хода войны оно все же не имело столь большого значения, которое оправдывало бы расход немецких резервов. Сверх того казалось неправдо-

подобным, чтобы освободительная операция могла иметь успех в суровую Карпатскую зиму. Австро-венгерский фронт на венгерской границе к этому времени был прочен. И хотя противник перед ним непрерывно и усиливался, но все же соотношение сил, принимая во внимание естественную силу обороны в горах, не было таким, [1]) чтобы мужественные войска не смели с уверенностью смотреть на будущее. Несмотря на это, конечно, было все же очень желательно надолго освободить фронт от русского нажима. Однако при трезвом взвешивании всех данных приходилось опасаться, что предложенные операции имели немного шансов на достижение этой цели. Начальник генерального штаба вообще сомневался в возможности успешно провести, в смысле единства достижений, две операции, раз'единенные пространством, слабо занятым, имеющим более чем шестьсот километров, когда для них в распоряжении имелись лишь относительно ограниченные силы. Выгодой внутренних операционных линий располагали русские. Так как к этому моменту ни одной германской дивизии нельзя было уже взять с запада, то для предлагаемых операций, не считая намечаемых с австро-венгерской стороны, вероятно не особенно пригодных для атаки, единиц и тех немногих, которых еще можно было собрать с немецкого восточного фронта, готовыми были только четыре молодых корпуса.

С этими силами в обоих из намеченных наступательных районов, пожалуй, можно было достигнуть более значительных местных успехов, если только при этом одновременно пренебречь риском, что участвующие в операциях части окончательно будут изнурены тяжестями зимнего похода. Что и эта попытка окажется достаточной, чтобы вырвать у противника действительно большую выгоду для общей обстановки, на это едва ли можно надеяться и тем менее, что неизбежные затруднения из-за погоды в это время года, особенно в горах, едва ли допустили бы полное использование начальных успехов.

---

[1]) См. приложение: Соотношение сил на восточном театре войны под 2 с.

Еще менее основательно, конечно, было предположение о возможности достигнуть на востоке окончательных решений.

Вообще-то, такое предположение покоилось на ложных доводах. Согласно поговорке, к сожалению очень распространенной, о том, что „война должна быть выиграна на востоке", даже в высоких командных кругах склонялись к мысли, что для срединных держав было бы возможно при помощи оружия действительно „поставить на колени" [1]) Россию и этим успехом заставить и западные державы пойти на уступки. Такой ход соображений не учитывал ни истинного характера борьбы за существование в точном смысле этого слова, что относилось к нашим врагам не менее, чем к нам, ни их силы воли. Было тяжелой ошибкой думать, что западный враг мог бы уступить, если Россия будет разбита, и потому, что она разбита. Никакой исход на востоке, как бы он ни был решителен, не мог снять с нас необходимости борьбою достигать решения на западе. Для таковой Германия при всех обстоятельствах должна была оставаться вооруженной. Но этого уже не могло быть, раз на безбрежных пространствах России были бы уложены те силы, без которых нельзя было обойтись во Франции для того ли, чтобы продержаться до решительного момента, или для того, чтобы самим искать решительного исхода. Очевидно, введение указанных выше сил было необходимым, чтобы только *попытаться* достичь против восточного колосса желанного окончательного исхода. А достигалась ли даже эта цель, вопрос и тогда оставался совершенно туманным. Опыт Наполеона не вызывал на подражание его примеру, а он мог предпринять свой поход на восток при несравненно более благоприятной обстановке, чем каковой она была теперь [2]).

---

[1]) Выражение Гинденбурга. И вообще речь идет, преимущественно о штабе Людендорфа, с которым автору приходилось вести непрестанную—открытую и скрытую—борьбу. *Прим. ред.*

[2]) Вышеизложенные глубоко интересные соображения автора проводят ясную демаркационную линию между его (автора) и Людендорфа военным миросозерцанием, а косвенно также линию между стратегией изнурения и стратегией сокрушения. *Прим. ред.*

Вот почему начальник генерального штаба вначале крепко держался мысли применить новые корпуса на западе. Но чтобы остановить происходившее передвижение русских сил на австро-венгерский фронт, он потребовал от главнокомандующего на востоке предпринятия, пользуясь резервами фронта, нового отвлекающего удара (Entlastungstoss) против русского фронта западнее Вислы — на этот раз в более благоприятной местности в районе р. Пилицы и с более дружным взаимодействием наличных сил пехоты и артиллерии. А австро-венгерскому командованию был предложен проект разгрома Сербии при помощи сил, намеченных для Карпатской операции, которые могли быть подкреплены некоторыми немецкими частями, взятыми с восточного фронта. Подобный удар против сербской армии, сильно ослабленной борьбой, болезнями и испытаниями, столь нуждающейся в материальных средствах, казалось, выполнить было не трудно. Немецкое верховное командование признавало такой удар целесообразным, т. к. престиж Австро-Венгрии у балканских народов, в Румынии и Италии существенно нуждался в под'еме, во избежание серьезных перемен. Особый повод к этому давал исход операции против Сербии в ноябре и декабре 1914 года, которую местная австро-венгерская армия под командой фельдмаршала-лейтенанта Потиорека предприняла без содействия немецкого верховного командования.

После короткого начального успеха войска этой армии с тягчайшими потерями и в ужаснейшем расстройстве были отброшены за Саву. Контр-удар против Сербии являлся наиболее простым средством ослабить впечатление от этой пережитой неудачи. Достигаемая этим ударом связь с юго-востоком обещала нечто большее, чем ограниченные результаты операций на Карпатах или у восточно-прусской границы.

Однако, вскоре обнаружилось, что этого проекта провести было нельзя.

Скоро оказалось невозможно из-за возраставшего русского нажима снять для Сербии какие либо австро-венгер-

ские части с Карпатского фронта [1]). Наоборот, даже части, уже бывшие на Дунае, пришлось взять для поддержки на Карпатах. Относительно состояния союзных войск возникли серьезные сомнения, на сколько их фронт вообще может быть прочен без сильной немецкой поддержки. Его разложение было бы роковым; оно устранило бы из общего дела Венгрию, наиболее сильного носителя боевых тенденций в двуединой монархии. Надо было переходить к немедленной и непосредственной поддержке Карпатского фронта. Он уже поглотил наличные немецкие силы, предназначенные для операции у Пилицы; впрочем, этой операции мешали тяжелые условия погоды. Однако, скоро стало ясно, что и эта непосредственная поддержка тем менее могла оказать длительную пользу, что местность и зима в горах, а также дурные дороги, ведущие к Карпатскому фронту и вдоль его, допускали действия лишь крайне ограниченными силами со стороны срединных держав. И все непрерывному притоку русских необходимо было здесь положить предел, иначе в недалеком времени наряду с падением Перемышля мог последовать непоправимый прорыв в Венгрию. Отсюда необходимость отвлечения при помощи удара в другом пункте являлась до крайности настоятельной. Вот почему с болью в сердце начальник генерального штаба должен был решиться на использование на востоке молодых корпусов, единственного к этому моменту общего резерва. Такое решение знаменовало собою дальнейший отказ, и притом уже на долгое время, от всяких активных предприятий крупного размаха на западе [2]). Нельзя было питать надежду

---

[1]) См. приложение: Соотношение сил на восточном театре войны, под 3 с.

[2]) Эта, действительно, тяжелая необходимость последним запасом рессурсов жертвовать для *второстепенных* целей в ущерб *главной* являлась одной из тех роковых „случайностей“, которых было не мало на немецкой стороне; таковыми же были: болезнь Мольтке в дни первой Марны, дожди в первой половине февраля в Верденскую операцию, и т. д. Фалькенгайн уступил не по тем лишь мотивам, какие им изложены, но потому, что был одинок, а клика Гинденбурга была всемогуща. *Прим. ред.*

с'уметь серьезно поколебать англо-французский фронт при помощи лишь имевшихся в виду новых формирований. С другой стороны, однако, не исключалась возможность при позднейшем их применении на востоке освободиться от русской опасности на ближайшее время, если бы только удалось и далее, как это было до сих пор, вызвать врага на сильный расход в людях и материалах.

На предложение австро-венгерского высшего командования дано было согласие. Если при этом начальник генерального штаба вначале еще расчитывал идущие на восток прекрасные войска, по выполнении ими там своей задачи, применить затем где-либо еще, то потом он ясно себе представил всю ненадежность подобнаго расчета. Он мог иметь свой вес, если бы операция на востоке велась с постоянным учетом интересов общей обстановки. А для этого было бы необходимо присутствие на месте верховного командования. На основании этих соображений начальник генерального штаба начал обдумывать мысль о необходимости взять в свои руки руководство операциями на востоке. Однако, сильные приготовления врагов к наступлению на западе пока мешали осуществлению этой мысли. Из всего вышеизложенного ясно, что в действительности только одно соображение реально оправдывало новое решение, а именно: убеждение, что иначе Австро-Венгрия в короткий срок рухнет, придавленная гнетом войны.

В середине января 1915 года генерал-фельдмаршалу ф.-Гинденбургу были предоставлены в распоряжение четыре [1]) корпуса общего резерва—лучшие, какими когда-либо на войне располагала Германия—для осуществления наступления из Восточной Пруссии, согласно его и главного австро-венгерского командования предложений. Они составили новую 10-ю армию под начальством генерал-полковника ф.-Эйхгорна (начальник штаба полковник Гелль).

Австро-венгерское наступление в Карпатах, в котором рядом с участвовавшими в нем австро-венгерскими частями

---

[1]) Из них три были молодые корпуса, а четвертый—свежий корпус с запада, замененный здесь молодым.

работала и так называемая „Южная армия“ под командованием генерала-от-инфантерии ф.-Линзингена с начальником штаба генералом ф.-Штольцман [1]), составленная из трех немецких и нескольких австро-венгерских дивизий, застопорилось уже после самого короткого продвижения. Как и приходилось опасаться, горная зима оказалась сильнее человеческих усилий. Не удалось даже полностью очистить от врага венгерскую территорию. Скоро союзным войскам опять пришлось отбиваться от русских контр-атак. Впрочем германские части Южной армии продолжали наступление и при том в частных эпизодах совершили крупные подвиги. Также и в Буковине, где немецкая кавалерия под начальством генерал-лейтенанта барона Маршаля боролась вместе с австро-венгерской армией генерала Пфлянцера, достигнуты были успехи. Но скоро стало ясно, что уже нельзя расчитывать на освобождение Перемышля или на какой-либо иной сокрушительный успех.

Несколько позднее началось наступление в Восточной Пруссии, причем 8-го февраля разгорелось в Мазурских озерах зимнее сражение. В нем рядом с 10-й армией принял участие и левый фланг 8-й под командой генерала от инфантерии ф.-Белова (начальник штаба генерал-майор ф.-Бекман). Так как противник был огорошен внезапностью, а свежие немецкие части добровольно сами шли на встречу исключительным требованиям, то удалось снова и вполне освободить от русских немецкую территорию. Их фланговая,—10-я армия—в лесах Августова легла большей своей массою. Но рядом с этим и немецкие силы дошли до пределов боеспособности. При своем состоянии, потрясенном условиями погоды и продовольственными трудностями, они не могли уже сломить сопротивления скоро и искусно брошенных им на встречу русских подкреплений.

Чтобы избежать дальнейших и, по его мнению, бесполезных жертв, начальник генерального штаба указал главно-

---

[1]) Для подготовки к операции временно к генералу ф.-Линзингену был командирован генерал Людендорф, который особенно стоял за это предприятие.

командующему силами на востоке на то, что общее положение дел кладет известный предел стремлению развивать полностью успех зимнего сражения, утилизируя при этом силы войск до крайности. Уже во второй половине марта, вероятно, значительные части восточных сил придется применить на других театрах войны; уменьшение же посылаемого на восток усиления людьми и артиллерией должно будет наступить еще ранее. Создавалась необходимость заполнять те провалы, которые образовались в немецких рядах на западе в результате поведенных в крупном масштабе отвлекающих атак французов и англичан. В основе причины снятия сил с востока лежала также нужда в резервах, которая вызывалась обострением отношений к Италии, хотя еще проходивших довольно благополучно.

Однако главнокомандующий оставался при своей мысли продолжать атаку. Он надеялся такой атакой побудить русских оттянуть свой фронт с левого берега Вислы на правый. Для этой цели было поведено еще одно наступление сосредоточенными резервами фронта под командой генерала от артиллерии ф.-Гальвица против нижнего Нарева. Оно так же мало продвинулось вперед, как малы были и все дальнейшие успехи на севере. Наоборот, русские своими контр-атаками в некоторых пунктах достигли перевеса. Силы для этого отчасти взяты были из Польши с западного берега Вислы, но русский фронт оставался здесь на своих прежних местах. Попытки с немецкой стороны использовать это обстоятельство для активной деятельности в этом районе оказались также безрезультатными. К средине марта союзники вновь на всем восточном фронте были принуждены перейти к обороне. Она без особых усилий проводилась там, где стояли немецкие части, между тем как австро-венгерским частям, против которых русские вели главный нажим, удавалось вообще лишь с большим усилием сохранять свое положение. Это особенно почувствовалось, когда, после падения 22-го марта Перемышля, освободилась русская блокирующая армия.

Операции против обоих флангов русского фронта не оправдали возлагавшихся на них далеко устремленных ожи-

даний. Об этом свидетельствовали получавшиеся сведения об обстановке и состоянии войск. Уже в первые дни марта начальник генерального штаба был принужден отказаться от осуществления мысли взять обратно по выполнении задачи недавно посланные на русский театр войны войсковые части. К счастью, в этот момент он мог решиться на это без каких-либо тяжких последствий. Благоприятный для нас исход облегчавших русское положение наступательных попыток на западе уже можно было предвидеть, а Италия держала себя пока еще спокойно, хотя отношение к этому прежнему союзнику значительно обострилось.

Все же завершенные операции сделали свое дело в том смысле, что русским нанесены были большие потери, которые, принимая даже в расчет, что и союзникам пришлось потерпеть тяжкий урон, должны быть названы совершенно исключительными. Верховное командование в этом видело данные надеяться, по крайней мере, на временную отсрочку кризиса на Карпатском фронте. Поэтому оно вернулось вновь к своей старой мысли. Австро-венгерскому главному командованию было предложено воспользоваться случаем, чтобы, перейдя на Карпатах к строжайшей обороне, нанести внезапный удар Сербии. Эта операция была столь же желательна для обеспечения тыла и фланга намечаемого в ближайшее время фронта против Италии, как и для открытия пути, чтобы именно теперь поспешить на помощь туркам, крайне теснимым у Дарданелл. Однако, момент для внесения такого предложения оказался неудачным. Русские в своих атаках, согласно сведений с Карпатского фронта, не ослабевали, и союзники держались здесь не прочнее, чем прежде. Об отдаче сил с этого фронта не могло быть и речи. Напротив, в конце марта, по просьбе австро-венгерского главного командования, пришлось вновь послать германскую поддержку. Бескидский корпус генерал-лейтенанта ф.-дер-Марвица, составленный из трех дивизий немецкой части восточного фронта, был двинут в горный район Бескидов, чтобы уравновесить понесенную союзниками серьезную неудачу. Это удалось корпусу по отношению к врагу гораздо легче, чем думалось.

У русских стали обнаруживаться признаки, которых нельзя было иначе толковать, как значительное ослабление боевой упругости. Такие явления, в связи с другими наблюдениями на восточном фронте за это время, давали немецкому верховному командованию очень важную основу для осуществления намечаемых вскоре решительных шагов.

Подобные же данные, правда, уже отрицательного порядка, начальник генерального штаба усмотрел в общем характере протекших операций. По его мнению, одно обстоятельство становилось при этом совершенно ясным, и оно обнаружилось как уже в боях на Висле в октябре, так еще более в ноябрьских боях под Лодзью. При относительно скромных силах, имеющихся в распоряжении Германии для выполнения наступательных задач, повторение операций против фланга или флангов русского фронта не имело уже более шансов на существенные успехи. Противник уже давно стал относиться к ним с особым вниманием и умел очень хорошо принимать свои контр-меры. При существующем соотношении сил Германия была не в состоянии помешать им, достаточно прочно связывая противника на всем фронте, а в России всегда оставалось много пространства, чтобы уклониться от удара. Не менее важным, чем этот вывод, было установление масштаба для оценки того, какие операции вообще могут быть еще возложены на австро-венгерские войска. Если в будущем им суждено было еще оказать пользу при больших наступательных операциях, то приходилось заранее принимать в расчет, что их придется перемешивать с немецкими частями, а самую ударную работу осуществлять при посредстве последних. Согласно с этим в дальнейшем течении войны и велось дело, поскольку германское верховное командование могло осуществить подобный принцип.

Где это не удавалось, по недостатку ли лишних немецких сил или по другим причинам, как, напр., во время австро-венгерского наступления на Волыни осенью 1915 года или такового же весною 1916 г. в Тироле, отступление от правила тяжело за себя мстило.

Зимнее сражение в Шампаньи.

В то время как на востоке разыгрывались упомянутые события, на западном театре войны французы и англичане с большими силами повели свои наступления с целью отвлечения сил с русского фронта.

В средине февраля резко превосходные французские массы повели атаки на немецкие позиции 3-й армии в Шампаньи, другие—севернее Арраса (в районе высоты Лоретто) против находящихся здесь частей 6-ой армии.

В первой половине марта попытались и англичане в тяжеловесных построениях задавить массовым напором стоявшие против них юго-западнее Лиля очень слабые части 6-й армии.

Почти одновременно французы атаковали на правом берегу Мааса юго-восточнее Вердена (высота Комбр, позднее „Пасторский лес", С. Миэль) в районе 5-й армии.

Противники нигде не добились выгод, достойных упоминания. После несущественных первоначальных успехов всюду дело свелось к длительной борьбе с переменным успехом. При этом немцам, вследствие своей сравнительной слабости—она определялась в зимние сражения: в Шампаньи, по крайней мере, отношением $^1/_6$, у Лиля $^1/_{16}$—приходилось очень тяжело, но всюду они в общем сохранили свои позиции и нанесли атакующим очень большие потери. Во многих пунктах им даже удалось не только вернуть обратно взятое противником пространство, но даже дойти контр-атаками до вражеских линий. Поведение войск было выше всякой похвалы. Также хорошо выдержала испытание и немецкая оборонительная система и при этом в одинаковой мере как в смысле типа укреплений, так и в способе их занятия и мероприятий по быстрой переброске резервов.

К концу марта в немецкой главной квартире пришли к прочному убеждению, что западным противникам на ближайшее время не удастся добиться решительных результатов, если бы даже части войск, находящиеся в процессе формирования у западного фронта, пришлось вновь применить

на востоке, дабы на ближайшее время поколебать наступательную энергию русских. Этим верховное командование достигало необычной свободы решений, тем более ценной, что общее положение дел на востоке уже вновь омрачилось.

Турки в начале февраля хотя и достигли Суэцкого канала, но не могли на нем удержаться. Непосредственно после этого английский и французский флоты начали обстрел Дарданелльских укреплений. Первый момент это понималось только, как противомера против Суэцкой операции. Однако скоро выяснилось, что Дарданелльская операция серьезно ставила себе задачу боем открыть Дарданеллы. Отражение этих попыток полностью поглощало ограниченные турецкие средства, как людские, так и материальные. Особенно быстрая растрата последних готовила немецкому верховному командованию величайшие заботы. Турция не располагала никакими фабриками для производства нужных ей орудий и снарядов. Связь с нею через Румынию тем более становилась трудной, чем более ослабевала сила сопротивления Австро-Венгрии на Карпатах. Подобное же воздействие это обстоятельство оказывало и на поведение Италии.

Переговоры с Италией 1914—15 г.г.

В какой степени генеральный штаб перед началом войны предавался надеждам, что Италия — участник и пожинатель благ тройственного союза в течение более чем тридцати лет,—в серьезном случае выполнит свои обязанности, об этом можно не распространяться. Если на это и приходилось вообще расчитывать, то подобные ожидания, главным образом, основывались на утверждениях итальянского начальника генерального штаба Поллио и посланных им в Германию офицеров генерального штаба. К сожалению, Поллио за несколько недель перед началом войны внезапно скончался. Надежды, возлагаемые на него и Италию генеральным штабом, в Германии разделялись, впрочем, не всеми. Открытые берега Италии с ее населенными городами и ее

зависимость в продовольственном отношении и в снабжении углем от морского транспорта делали для Италии почти невозможным принять участие в войне в качестве врага Англии. Уже в первые дни войны стало вообще ясно, что об этом не приходится и думать. Италия об'явила себя нейтральной. Немедленное вступление Англии в войну достигло одной из своих главнейших целей. Все же опасность перехода Италии на сторону врагов Германии в то время казалась еще невероятной. Только с момента поражения Австро-Венгрии в декабре 1914 года в Сербии и обострения положения на Карпатах—возникли в этом отношении серьезные опасения. Чтобы предупредить их возможное осуществление, немецкое политическое руководство предложило Австро-Венгрии скорейшее удовлетворение ее итальянских притязаний. Когда при этом натолкнулись на упорное сопротивление, немецкое верховное командование попробовало поддержать предложение. Командование прибегло при этом ко всем средствам, имевшимся в его распоряжении и, наконец, после длительных и тягостных переговоров с января по март 1915 года достигло того, что двуединая монархия решилась на необходимые шаги. Последовала ли эта уступка слишком поздно, до сих пор об этом ничего положительного неизвестно. Во всяком случае, сопротивление Австро-Венгрии и рекомендуемой территориальной уступке в пользу Италии вполне понятно. Она со своей стороны совершенно справедливо указывала на то, что нельзя, как и свидетельствует большой опыт, уступкой заставить вымогателя замолчать, что, кроме того, всякая уступка вымогательству в виду непрочного состояния двуединой монархии и позиции Румынии, может принести с собою в дальнейшем сугубые опасности. И все же ни немецкое политическое руководство, ни немецкое верховное командование не могли отказаться от своего предложения. Убеждение в возможности удержать этим путем Италию от перехода на сторону врагов оставалось после всего, о чем узнали, в прежней силе. Если бы это действительно удалось, не исключалась и возможность добиться позднее более дружественного поворота в поведении Италии. Но если бы это даже и не вышло, то одно уже

замедление перехода Италии в стан врагов имело величайший смысл. При напряжении, которое со времени Марнского и Галицийского сражений, а также после неудачного наступления на Сербию, неослабно господствовало на всех театрах войны, именно зимой 1914—15 г.г. для срединных монархий было бы до крайности трудно отразить еще нового врага. Только с момента, когда напряжение русского удара было надломлено, явилась возможность найти силы для этой задачи. Также нельзя было без настоятельной нужды отказываться от той связи с внешним миром, которая шла чрез Италию и доставляла нам исключительно важные сырые материалы.

Очень часто утверждали, что более настойчивое выступление против Италии дало бы лучшие результаты, чем уступчивость. Защитники этого взгляда забывают о действительном положении, в котором к этому времени находились срединные державы, и о той точной осведомленности, которой располагала Италия по этому поводу. Верховное командование не могло взять на свою ответственность за риск преждевременного разрыва сношений в случае слишком большой настойчивости внушений. Командование уже тогда было глубоко убеждено и осталось при этом убеждении в течение всего времени, о котором говорится в этой книге, что в эту войну дело шло о бытии или небытии Германии, и что чрезмерное напряжение немецких сил, если и могло доставить первичный успех, в конечном результате должно было неизбежно сломиться от истощения перед многократным превосходством сил враждебной партии.

Ведение беспощадной подводной войны в феврале 1915 г.

В рассматриваемый здесь период, наконец, в первый раз перед верховным командованием встал один из важнейших вопросов, которыми занято было потом командование во время войны. В начале февраля 1915-го года начальник морского генерального штаба, вице-адмирал фон-Поль, сообщил начальнику генерального штаба, что флот считает себя теперь в состоянии предпринять против Англии

подводную войну с надеждой на полнейший успех, если только война будет вестись единственным, отвечающим существу этого оружия способом, а именно, без каких-либо ограничений. Лишь против нейтральных судов, насколько их можно было бы признать таковыми, могут не применяться насильственные акты. Конечно, при этом не исключались возможности осложнений с нейтральными странами, и прежде всего с Америкой. Их свобода передвижений в водах Англии была бы совершенно подорвана, значит, еще более ограничена, чем это было бы допустимо на основании международных соглашений в случае об'явления блокады. Но таковое не могло последовать, так как для этого не доставало нужных предпосылок. С другой стороны подводные лодки в соглашениях вообще еще не предусматривались. Кроме того, по праву необходимой обороны являлось без сомнения не только оправдываемым, но и обязательным, принятие контр-мер против открытого нарушения Англией международного права. Таковое проявлялось в войне на измор, которая была направлена против немецкой не воюющей части населения, включая стариков, женщин и детей, с момента об'явления немецкого моря театром военных действий, и поддерживалась с беспримерной строгостью, в резко противоречащем международному праву и нарушающем все права нейтральных стран толковании Англией контрабанды и, наконец, в обращении Англии со всеми попавшими в ее руки немецкими подданными,—обращении, которое являлось издевательством не только над всяким писаным правом, но и над простой человечностью [1]).

Начальник генерального, штаба, естественно, не остался глух к этим убедительным доводам. Он принимал их тем более охотно, что чрез это открывалась возможность ценную часть немецкой вооруженной силы, заключенную во флоте, использовать для сухопутной войны в роли преграды английскому подвозу военных рессурсов. Как ни важна была за-

[1]) Эти строки полезно сопоставить с текстом Керзоновского ультиматума Советской Республике, где автор „возмущается" „варварским" расстрелом 2-х заведомых шпионов Великобритании.
Прим. полит. редакции.

щита немецких берегов, которую флот выполнял в полной мере, все-таки надежды, которые возлагались на него в случае войны, этим не исчерпывались. К сожалению, в течение всей войны они не оправдались. Морское командование первые два года войны держалось взгляда, что при той огромной ставке, которую представлял собой выход немецкого флота для решительного столкновения с далеко превосходными силами противника, и, особенно, учитывая необходимость защищать немецкие берега, наступление являлось разумным разве только при исключительно благоприятных обстоятельствах. Такие обстоятельства не обнаруживались. Минирование Северного моря, охватывающее стратегическое положение флотов противника, их робкая сдержанность мешали наступлению этих обстоятельств. Поэтому от наступления, ищущего решительных исходов, приходилось отказаться.

Что касается до Соединенных Штатов Америки, то для решения верховного командования—главное сводилось только к ответу на вопрос: та выгода, которую могло доставить для общего хода войны применение беспощадной подводной войны, могла ли она уравновесить возможное поведение этой главной из нейтральных стран, или нет.

По соображениям морского штаба Англия, благодаря воздействию подводных лодок, в срок, определяемый месяцами, делалась уже неспособной вести на суше войну даже приблизительно в том же об'еме, как было до сих пор. Случись же это, тем самым вне сомнения достигались выгоды исключительной ценности. Не было лучшего средства, как именно отказ Англии, чтобы сломить волю к победе всех остальных членов антанты. Отказа от применения подводной борьбы не могла оправдать даже опасность серьезных осложнений с Америкой.

Если бы действительно случился разрыв, то было невероятно, чтобы Америка дала себя почувствовать в военном смысле раньше, чем подействовала бы подводная война. Но еще не было полной уверенности, что дело дойдет до разрыва. Ведь на тяжкие нарушения международного права антантой Вашингтонское правительство сумело же ограничиться лишь

протестами, молчаливо вынося, когда на них даже не отвечали?

До сих пор было неясно, почему же Америка должна будет отнестись иначе к немецким действиям, которые, как противомера, были несравненно более оправдываемы?

Правда, общественное мнение Америки большей частью было на англо-саксонской стороне. Связь хозяйственных интересов Америки с удачами и неудачами антанты, становившаяся все более тесной, грозила принять роковое значение. Уже был известен удручающе-тяжелый факт, что американцы немецкого происхождения могли оказать лишь крайнее ничтожное влияние в пользу своей старой родины.

Но тогда еще были убеждены, что правительство Соединенных Штатов и само серьезно держалось намерения остаться нейтральным. Это казалось тем более правильным, что тогда еще не знали, что и Штаты, конечно не могшие относиться безразлично к перспективам войны, подпали гипнозу лживой антантской пропаганды.

Сообразно с этим было решено начало подводной войны в упомянутой выше форме.

V. ПРОРЫВ ГОРЛИЦА—ТАРНОВ и ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.

Решение попытки прорыва.

(См. карту № 5).

Общее положение военных дел к началу апреля 1915 г. оценивалось следующим образом:

Сильные атаки французов и англичан в последние недели, несмотря на преимущество их в снабжении орудиями и снарядами — благодаря американской помощи — и несмотря на перевес в одной только пехоте более, чем на шестьсот батальонов, совершенно не поколебали немецкого фронта на западе. Правда, французы еще упорно продолжали свое наступление между Маасом и Мозелем, исход нельзя еще было предвидеть с полной определенностью, но считалось едва ли нужным особенно опасаться, что наступление достигнет каких-либо иных результатов, помимо чисто местных.

Длительная борьба на западном фронте показала, что французы заявили себя по сравнению с англичанами более опасными соперниками. Однако, было известно, что личный состав их пополнений на родине в ближайшие месяцы не позволит им значительно усилить боевые части. Повидимому, резервы—самое большее, на что их еще хватало — могли только восполнить понесенные тяжкие потери.

В этом отношении положение у англичан было такое же, особенно принимая в расчет то обстоятельство, что они, очевидно, направили сильные части в Средиземное море. Недостатка в людях они, конечно, не ощущали. Зато они

встречались с затруднениями при вербовке, а особенно при обучении, в виду недостатка в нужных офицерах и унтерофицерах. К этому же времени, согласно уверений морского ведомства, можно было также надеяться, что подводные операции значительно повлияют на успешность английского подвоза, как людей, так и материалов. Во всяком случае, британские войска, несмотря на неоспоримые храбрость и упорство в отдельных случаях, показали себя в боях столь тяжеловесными, что с ними нельзя было связать никаких опасений, в смысле возможности в ближайшее время добиться против немецких войск чего-либо решительного.

Последние на западе стояли на высоте боевой способности. Крепко веря в своих вождей и в позиции, становившиеся с каждым днем все сильнее и сильнее, полные сознания внутреннего превосходства над врагом, войска смотрели на возможные в грядущем попытки к прорыву с прочным самообладанием и уверенностью, не поддаваясь обману под влиянием численного несоотношения сил. Позади фронта находилась большая часть 14 новых дивизий, почти готовых для работы на фронте; впрочем, они, как составленные из частей существующих соединений, не означали числового увеличения сил. Формирование до сих пор недостававших частей близилось к завершению.

Не столь благоприятна была обстановка на немецкой части восточного фронта, — между Балтийским побережьем и р. Пилицей. Фронт был также прочен. Но общих резервов создать еще не удалось, хотя перевес противника в силах не был столь велик, как на западе, и русские, в смысле военной ценности, не шли в сравнение ни с англичанами, ни с французами. Формирование пяти дивизий по способу, примененному согласно желаний верховного командования на западе, здесь еще не было начато. Виною этому были, как значительно более пожилой возрастный состав войск восточного фронта, так и постоянная отправка боеспособных частей союзникам. Во всяком случае, здесь была полная уверенность, что немецкий фронт справится со всякой попыткой русских к наступлению. Но, к сожалению, из донесений также вытекало, что войска не могли пред-

принять собственными средствами более крупных операций в пределах своего фронта и не были способны к дальнейшей поддержке, в случае нужды, союзников.

С другой же стороны ожидалось скорое наступление такого именно случая [1]), как ни сильна уже была прослойка австро-венгерского фронта немецкими войсками.

У Ниды, в пространстве между Пилицей и Верхней Вислой возле 1-й австро-венгерской армии стояла армейская группа генерала фон-Войрша с его верным начальником штаба полковником Гейе. Между Верхней Вислой и подножием гор во фронт 4-й австро-венгерской армии была вдвинута дивизия ф.-Бессера. В Бескидах колеблющийся фронт 3-й австро-венгерской армии был только что подкреплен сильным корпусом ф.-дер-Марвица. Через лесистые Карпаты восточнее Мункача медленно продвигалась вперед южная армия генерала ф.-Линзингена. В Буковине кавалерия генерал-лейтенанта барона Маршаля выдерживала на своих плечах значительную долю боевой тяжести.

Но несмотря на все это не только не наступило равновесие сил, к которому стремились, но приходилось с тревогой предвидеть дальнейшие русские попытки прорваться в Венгрию.

Все же для внимательного наблюдателя были заметны на русской стороне также и благоприятные для срединных империй признаки. Упорство наступательных ударов с каждой неделей становилось слабее. Точно также и там, где достигались результаты, атакующий оказывался не в силах вполне использовать успех. Те чудовищные потери, которые несли русские при их беспощадно веденных атаках зимой в горах Карпат, могли быть возмещены лишь пополнениями из дурно обученных людей. Неоднократно обнаруживались признаки начинающейся недостачи оружия и патронов. Но тем не менее, будучи и в таком состоянии, русские угрожали австро-венгерскому фронту, ввиду понижения духа некоторых частей союзных войск, и притом угро-

---

[1]) См. приложение: Соотношение сил на восточном театре войны, под. 4 с.

жали в такой степени, которая в дальнейшем становилась невыносимой. Признаки разложения среди частей с чешским и юго-славянским укомплектованиями обнаруживались все чаще и чаще. О создании резервов на особые случаи при таких условиях не могло быть и речи. А между тем главное австро-венгерское командование считало их безусловно необходимыми, т. к. было убеждено, что ни Италию, ни Румынию уже никакими переговорами нельзя более удержать от скорого вступления в войну, и что Сербия также питает новые наступательные замыслы. В предвидении этого случая главное командование Австро-Венгрии снова просило немецкое верховное командование о поддержке путем присылки десяти новых немецких дивизий. Они должны были послужить к снятию с Карпат такого же количества австро-венгерских дивизий, из которых семь предполагалось послать на итальянскую границу, три—на румынскую. Сверх того, австро-венгерское главное командование считало возможным питать надежды на новую попытку производства удара из Восточной Пруссии против правого русского крыла, связывая с этим сокрушение русского фронта и собственные выгоды.

В Турции усилия французов и англичан против Дарданелл непрерывно возрастали. Турецкое командование боролось с упорством, достойным удивления. Искренно поддерживаемое личным составом стоящих в Константинополе бывших немецких военных судов и руководителем Дарданелльской операции генералом Лиман ф.-Сандерсом, оно делало вообще все возможное, чтобы устранить недочеты турецкого снаряжения. Само собой разумеется, немецкое верховное командование помогало, где и как только могло. При помощи очень ограниченной связи чрез Румынию, всевозможными другими путями—по воздуху и под водой—было доставлено, все что можно было доставить. К сожалению, этого было мало: нужда этим не покрывалась. Можно было предположить, что в ближайшее время должна будет удасться серьезная попытка к высадке при поддержке превосходной неприятельской артиллерии,—о подготовке к ней имелись достоверные сведения. А что за этим могло после-

довать, было покрыто мраком. На одно, конечно, можно было безусловно расчитывать: на крепкую решимость руководящих людей Турции оборонять каждый вершок турецкой территории и продолжать войну, если бы даже Константинополь был потерян. В этой геройской верности союзу Энвер-паша оставался несокрушимым в течение всей войны. Что в основе этого лежало непоколебимое убеждение, что лишь этим путем можно было противостоять русским, английским, французским, итальянским и арабским притязаниям, это обстоятельство нисколько не уменьшало ценности для Германии такой верности.

Положение у Дарданелл неизбежно давало себя чувствовать на других военных театрах Турции. По временам становилось невозможным послать на них необходимую поддержку. После сорвавшегося предприятия против Суэцкого канала турецкие войска отошли на Синайский полуостров за турецкую границу. Если бы даже время года и позволило повторить наступление, которое для прикования английских сил было до крайности желательно, то по вышеизложенным основаниям возможность его была исключена.

Не лучше обстояли дела и на Мессопотамском фронте Продвигаясь вверх по реке, англичане медленно, но прочно завоевывали плацдарм против Багдада.

В Армении наступило своего рода боевое затишье. Русские не использовали выгод, полученных ими за зиму. Если бы они попытались это сделать, то наличные в то время турецкие части были бы не в силах помешать этому.

Короче, обзор военного положения как Турции, так и Австро-Венгрии не представлял ничего утешительного.

Пришел момент, когда дальше нельзя было уже откладывать решительного наступления на востоке, которое уже с месяц верховное командование имело в виду на случай необходимости. Но решение вопроса предполагалось искать другим путем, чем тот, который рекомендовали вожди на востоке, и теперь вновь—австро-венгерское главное командование.

Простая смена австро-венгерских сил на Карпатах немецкими—приковала бы значительную часть вновь формируемых частей к местности, в высокой мере непригодной для активного ведения войны, не давая вместе с этим уверенности, что австро-венгерский фронт все же не будет прорван на каком-либо другом слабом пункте. Эта же смена вновь привела бы к расходованию немецких частей в качестве вспомогательных сил среди австро-венгерских войск, что на основании уже пережитого опыта было крайне нежелательно. Подготовка заранее австро-венгерских частей против Италии, Румынии и Сербии, прежде чем об их намерении и мероприятиях не получились более определенные данные, равносильна была осуждению войск на бездействие, чего срединные державы не должны были себе позволять, и это тем более, что немецкое верховное командование, согласно имевшихся у него сведений, не верило ни в скорое вступление Румынии в войну, ни в наступательные тенденции Сербии, а кроме того, могло полагать, что Италия не перейдет к открытым враждебным действиям раньше конца мая. Но даже и тогда, при медлительности итальянской мобилизации, должны были пройти недели, прежде чем ее войска сделаются способными к серьезным операциям.

Этот предположительно получаемый промежуток времени имело смысл использовать для решительного удара. Он мог вылиться только в решительное наступление с применением для этого всех вообще свободных средств.

Облекать это наступление в форму выполнения еще новой операции против правого русского фланга, расположенного против Восточной Пруссии, не сулило никаких надежд. Если ввести только что сформированные немецкие части против этого неприятельского фланга, то их недостало бы для Карпат. Также не было никаких шансов на то, чтобы успехи, достигнутые у границ Восточной Пруссии, дали себя реально почувствовать на границах Галиции и Венгрии. А если направить силы на Карпаты, то для операций в Восточной Пруссии не оставалось бы в распоряжении достаточных сил.

Намечаемая теперь немецким верховным командованием цель могла быть достигнута лишь при условии, что имею-

щийся в виду удар хотя и поставит себе в качестве конечного достижения сокрушение надолго русской наступательной силы, однако, в первую очередь освободит фронт союзников от тяготевшего над ним гнета.

Этого можно было ожидать только от прорыва, но не от операции против русского фланга. Подобная попытка против правого русского фланга исключалась по только что приведенным основаниям. Против левого же она вообще не могла приниматься в соображение из-за технических трудностей—горы, недостаточность путей.

Таким образом, выбор места прорыва заранее был ограничен небольшим числом участков фронта. Он мог пасть только или на участки между Пилицей и Верхней Вислой, или между Верхней Вислой и подножием Бескидов. Начальник генерального штаба остановился на последнем.

Этот район позволял более плотное сосредоточение ударных частей. Их фланги, благодаря стеснению русской свободы маневрирования, на севере—долиной Вислы, на юге—хребтом Бескиды, были значительно менее открыты для охвата, чем это обычно бывало при прорывах, и имело бы место между Пилицей и Верхной Вислой со стороны Варшавы. Естественные преграды, на которые при дальнейшем развитии операции в Западной Галиции приходилось наталкиваться—реки Вислок и Сан,—нельзя было по трудности сравнить с рекой Вислой. Для своей карпатской операции русские оттянули как раз из Западной Галиции столь значительные силы, что они своевременно уже не могли бы уплотнить этого фронта, если бы даже они усмотрели грозившую им опасность. Отсюда с некоторой уверенностью можно было надеяться, что имеются шансы появиться на решительном пункте с намеченным превосходством в силах. Была даже вероятность, что такое благоприятное соотношение сил будет сохранено на более долгое время, если операция будет поведена настойчиво, так как скорая боковая переброска русскими сил с прилегающих фронтов в Карпатах или с изгиба Вислы, была, как упомянуто выше, невозможна. С нею неизменно были связаны предварительные долгие и неудобные тыловые передвижения. Если бы даже

операция по прорыву и имела лишь условный успех, можно было все же ждать, что северную часть Карпатского фронта русским удержать будет трудно, а этим одним уже будет создано для союзников очень ценное облегчение. При таком предположении являлось совершенно возможным тяжелое потрясение также и русского фронта в изгибе Вислы.

Намечаемая операция сулила еще более существенный успех, если бы удалось обеспечить для немецкой стороны выгоду внезапности и нанести удар с большой силой.

Осуществление решения. Подготовка.

Поэтому для предприятия были назначены особенно испытанные части. Они были обильно снабжены, насколько это было тогда возможно, артиллерией, даже самой тяжелой, которая до того момента едва ли применялась в полевом бою, снарядами и минометными частями. В части были назначены многочисленные офицеры, точно усвоившие на западном фронте наиболее яркие из новых приемов войны.

В целях сохранения тайны подготовительные меры велись с особой осторожностью. Даже главному австро-венгерскому командованию соответствующие предложения были сделаны только в середине апреля, когда войска были сосредоточены уже на станциях, готовые к посадке, и вагоны со снарядами уже катились по направлению к Галиции. Позволительно было так вести дело потому, что с уверенностью можно было расчитывать на согласие союзников. Ведь это они только что вновь и повторно просили немецких сил и поддержки фронта 4-й австр.-венгерской армии в Западной Галиции и 2-й и 3-й авст.-венгр. армий в горном районе к юго-востоку от Горлицы. Австро-венгерское главное командование хотело или ввести немецкие силы непосредственно на фронте 2-й армии, или применить их для отвлекающей атаки во фланг и тыл русских войск, нажимающих в горах на эту армию. Эти предложения были неприемлемы, т.-к. они не создали бы какой-либо цельной работы.

Австро-венгерскому главному командованию было теперь указано, что прорыв тем более будет облегчен, „его виды на урожай“ тем более улучшены, чем далее русские перед тем углубятся в горы южнее фронта атаки. В этом отношении было бы существенно полезно, если бы австро-венгерский фронт на этом участке за несколько времени до начала нашего наступления можно было подать назад, дабы вызвать врага на возможно более глубокое движение.

Это предложение осуществлено не было. Вероятно, при этом главное влияние оказал вполне понятный страх пред добровольной уступкой венгерской территории. Могла повлиять и трудность снова остановить части, раз уже начавшие отступать. Во всяком случае, жалко, что эта мера не была принята. Она могла бы иметь, как это и пояснили последующие обстоятельства, совершенно огорашивающий успех [1]).

---

[1]) Обмен телеграммами, предшествовавший операции, гласил:

Мезьер, 13, 4. 15

Генералу фон-Конраду.

Тешен.

Вашему превосходительству известно, что повторение попытки охватить крайнее (правое) крыло русского фронта я не считаю целесообразным. Также мало выгодным кажется мне дальнейшее распределение немецких частей на Карпатском фронте с единственной целью его поддержки. Напротив, я предложил бы Вашему вниманию нижеследующий план операции, но при этом замечу, что во внимание к настоятельно необходимой тайне даже в моем штабе я еще не приказал этот план подвергнуть обработке.

Здесь на западе формируется армия, по крайней мере, из восьми немецких дивизий с сильной артиллерией и переводится на линию Мучин—Грибов—Бохния, чтобы затем приблизительно с линии Горлица—Громник двинуться вперед в общем направлении на Санок. К этой армии должны присоединиться дивизия Бессера, своевременно смененная на позиции австро-венгерскою частью, и австро-венгерская кавалерийская дивизия. Эта армия и 4-ая австро-венгерские армии должны быть об'единены в командовании и на этот случай, естественно, немецком. Если во время развертывания этой ударной группы 2-я и 3-я австро-венгерские армии могли бы, шаг за шагом, увлекая за собой противника, отступить, приблизительно, на линию Ужок—Перечени—Гомонна—Варано—Зборо, то такое движение существенно облегчило бы успех операции.

Немецкие перевозки направлены были в Галицию кружным путем. Никто не знал о своей задаче раньше, чем пред самым подходом к станции высадки. На почте был предписан самый строгий контроль.

Несмотря на все эти распоряжения и в данном случае подтвердилось наблюдение, сделанное за весь период войны, что подготовка к большим предприятиям никогда не останется скрытой от противника. Можно надеяться на возможность разве только на некоторое время оттянуть ее открытие целесообразными мерами, что, впрочем, является уже столь существенным плюсом, что он оправдывает самые

Я прошу Ваше Превосходительство возможно скорее осведомить меня об общем Вашем отношении к этому плану и последующим вопросам:

Вполне ли доступен район операций для войск с немецким обозом? Будет ли австро-венгерское командование в состоянии снабдить немецкую армию обычными для района повозками? Какова провозоспособность железнодорожных линий Рутка—Эпериес — Мучин и Рутка—Новитарг, затем Суха—Нов. Сандец—Грибов, наконец, Краков — Бохния? Ближайшие обсуждения должны, естественно, быть устными, почему я желал бы застать Ваше Превосходительство завтра 14 апреля пополудни в Берлине.

Предпосылкой для проведения операции остается помимо строжайшего секрета условие, что Италия дальнейшим движением на встречу ее желаний будет побуждена к сохранению покоя, пока, по крайней мере, с нашей стороны удар не будет проведен. Как вообще вашему превосходительству, конечно, известно, не одна жертва с моей стороны не показалась бы мне достаточно великой, если бы только Италия чрез это могла остаться в покое в течение всей войны и т. д.

ф.-Фалькенгайн.

Тешен, 13. 4. 15.

Его Превосходительству генералу ф.-Фалькенгайну.

Мезьер.

Предложенная Вашим Превосходительством операция отвечает моей, с давних пор уже мною желаемой, но из-за недостатка сил она пока была неосуществима. Необходимо применение возможно большего количества сил, чтобы ручаться за успех Для личных переговоров приеду завтра, 14 апреля, около 5 часов пополудни в Берлин и в 6 часов буду в военном министерстве.

На вопросы телеграммы: и т. д.

Генерал Конрад".

строгие мероприятия, как против сознательного предательства, так и безумышленного оповещения. Русские скоро после средины апреля узнали о развертывании, однако своевременно не могли выяснить смысл этого развертывания. Возможно, что в этом случае на отклонение их внимания повлияли предписанные движения на других участках фронта.

Оживленная деятельность на позициях всего западного фронта в связи с предпринятыми атаками, насколько это позволяли оставшиеся скромные силы, имела задачей скрыть уход войск, направляемых в Галицию. Одно из таких предприятий в районе 4-й армии пред Ипром выросло в серьезную атаку, т.-к. этому помогло применение в первый раз в большом масштабе газов. Их неожиданное воздействие было очень сильно. К сожалению, не было возможности использовать вполне этот результат: не было наготове необходимых резервов. А между тем достигнутый успех был солиден. Англичане понесли тяжкие потери. Это оказалось не без влияния на ту слабую устойчивость, которая сказалась в британских отвлекающих операциях после прорыва Горлица—Тарнов.

Точно также и на немецкой части восточного фронта были предписаны подобные же операции. Главнокомандующий ответил на это тем, что он со своего левого фланга у северной границы Восточной Пруссии двинул вперед корпус против правого русского фланга. Корпус в то же время имел задачей составить опору для большого, имевшего далекие цели кавалерийского рейда в тыл русского фронта. Подобное же предприятие в обход тогдашнего русского правого фланга у Ковно в юго-восточном направлении, с исключительной целью порвать тыловую связь противника, в свое время заинтересовало немецкое верховное командование, и для него была предоставлена кавалерия, когда русские из-за зимнего сражения в Мазурских озерах стянули свои резервы к району Гродно. Рейд тогда не был приведен в исполнеиие, так как этому не позволяло состояние дорог. Если он и теперь не имел успеха, то этому была причиной изменившаяся к этому моменту обстановка у противника. Последний вновь сосредоточил за своим флангом нужные силы,

эшелонировав их в глубину. К этому можно добавить, что кавалерия двинулась не сосредоточенно, но рассыпавшись по всему пространству между Неманом и берегом моря. Немецкое наступление дошло до Шавлей; кавалерийские раз'езды достигали даже реки Аа; Либава была взята при поддержке флота. Но скоро наступил поворот. Город Шавли вновь был очищен. Лишь с трудом удалось, когда были подведены подкрепления, удержаться на участке р. Дубиссы, а кавалерию стянуть к Виндаве. Во всяком случае, главная цель: отвлечение русского внимания от Галиции и связывание сил правого русского фланга была достигнута. Конечно, при этом необходимо было мириться с тем, что значительные немецкие силы были все же прикованы к новому направлению. А завязка этим путем связей с частью балтийского населения немецкой крови имела своим скорым последствием нежелательное внесение на оперативные весы данных чувства [1]). Впоследствии оба обстоятельства явно неблагоприятно сказались на делах.

Прорыв.

2 мая под командованием генерал-лейтенанта ф.-Макензена, начальником штаба которого был полковник ф.-Зеект, началась Галицийская операция по прорыву. В ней участвовали: 11-я немецкая армия, состоявшая из 8 немецких дивизий, двух австро-венгерских пехотных дивизий и одной австро-венгерской кавалерийской дивизии и 4-я австро-венгерская армия, состоящая из пяти австро-венгерских пехотных дивизий, одной австро-венгерской кавалерийской и одной немецкой пехотной дивизии. Ближайшей целью ей было поставлено прорвать русский фронт на общей линии Горлица—Громник, чтобы сделать для неприятеля неудержимыми его позиции вплоть до перевала Лупков. Такое ограничение сначала считалось целесообразным. Оно должно

[1]) Намек на сильный придаток национального шовинизма к стратегии Людендорфа, увлекший общественное мнение Германии, но путавший стратегические карты Фалькенгайна и понижавший его репутацию. *Прим. ред.*

было помешать при всяких случаях австро-венгерскому главному командованию из данного случая вывести длительные притязания на оставление столь больших немецких сил на их фронте.

Прорыв удался на всем фронте 11-й армии и отчасти также на фронте 4-й австро-венгерской армии. Русские оказались не на высоте испытания, причиненного им строго сосредоточенным по пунктам прорыва тяжелым огнем. Освобожденные от оков позиционной войны, полные радостного порыва войска гнали перед собой тяжеловесного врага.

Уже 4 мая [1]) в немецкой главной квартире, перенесенной к восточному фронту в Плес [2]), уже более не сомневались, что противнику в ближайшее время не удастся задержать наступление, раз нам посчастливится сохранить за движением вперед должный порыв. Чтобы в этом отношении ничего не упустить из виду, было приказано перебросить с запада еще одну дивизию, хотя здесь уже чувствовались признаки отвлекающего наступления большого масштаба.

Оно было начато англичанами у Лооса (Loos) юго-западнее Лиля, французами у высот Лоретто северо-восточнее Арраса, значит только на фронте 6-й армии. Силе сопротивления немцев было этим предъявлено большое испытание, еще более, как это постоянно бывает в оборонительных сражениях, были затронуты нервы командования, как на местах, так и в немецкой главной квартире. Между тем, предположения оказались правильными. После того, как обстановка в силу многократного превосходства сил про-

---

[1]) См. Приложение: Сотношения сил на западном театре войны под 2.

[2]) Плес в Силезии. Переезд туда был обусловлен не только соображениями быть ближе к важнейшему театру войны и к Тешену, местопребыванию главной австр. квартиры, но и более интимными расчетами автора: Вильгельм любил Плес и покидал его гораздо меньше, чем пункты прежнего расположения главной квартиры, а, значит, чаще был под рукою и дальше от злых влияний. Иначе Фалькенгайну приходилось часто гоняться за императором. В Плес переехала лишь чисто боевая часть штаба—оперативное отделение и небольшие куски других.

Прим. ред.

тивника в течение целого дня подверглась серьезному колебанию, введение немецких резервов, хотя, естественно, и очень скромных, вполне ее восстановила. И снова наступила обычная бесцельная борьба за местность. Все-таки и она, при тяжких потерях, была затянута врагом до средины июня. Конечно, и с немецкой стороны, к сожалению, были потери. Но они, по сравнению с гораздо большими потерями, причиненными врагу, были относительно терпимы и терпимы тем более, что повторное победоносное отбитие превосходных сил несло с собой крайне желанное нарастание гордой уверенности в себе.

Следуя той же мысли ничем не останавливать наступательного порыва в отношении к прорыву в Галиции, в середине мая было отклонено предложение австро-венгерского главного командования применить немецкие силы в другом направлении. С этим предложением были связаны цели или поддержать сильно теснимую русскими австро-венгерскую армию в Буковине, или поколебать русский фронт в изгибе Вислы. Но на немецкой стороне крепко держались мысли, что каждый человек, которым только еще можно было располагать, должен быть применен, чтобы расширить и углубить раз пробитую брешь. Менее, чем обыкновенно думают, придавалось при этом значения отвоеванию у России территории. Главное было — разгромить неприятельские боевые средства. Нигде нельзя было достигнуть этого лучше и скорее, чем в бреши, в которой враг был принужден вступать в борьбу на неподготовленной местности, раз он не хотел подвергнуться риску поколебать свою оборонительную систему на всем фронте. Кроме того, создание новых ударных пунктов требовало времени. А его-то именно и нельзя было терять.

25 апреля англичане, как этого и боялись, высадились на полуострове Галлиполи. Вступление Италии в ряды врагов делалось с каждым днем вероятнее. Никто не мог предвидеть, как в силу этих обстоятельств сложится обстановка, и не заставит ли она скоро прибегнуть к особым мероприятиям. Так как силы для них, главным образом, можно было взять лишь из Галицийской ударной группы, если только

не желали и без того до крайности растянутые фронты на других местах ослабить более, чем это было допустимо, то движение этой группы без сомнения тем самым осуждалось на остановку. Но можно ли было на вновь предлагаемых пунктах наступления своевременно достичь каких-либо выгод, это, во всяком случае, оставалось сомнительным. Нельзя было забывать, что русские почти всюду располагали гораздо лучшими средствами связи, чем срединные державы. Короче говоря, отказ от главной операции был равносилен поведению того, кто синицу в руках менял бы на журавля в небе.

Вопрос рассмотрен здесь с известной обстоятельностью, т. к. он неоднократно возникал в течение долгой войны и притом в разнообразнейших формах. Вновь и вновь находились местные начальники [1]), утверждавшие, что они открыли верный путь, при котором мог быть нанесен более или менее большой, даже решающий кампанию, удар, если только для исполнения им будут предоставлены нужные средства.

Для этого считалось достаточным получить то 4, то 20 и более дивизий и, конечно, с соответствующей тяжелой артиллерией и снарядами. Но советчики, к сожалению, забывали при этом два существенно важных обстоятельства, а последние ускользали из их поля зрения, т. к. их можно было обсудить не на периферии, а только в центре общей картины.

Во-первых, они, как частные начальники, не чувствовали того сильного гнета, под которым все время должна была работать германская держава в ее целом, почему они и преувеличивали те силы, которыми верховное командование располагало для особых целей.

А затем, они не постигали того обстоятельства, что срединные державы во многих отношениях находились в далеко более угрожающем положении, чем защитники крепости, осажденной превосходным противником. При таком положении дел даже самая удачная вылазка не могла бы спасти от

[1]) Под этими местными начальниками приходится видеть все того же Гинденбурга или его вдохновителя Людендорфа. *Прим. ред.*

конечной гибели, если бы неприятелю удалось в каком-либо пункте, слишком ослабленном из-за той же вылазки, проникнуть внутрь крепости. Здесь последний всегда скорее бы поразил жизненный нерв, чем обороняющийся мог бы достигнуть боевых решений на периферии. Державы к тому же не могли, подобно защитникам крепости, в крайнем случае бросить все на произвол судьбы для спасения гарнизона путем прорыва из крепости.

Результаты прорыва.

Результаты прорыва в Галиции оказывались поразительно крупными. Неприятель понес ужасные кровавые потери. Число захваченных пленных и имущества быстро дошло до невероятных размеров.

Уже 6-го мая русские были в полном отступлении, часто переходившем в бегство, на всем фронте 3-й австро-венгерской, 11-й немецкой и 4-й австро-венгерской армий, т.-е. на фронте шириною более, чем 160 километров между Бескидами и верхней Вислой. Несколько дней спустя они уступили также и соседние участки: на юге до левого фланга южной армии—до дороги Мункач—Стрый, на севере перед фронтом 1-й австро-венгерской армии, а также и перед армейской группой Войрша до реки Пилицы [1]).

Союзные штабы увидели в этом повод поднять вопрос о новых и на этот раз более широких задачах, как для группы ведущей прорыв, так и для соседних частей. Им было указано, что севернее верхней Вислы надо оставаться вплотную к противнику, а южнее Вислы необходимо возможно

[1]) Не раз возникал вопрос, кому принадлежит первичная идея прорыва Горлица—Тарнов (по нашей терминологии Макензенского). Фалькенгайн, судя по тексту, приписывает идею себе. К. Ф. Новак приписывает и идею, и разработку плана Конраду ф.-Гетцендорфу, высказывая свою мысль в самом решительном тоне и намекая даже на плагиат со стороны Фалькенгайна (См. K. F. Nowak, Der Weg zur Katastrophe, Berlin 1919, 294. Стр. 84—87, 89, особ. 90). А Бауер говорит, что майор ф.-дер-Бусше, сотрудник операт. отделения, давно носился с этой идеей прорыва, раньше Конрада и, вероятно, внушил ее Фалькенгайну. (См цитир. выше книгу Der grosse Krieg, стр. 105).
Прим. ред.

скорее достичь рубежа рек Сана, Вишни и Днестра. И лишь после того, как войска прочной ногой станут на этих участках, они получат дальнейшие указания. Основанием для такого движения вперед скачками служил учет поведения Италии.

Эта мысль строго проводилась даже и тогда, когда в средине мая стало очевидно, что для нас остается лишь несколько дней до формального перехода нашего прежнего союзника в ряды наших врагов. Фланговым армиям, к сожалению все еще задерживающимся, было приказано приложить все силы, чтобы возможно скорее достигнуть поставленных целей. 11-й армии, достигшей своего рубежа, было предложено оказать помощь соседям.

Решения, связанные со вступлением Италии в войну.

(См. схему 3):

Если относительно этого пункта между обоими штабами было достигнуто полное единение, то относительно дальнейших шагов, связанных с поведением Италии, в пониманиях царило расхождение.

Австрийская главная квартира держалась вполне понятного желания возможно скорее взять в крепкий оборот (in festem Zugreifen) отпавшего старого союзника, действия которого прежде всего должны были сказаться на теле двойной монархии. Но она видела, что осуществить это на границе ни в коем случае не было бы возможным, хотя удар здесь она и считала наиболее желательным. Свойства местности также его исключали, как и краткость времени и отсутствие необходимых для этого сил. Поэтому австрийская главная квартира предложила сосредоточить силы в котловине от Виллаха—Клагенфурта до Лайбаха с целью внезапно атаковать противника, при его вступлении в этот район, по узким горным дорогам.

Предпосылкой для этого должно было служить, что итальянцы пойдут в расставленную им ловушку. Но если бы они этого не сделали, а просто обошли бы западню, то попавшими в ловушку оказывались срединные державы и притом

без учета времени и обстановки, т. к. они были не в состоянии осудить на бесконечное ожидание уже сосредоточенные силы.

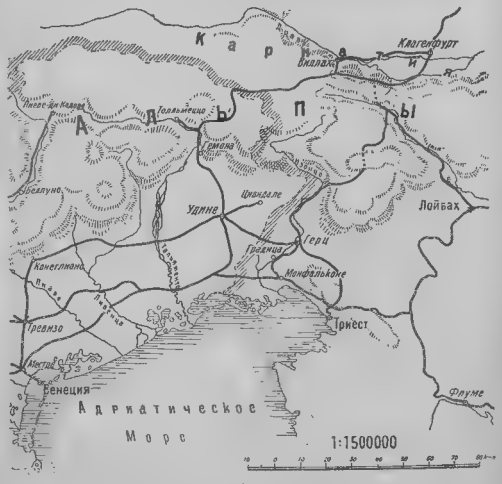
Эти соображения побудили начальника генерального штаба не примкнуть к предложению союзников. Против него

Схе-

же говорила и необходимость отказаться от продолжения операции против русских, если бы предложение было при-

нято, т. к. в этом случае пришлось бы слишком ослабить нужные там силы.

Если бы силы, назначенные согласно плана австрийцев, еще можно было бы предварительно использовать для быстрого удара против Сербии, чтобы, покрайней мере, от-



ма № 3.

крыть дорогу на восток, прежде чем приступать к новому походу, то план был бы скорее приемлем. Но факти-

чески и эту сторону дела надо было бы серьезно обдумать. Идею пришлось однако оставить уже потому, что в этот момент Болгария решительно отказывалась участвовать в походе. Принимая во внимание затягивающийся ход Галицийской операции, отпадение Италии и осложнения с Америкой из-за подводной войны, едва ли можно было поставить Болгарии в вину ее решение. Между тем без ее участия удар против Сербии мог свестись к отвлечению ценных, может быть, очень нужных в другом месте, сил, но без достаточно быстрого достижения намеченной цели.

В результате, подстерегание противника в горной котловине вернее всего вылилось бы в то, что против России, Сербии и Италии не было бы достигнуто ничего серьезного, и в то же время приходилось бы ожидать, что будет угодно предпринять противнику. Такой ход вещей, конечно, не отвечал тем целям, которые положены были в основу прорыва Горлица—Тарнов.

Поэтому благодаря настойчивому немецкому совету было решено войну против Италии предварительно вести чисто оборонительным способом. Операция против русских, что бы ни делали итальянцы, должна была продолжаться с полным напряжением, пока не обнаружился бы в ближайших перспективах надлом русской наступательной силы. Относительно нового врага, считаясь с теми осложнениями, которые были пережиты в Карпатах и Вогезах, когда приходилось с большими затруднениями отбивать у противника раз попавшую в его руки территорию, решено было держаться мысли не уступать добровольно территории двуединой монархии, но перенести оборону вперед на Изонцо. Для обороны здесь, имея в виду характер местности, считались достаточными уже расположенные недалеко от итальянской границы значительные австро-венгерские силы, а также пять дивизий, перевозимые из Сирмии, и две дивизии, притягиваемые из Галиции. Без этих последних, ввиду восполнения потерь немецких частей, в Галиции можно было обойтись.

С немецкой стороны были назначены в Тироль одна дивизия, специально сформированная для горной войны, так называемый альпийский корпус, и некоторое число тяжелых

батарей на Изонцо. В Сирмию на замену пяти взятых оттуда австрийских дивизий двинулись три немецких, только что сформированных на восточном фронте. Они должны были развернуться по Саве и Дунаю, имея задачей одновременно прикрывать фланг и тыл фронта на Изонцо против Сербии, а также служить резервом на всякий случай, причем, главным образом, имелась в виду Румыния. Вместе с этим присутствие дивизий преследовало важную задачу сдержать возбуждение, которое ожидалось среди южных славян в связи с об'явлением войны Италией. Это также было достигнуто в полной мере.

24 мая последовало об'явление войны со стороны Италии, но относительно Австро Венгрии, а не Германии. Как политические, так и военные руководители срединных держав впадали в ошибку, когда они надеялись, одни—путем уступок итальянским требованиям, другие — путем успехов над русскими—предотвратить это событие. Многое говорит за то, что и вообще-то не было никакого средства удержать Италию во время войны от перехода в ряды антанты; этого могла бы достичь разве только какая-то иная политика Австро-Венгрии за много лет перед войною или непрерывный ряд побед срединных держав. Действительно, влиятельные, хотя и достигшие руководительства лишь с началом войны, итальянские общественные круги уже с 1902 года были склонны к отпадению от союза, а со времени неудачи австрийцев против русских и Сербии, твердо на этом остановились. Если же дело затянулось до мая 1915 г., то на это властно повлияла необходимость сделать идею отпадения популярной в массах и армии. Таящееся в итальянских сердцах рыцарское чувство возмущалось против идеи измены. Высокую заслугу оказала при этом немецкая дипломатия под руководством бывшего имперского канцлера ф.-Бюлова. Каждый день, который благодаря усилиям дипломатии удалял момент отпадения Италии, имел, как это уже раз подчеркивалось, исключительную ценность. Никто не станет оспаривать рокового характера той обстановки, которая наступила бы, если бы Италия отпала от нас до галицийского прорыва, или в дни тяжелых карпатских боев, или в момент истоще-

ния немецких резервов после операции в Мазурских озерах, или, наконец, во время тяжелого австро-венгерского поражения в Сербии в декабре 1914 года.

Немедленным ответом со стороны Германии на вызов, брошенный Италией Австро-Венгрии, должно было бы быть об'явление войны. А между тем, начальник генерального штаба считал для себя необходимым отсоветовать подобный шаг. Он крепко держался этого взгляда и вопреки настояниям австро-венгерского командования; впрочем, взгляд этот совпадал с мыслями политического руководства.

Италии уже давно формально было дано знать, что, раз только она в чем-либо направит свои шаги против Австрии, она всюду плечом к плечу с последней найдет ее немецкого союзника; и в этом духе Германия всегда действительно и поступала. Если бы это действительное поведение было еще дополнено торжественным об'явлением войны, то бесспорно упрек в нападении вновь был бы выдвинут против Германии. Так, в начале войны он был создан из-за объявления Германией войны России и Франции,—об'явления само по себе справедливого, хотя и поспешного, и ненужного. Повторение было нежелательно, и в этом случае тем более, что по некоторым, повидимому надежным, сведениям Румыния должна была осуществить свои союзнические обязательства относительно Италии, раз последняя подверглась бы нападению со стороны Германии. Кроме того, имелись политические и хозяйственные основания за то, чтобы возможно дольше избегать естественных результатов об'явления войны. Было бы крайне нецелесообразно добровольно порвать те связи с внешним миром, которые вели через Италию. Было неоспоримо, что этим путем можно было создать видимость недостаточного единодушия в поведении срединных держав. Дурных последствий из этого, насколько известно, не произошло. Обстановка была настолько ясна, что она была понята и двуединой монархией.

Переход Италии в круг наших врагов был принят общественным мнением срединных стран с удивительным равнодушием, с гораздо большим, чем, напр., отпадение Румы-

нии. А между тем, нет сомнения, что последнее было несравненно менее чревато опасностями, чем первое.

Итальянское событие было превосходно подготовлено печатью. Оно собственно никого не поразило. По отношении к Румынии дело велось менее искусно [1]). Об'явление войны Италией совпало с приподнятым настроением как в Германии, так и в Австро-Венгрии, вызванным ходом галицийской операции, а также и блестящими оборонительными боями на западе. Отпадение Румынии пришлось на время пониженного настроения, которое хотя и достаточно могло быть об'яснено затяжкой жарких боев на французском театре и совершенно неожиданным успехом Брусиловского наступления, но не вполне могло быть этим оправдано. Боевая ценность итальянской армии котировалась не высоко. Вообще признавалось, что преемники Радецкого справятся с любым количеством таких врагов. Такое оптимистическое воззрение во многих отношениях оправдалось. И едва ли мы допускаем по отношению итальянцев большую ошибку, если их действия с чисто военной точки зрения определяем, как исключительно ничтожные. И все же поведение Италии для исхода войны явилось фактором большого значения.

Государственный организм двойной монархии оказался не на высоте требований, пред'являемых серьезной войной на два фронта. Отсюда произошли повышенные притязания Австро-Венгрии к Германии, выполнение которых для последней становилось очень трудным, и существенно ослабляло ее общую устойчивость. Но еще серьезнее было то обстоятельство, что австро-венгерскому командованию не удавалось установить должного об'ективного поведения по отношению событий на обоих фронтах. Всюду в двойной монархии ярким пламенем горело давно назревавшее негодование по отношению к изменившему союзнику. Это было выгодно

[1]) Автор так подробно останавливается на вопросе о Румынии, несвоевременном для страниц, повествующих о 1915 г. потому, что он пережил этот вопрос впоследствии очень болезненно. Как известно, отпадение Румынии было поставлено Фалькенгайну в серьезный упрек и послужило одним из поводов к его уходу.

Прим. ред.

в том смысле, что справедливый гнев существенно поднимал силу боевого сопротивления в рядах австро-венгерской армии, расположенных на итальянском фронте, но оно же имело тот крупный недочет, что побуждал австро-венгерское командование нуждам этого фронта до некоторой степени давать предпочтение пред нуждами других. К этому присоединилось убеждение, может быть скорее даже бессознательное, что Германия этим будет вынуждена своими силами сглаживать неудачи скорее на других фронтах, чем на итальянском.

Расчет на силу обороны в горных районах австро-венгерской и итальянской границ оправдался в полной мере. Предвосхищая обстоятельства, можно уже здесь заметить, что атакующий до последних дней зимы 1915—16 г. г., несмотря на превосходство как в численности войск, так и в средствах, оказался не в силах достигнуть каких-либо выгод, достойных внимания. Что происходившие здесь бои все же отзывались тяжело на других театрах, где принимали участие австро-венгерские части, об этом после всего сказанного говорить не стоит. Какое они оказали влияние на временно неблагоприятное положение дел на галицийском и южно-польском фронтах в конце мая 1915 г., пусть вопрос об этом останется открытым.

Решение продолжать Галицийскую операцию за Сан.

На фронте Войрша и 1-й австро-венгерской армии в изгибе Вислы южнее Пилицы русские не продолжали свое отступление за речку, а задержались на левом берегу, оказывая сопротивление. Слабых сил союзников было здесь недостаточно, чтобы сбросить русских с их позиции.

Правее верхней Вислы, в Галиции, благодаря подходу очень крупных русских подкреплений, наступили новые обстоятельства. Эти подкрепления, по большей части, состояли из частей одесской группы, которая первоначально была собрана для действий против Турции. Меньшая часть их была взята с фронта севернее Нарева и из под Варшавы. 4-я австро-венгерская армия достигла нижнего Сана лишь

своим правым флангом, где она была поддержана 11-й армией, но едва-едва выдерживала русские контр-удары. Признаки разложения в некоторых из ее частей были на-лицо.

И своему южному соседу, двигавшейся на Перемышль 3-й австро-венгерской армии, 11-я армия также была вынуждена оказывать помощь. Отсюда было ясно, что продолжать наступление собственными силами 11-я армия была уже не в силах. Направленные против нее удары русских, конечно, всюду терпели неудачу, неся с собою тягчайшие потери для атакующего.

Но несмотря на получаемую поддержку 3-я австро-венгерская армия делала столь же мало удовлетворительные шаги, как и примыкающая к ней 2-я австро-венгерская армия, австро-венгерская армейская группа Шурмая и южная армия.

7-я австро-венгерская армия в Буковине выдерживала тяжкую борьбу, в которой преимущества были в большинстве случаев на стороне русских.

В результате на всем атакуемом фронте операции грозили застопориться. Определенным результатом этого было бы то, что или все сосредоточенные здесь немецкие силы оказались бы крепко прикованными к району, или последовали бы тяжкие контр-удары русских. В первом случае наступил бы надлом в ведении общих операций немцами, а во-втором—с большой вероятностью последовал бы в недалеком будущем разгром Австро-Венгрии.

Единственной реальной мерой против такой опасности главная квартира считала подвод достаточно свежих немецких частей в Галицию. Поэтому она распорядилась направлением этих сил, в самом широком пока еще возможном размере, но предварительно еще раз обдумав, не будет ли выгоднее применить эти подкрепления в каком-либо другом пункте восточного фронта. Однако, эта мысль оказалась невыполнимой. Нигде нельзя было расчитывать на более быстрый и крупный успех, как именно при решительном продолжении наступления на существующем фронте атаки. Более быстрый потому, что на всяком другом месте приготовления потребовали бы слишком большого времени, и бо-

лее крупный потому, что при продолжении союзниками наступления в Галиции наступивший здесь стратегический охват русской группы обещал такие перспективы, как нигде в другом месте.

В особенности нельзя было на это расчитывать на северном немецком крыле. На запросы по этому поводу главнокомандующий восточным фронтом неоднократно сообщал, что в его районе даже подвоз двух корпусов с запада мог доставить разве только более значительные тактические выгоды. Такого числа подкреплений западный фронт дать не мог; да и кроме того, тактические результаты для немецкого командования никогда не были самоцелью. Только такие успехи имели для нас смысл, которые подводили нас ближе к конечной цели обеспечению хорошего мира.

Ко всему этому решающим фактором было то обстоятельство, что удачи в Галиции казались скорее всего достижимыми. Противник мало по малу сосредоточил здесь очень крупные массы. Но эти силы подвозились не компактно, а по частям, разрозненно, почему превосходство в силах оказывалось немного большим, чем на других фронтах, о которых приходилось подумать. Боеспособность русских частей в Галиции по сравнению с другими явно понизилась. Кроме того, подвижность частей, как благодаря оперативной обстановке, в которой они очутились, так и благодаря сильному расстройству тыла, была до крайности ограничена. Основательно укрепленными позициями русские не располагали, исключая разве воздвигнутых в районе Перемышля.

Если, наконец, принять во внимание, что при дальнейшем продолжении наступления в Галиции следовало в ближайшем будущем ожидать отнятия Львова, а этот факт при общей обстановке на востоке должен был произвести на русских удручающее впечатление, то этим подводился окончательный итог в пользу намеченного решения.

Итак, решено было продолжать наступление в Галиции. Для него был вновь притянут последний батальон, без которого еще можно было обойтись на немецком фронте. Расчитывать на Австро-Венгрию, к сожалению, было уже невозможно.

С западного фронта были взяты 2½ дивизии. Этим самым здешние резервы свелись к едва-едва терпимому минимуму. Но имелась уверенность, что на некоторое время с этим не будет связана какая-либо опасность, после того, как отвлекающие удары до сих пор так блестяще отбивались удивительным мужеством наших войск. На долю собственно восточного фронта выпало отдать две дивизии, из которых одна была взята из 9-й армии, стоявшей перед Варшавой, а другая из новых формирований. Это не вызывало особых затруднений. Русские в этом районе, хотя они и послали из него подкрепления в Галицию, оставались еще в преобладающих силах, но им пришлось отдать туда же такое количество снаряжения и материальной части, что ожидать с их стороны на севере какого-либо успешного наступления уже не представлялось вероятным.

Наконец, была подготовлена перевозка двух немецких дивизий из Сирмии, где они закончили свое развертывание. Угрожавшая опасность волнений в Сербии, Румынии или у южных славян считалась устраненной после того, как России был нанесен удар, и пока Италия не достигала еще грозных успехов, что в ближайшее время было мало вероятным. Оставление последней немецкой дивизии на Саве и Дунае последовало по тем соображениям, чтобы располагать в этом районе на всякий случай совершенно надежной боевой силой. Она также была необходима, чтобы при начавшихся с некоторого времени разведывательных и подготовительных работах по переходу через реку оказать нужную помощь.

Результат, ожидавшийся от привлечения свежих сил, был достигнут, хотя по вине одной части Карпатского крыла охватное воздействие осуществлено не было. После того, как русские покинули Перемышль по взятии штурмом немецких частей некоторых из его фортов, они со введением в дело наших подкреплений быстро и с тяжелыми потерями отбрасывались с одной позиции на другую. Южная часть общего русского фронта, находившаяся в восточной Галиции, совершенно оторвались от северной. На Волыни временно образовалось широкое пустое пространство. Прорыв был завершен. 22-го июня пал Львов.

VI. ОПЕРАЦИИ ПРОТИВ РОССИИ ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1915 г. ПРИОСТАНОВКА БЕСПОЩАДНОЙ ПОДВОДНОЙ ВОЙНЫ.

Перемена направления наступления в Галиции с восточного на северное.

(См. карту 5).

События, завершившиеся обратным взятием Львова 22-го июня 1915 г., имели большой смысл для срединных держав. Полное устранение опасности для Венгрии, полученная для Австрии возможность сосредоточить на итальянском фронте достаточные силы, освобождение Турции от опасности быть атакованной на Босфоре русской одесской армией, успокоение Румынии, возобновление связей с Болгарией,—таковы были ближайшие и в высокой степени важные последствия. Но достигнуто было еще не все.

Противник мог из своего практически неисчерпаемого людского запаса вновь пополнить потери, которые по строгому подсчету далеко превышали полмиллиона. Достоинство войск этим, конечно, сильно понижалось. Людьми совершенно не обученными или обученными наполовину, офицерами, которым не хватало предварительных данных для последующего выполнения своих задач, нельзя было рационально восполнить потерянное. Если пополнение у русских боевым материалом и имело шансы на улучшение, то все же еще многого не доставало, чтобы признать его удовлетворительным.

Последующие события показали правильность вывода о том, что на ближайшее время русские не представляют угрозы для немецких войск.

К сожалению, этого никак нельзя было утверждать относительно австро-венгерских частей не немецкого или не венгерского происхождения. В такой же мере, как и у русских, хотя и по другим причинам, понизилась и их боеспособность. В состоянии ли были некоторые части отбить натиск противника без немецкой помощи, вопрос этот тем более вызывал сомнения, что они нигде не располагали укрепленными позициями. Это обстоятельство было тем серьезнее, что русские, которые в точности знали нашу слабость, на всем фронте от румынской границы до Пилицы всюду остались в соприкосновении с союзниками и выслали на этот фронт значительные подкрепления, состоявшие из еще прочных единиц,—частью, как уже было сказано, из Одессы, частью с варшавского и наревского участков. Главная масса русских войск находилась между Вислой и Бугом перед 4-й австро-венгерской армией, о состоянии которой говорилось в предшествующей главе, и перед частями 11-й немецкой армии, отклонившимися к северу.

При таком положении дел было ясно, что о прекращении операций на востоке не могло быть пока и речи.

С другой стороны имелись серьезные основания не вести этих операций в таком духе, чтобы они могли затянуться до бесконечности, не говоря уже о том, что такого рода ведение дел стояло в резком противоречии со взглядами верховного командования на ведение войны, вообще.

Благодаря упорству турок противники до сих пор не достигли на Дарданеллах какого-либо значительного успеха. При этом появление на Средиземном море немецких подводных лодок оказало свое благодетельное влияние. Все же англичане сумели создать на Галлиполи плацдарм, из которого дальнейшее движение делалось относительно легким. Что они обдумывали дальнейшие продвижения, считалось очевидным. Имелись сведения о значительных подкреплениях, направленных в Средиземное море. К тому же мате-

риальные рессурсы турок значительно ухудшились, несмотря на все попытки их улучшить. И теперь это был не только вопрос военной необходимости, это был вопрос чести, чтобы возможно скорее открыть связь с востоком и тем быть в состоянии подать, наконец, руку помощи храброму союзнику.

Возможность этого намечалась в виду возобновления связи с Болгарией. Насколько не надежен был быстрый и основательный успех при одностороннем фронтальном наступлении срединных держав на Сербию, настолько действителен он был при одновременном фланкирующем содействии Болгарии. Правда, в то время еще нельзя было с некоторой определенностью предвидеть, дойдет ли дело до совместных операций и когда оно дойдет. Но тем более при колеблющемся настроении руководящих людей Софии желательно было избежать долговременной задержки в каком либо другом месте тех сил, которые могли пригодиться для совместного действия с Болгарией, в момент использования благоприятного поворота в настроении дирижеров Софии. Во всяком случае предполагалось, что, самое позднее, придется быть готовыми к сентябрю. Было очевидно, что Болгария, живущая по преимуществу земледелием, не пойдет на военные предприятия раньше окончания жатвы, которая приходилась на упомянутый месяц. Но рядом с этим было необходимо не особенно затягивать начало операций, т.-к. иначе наступающая, обычно, в ноябре дурная погода в Сербии—бури на Дунае, дожди, делающие немногие и притом не шоссированные пути непроходимыми,—грозила серьезным влиянием на военные действия.

При этом анализе было взвешено, не будет ли целесообразнее дорогу на восток искать не через Сербию, а через Румынию. Но мысль эту пришлось оставить. Выгоды последней были на-лицо: освобождение Австро-Венгрии от беспокойств из-за Румынии, приобретение богатой зерном страны. Но невыгод было больше. По мнению политического руководства не было надежды каким-либо путем привлечь Румынию на сторону срединных держав. Поэтому пришлось бы ее, как и Сербию, брать силой оружия. Уже этот факт за-

ставлял смотреть на предприятие, как на нежелательное. Для Германии не было смысла без особой к тому нужды создавать себе еще нового открытого врага, и тем менее, что отношение Румынии к срединным державам после прорыва Тарнов—Горлица существенно изменилась к лучшему.

Обстановка на западном фронте также давала о себе знать при принятии решения. После того как отвлекающие атаки первой половины июня затихли, до крупных столкновений дело уже более не доходило. Но недостаток в резервах делал напряжение здесь столь сильным, что обратное возвращение из Галиции и в первую голову на западный фронт четырех дивизий признавалось необходимым.

Взятие частей из других пунктов восточного фронта было бы нецелесообразным, частью оттого, что нельзя было обойтись без них в занимаемых ими районах, частью потому, что войска, до того дравшиеся только на востоке, как показал опыт, лишь после продолжительного времени осваивались с значительно более тяжелыми условиями борьбы на западе. Скорое облегчение казалось здесь, однако, необходимым.

Уже теперь можно было предвидеть, что, самое позднее, в первой половине сентября должны будут иметь место дальнейшие и очень напряженные передвижения частей с востока на запад. Сведения об огромных приготовлениях французов для какого-то нового и, на этот раз, решительного наступления звучали определенно. Наступление ожидалось в Шампаньи. Хотя приготовления, судя по донесениям, находились только в первичной стадии, все же можно было с уверенностью заключить, что наступление начнется не позднее сентября. Только в этом случае противник мог расчитывать еще до начала неблагоприятного времени года довести операцию до какого-либо определенного результата.

Все эти соображения побудили верховное командование продолжать операцию на восточном фронте с ограниченной целью.

Но для этого являлась необходимой решительная перемена направления. До сих пор главный нажим атаки направлялся с запада на восток. Оставаясь на этом направле-

нии, вполне было возможно отобрать у противника дальнейшую территорию. Но нанести ему действительный вред на широких равнинах Волыни и Подолии за время, имевшееся в нашем распоряжении, едва ли было достижимо. Здесь, т.-е. на фронте от Хотина на Днестре через Галич до Сокаля на Буге, он оставил лишь относительно слабые, незначительно превосходящие союзников силы, и для них, кроме того, имелись на-лицо безграничные возможности уклониться. Но его главные группировки располагались в пространстве между Бугом и Вислой позади низменностей Золокии и Танева. Отсюда враг самым действительным образом фланкировал наше продвижение на восток. Таковое имело бы все невыгоды эксцентрической операции. Поэтому было решено главный нажим наступления повести теперь в северном направлении в пространство между Бугом и Вислой. Какие сопрягались с этим надежды, подскажет взгляд на прилагаемую карту.

4-я австро-венгерская и 11-я армии получили директиву к середине июля подготовиться для движения в северном направлении. 11-я армия к этому времени должна была усилиться немецкой дивизией, еще остававшейся в Сирмии, тремя дивизиями немецкого бескидского корпуса, которые до сих пор дрались на левом фланге 2-й австро-венгерской армии, и одной немецкой кавалерийской дивизией из Бельгии. Кроме того, немного дней спустя, из четырех дивизий, снятых с фронта для отправления во Францию, две были отданы 11-й армии. Наступившее здесь временное затишье делало это возможным. Так как 11-я ярмия благодаря такому усилению сделалась слишком большой, чтобы подчиняться одному лицу, то из нее на ее правом крыле была выделена Бугская армия под начальством генерала-от-инфантерии ф.-Линзингена. Вместо него командование над южной армией принял генерал-от-кавалерии граф ф.-Ботмер при начальнике штаба подполковнике Геммер.

Для обеспечения правого фланга этой сильной ударной группы против крупных русских сил, сосредоточенных в районе Владимира-Волынска, было решено три дивизии 1-й австро-венгерской армии из района севернее Верхней

Вислы перевести на правый фланг Бугской армии в район Сокаля, откуда они должны были наступать на Владимир-Волынск. Что они продвинутся далеко в этом направлении, это, конечно, с немецкой стороны не предполагалось. Так как для указанной задачи армии могли временно быть приданы только две немецких дивизии с правого крыла Бугской армии, то наступающим частям не хватало достаточной ударной силы для крупного успеха, который, впрочем, и не входил в их задачу. Сверх того по всему тому, что было известно о свойствах местности по ту сторону Буга, приходилось опасаться, что уже это обстоятельство поставит операции в дальнейшем ее ходе непреодолимые препоны.

Эти данные послужили между прочим и причиной выбора того направления, по которому решено было повести главный удар. Существовавшие карты и описания Пинских болот, а также южных притоков Припяти говорили о непригодности района для передвижения крупных частей. И действительно, опасение подтвердилось, поскольку это касалось операций 1 австро-венгерской армии. Позднее мы, правда, узнали, что карты и описания, так же как и сведения, собранные в последнее время, частью устарели, частью преувеличивали затруднения. Крупные работы, произведенные в последние годы перед войною по осушению болот, понизили уровень воды в такой мере, что проходимость местности в столь сухое лето, каковое было в 1915 году, нарушалась только реками. Очень возможно, что местность допускала бы передвижение и более крупных войсковых частей, если бы только удалось преодолеть трудности организации подвоза. Таковые, при полном отсутствии железных дорог и шоссе, естественно оставались в полной своей силе.

В то время, как ударная группа готовилась для движения вперед, было важно помешать сосредоточению против нее неприятельских подкреплений с других участков вражеского фронта.

На юге это было относительно легко. Можно было надеяться, что выполнение отданных 2-й австро-венгерской и южной армиям приказаний окажется достаточным, чтобы они продвинулись в пространстве до Днестра, против Золотой

Липы. Соотношение сил на этом фронте было столь благоприятно для союзников, что русские при таком нажиме не могли бы осмелиться снять со здешнего фронта сколько-нибудь значительные части. 7-я австро-венгерская армия предварительно не должна была принимать участия в продвижении ее соседей, т. к. ей надлежало привести свои части в порядок. Она получила директиву быть в готовности у Днестра на фланге противника.

Уже труднее было решить вопрос в изгибе Вислы южнее Пилицы. С предположенным отбытием 1 австро-венгерской армии здесь должно было наступить значительное ослабление сил. Предприимчивый противник мог бы, конечно, попытаться его использовать. Однако не верилось, что русские проявят нужную решимость для того, чтобы под впечатлением развивающегося правее Вислы огромного наступления самим осмелиться на контр-удар по сю сторону реки, да к тому же зрелый учет пространства и времени и не сулил особых выгод подобному предприятию. Оно могло оказаться неудобным, но не опасным.

Все же считалось целесообразным по возможности замаскировать уход 1 австро-венгерской армии. Поэтому она получила предложение незадолго перед отбытием быстрым ударом прорвать русскую позицию южнее р. Каменной в направлении на Тарлов. А затем, арм. группа Войрша должна была занять обнаженный участок фронта и попытаться, сосредоточив главные силы против какой-либо части русского фронта, а другие занимая лишь жидким сторожевым охранением, нанести противнику вред и помешать ему безнаказанно брать с фронта подкрепления.

Образование Наревской ударной группы, армейская группа Гальвица. Первая половина июля 1915 г.

(См. карту 5).

Еще большие затруднения представляло решение задачи приковать противника чисто немецкой части восточного фронта от Пилицы до берега моря, находящейся под началом главнокомандующего восточным фронтом.

В этой части и в течение июня была проявлена достаточная деятельность. Только 8-я армия — командующий генерал-от-инфантерии Отто ф.-Белов, начальник штаба генерал-майор ф.-Бекман, — фронт которой простирался от реки Шквы до реки Лыка, не могла принять участие из-за неблагоприятной местности. Напротив, 9-я армия — командующий генерал-фельдмаршал Леопольд Баварский, начальник штаба генерал-майор Грюнерт—между Пилицей и Вислой ниже Новогеоргиевска, а также армейская группа Гальвица в пространстве от правого берега Вислы до реки Шквы, старались оживленной деятельностью приковать противника к позициям. Но предприятия больших размеров были выполнены только 10-й армией, расположенной левее 8-й армии до Немана ниже Ковно и Неманской армией. Последняя для ведения главнокомандующим восточным фронтом операции через северную Литву против Курляндии была сформирована и непрерывно усилена частями, взятыми из других армий того же фронта; командующим этой армией был генерал-от-артиллерии ф.-Шольц, начальник штаба полковник граф ф.-Шверин.

10-я армия своими атаками юго-восточнее Ковно не могла преодолеть своевременно подтянутых подкреплений русских.

Не лучше вышло и у Неманской армии севернее Ковно. Ее силы распылились в огромных пространствах, где им пришлось оперировать, хотя после достигнутого в начале июня успеха у Россиен на реке Дубиссе и расчитывали на большее. Главнокомандующий восточным фронтом питал тогда надежду, при условии ввода в дело только еще двух дивизий севернее Немана, на такой успех, который весьма существенно помог бы делу „уничтожения“ русской армии [1]). Но обстановка уже в ближайшие дни круто переменилась. Армия перед прибывшими резервами противника совершенно застопорилась в своем движении. Нужно было довольствоваться хотя бы тем, что прибытие двух дивизий дало воз-

[1]) Начало увлечения Людендорфа тою идеей, которая позднее вылилась в большие формы, доросла до роли первенствующей и стала поперек основных устремлений верх. командования.

Прим. ред.

можность удержать немецкий фронт севернее Немана и у Либавы. Эти дивизии с согласия главной квартиры были взяты из 9-й армии, т. к. с других участков подобных сил в этот момент взять было нельзя.

Заметного влияния на положение дел в Галиции указанные события на немецкой части фронта в июне месяце не имели. Русские сосредоточили с севера в Галицийском театре огромные силы. Можно не задаваться вопросом, насколько провозоспособность их транспорта вообще позволила бы им в рассматриваемом случае направить еще более войск. Во всяком случае, применить на юге большее количество войск они едва ли могли.

Вобщем же на севере противник превосходил немецкие силы, сводившиеся к $39^1/_2$ пехотных дивизий и $8^1/_2$ кавалерийским, все же не менее, чем на одну пятую. Конечно, все победы, до сих пор одержанные над русскими, достигнуты были при не более благоприятном соотношении сил, и все же нельзя было оспаривать, что приведенное соотношение делало помощь северного фронта в пользу намечаемых операций на юге не удобной.

На это особенно настойчиво указывал главнокомандующий восточным фронтом, когда ему было предложено в конце июня оказать поддержку очень решительной атакой сил его фронта, сосредоточенных на каком-либо из его участков,— при этом подразумевались или участок Нарева ниже Оссовца, или участок Пилицы. Он подчеркивал при этом, что независимо от того, будет ли атака произведена 9-й армией, арм. группой Гальвица, 8-й или 10-й армиями, что для него безразлично, он для выбранного участка, кроме войск на нем, не может выделить более, чем две дивизии. А с этим многого нельзя было достичь: всюду атака скоро бы застопорилась. Только на северном крыле, в районе Неманской армии была еще на-лицо оперативная свобода, только там введение новых сил, возможно что с одновременной атакой на Ковно, могло бы привести к полному тактическому успеху. „Хотя и далекое от решительного удара, такое введение сил севернее Немана окажет на него бо́льшее влияние, чем непосредственное усиление войск. Поэтому подкрепление и

затем атака Неманской армии с одновременным ударом на Ковно остаются наиболее действительным содействием восточного фронта общему ходу операций".

Начальнику генерального штаба эти соображения показались неубедительными. Против того, чтобы с придачей только двух дивизий на обширных пространствах к северу от Немана вообще мог быть достигнут результат, пригодный для главной операции, говорили уже пережитые Неманской армией опыты за немного недель до этого. Очевидно, главнокомандующий восточным фронтом при этом имел в виду подвоз дальнейших сил с других театров. К сожалению в данное время это было невозможно. На западе в этот момент ни одного человека нельзя было отнять у слабых резервов [1]). Всякое же ослабление наступательных групп в Польше и Галиции, при значительности сил находившегося пред ними противника и при известном состоянии некоторой части австро-венгерских войск, подвергало эти группы риску серьезных контр-ударов, чего, считаясь с настроением в Румынии, Болгарии и не менее в Австро-Венгрии, надо было избегать. Независимо от этого, перевозка сил отсюда в Литву потребовала бы столь много времени и с таким трудом могла быть скрыта от русских, что последние, конечно, своевременно приняли бы нужные контр-меры. В результате, вероятно, получилось бы то, что на Галицийском фронте, где нужна была безусловная обеспеченность, создалось бы неустойчивое положение, а в Литве, может быть, был бы достигнут тактический успех местного значения. Большего нельзя было ожидать.

Русские давно постигли опасность оперативного охвата, как уже об этом было сказано в предшествующей главе, и научились принимать свои контр-меры. Применение таковых облегчалось преобладанием в силах, оперативно развитой сетью железных дорог и той беспощадностью (Rücksichtslosigkeit), с которой русские могли отдавать и фактически отдавали свою территорию, раз это признавалось целесообразным.

---

[1]) См. приложение: Соотношение сил на западном театре войны под 3.

Верховное командование совсем не устраивал местный тактический успех, в особенности, если он, как и было в данном случае, вызывал риск распыления в эксцентрическом направлении и мог привести только к дальнейшему растягиванию сил. Поэтому для верховного командования дело сводилось только к такому успеху, который прежде всего оказал бы свое воздействие на главную операцию.

Поэтому, когда главнокомандующий восточным фронтом при личных переговорах по этому вопросу 2 июля должен был признать, что вопрос о том, атаковать ли на Наревском участке или севернее Немана, был скорее делом чувства (Gefühlssache), предложение его было отклонено.

Он получил директиву приказать армейской группе Гальвица (начальник штаба полковник Марквард) 12 июля прорвать русские позиции на Нижнем Нареве по обе стороны Прасныша и для облегчения группы Макензена произвести наступление на Буг. Что при этом надлежало стремиться отрезать войска, находившиеся у Вислы и перед Макензеном, было очевидно. С участка 9-й армии надлежало взять все те силы, какие только было возможно взять, т. к. начальник генерального штаба считал необходимым оставить на этом участке, как это уже было сделано на участке к югу от Пилицы, только видимость войск. Согласно нового заключения главнокамандующего, при таком условии могли освободиться три дивизии 9-й армии. Чтобы облегчить решение задачи, в эту армию были назначены верховным командованием три пригодных для боя ландштурменных батальона, между тем как армейской группе Войрша удалось предложенную ему такую же задачу решить без помощи подкреплений. Правое крыло 8-й армии должно было примкнуть к операции, производя атаку между Шквой и Писсой в направлении на Ломжу, причем надлежало применить всю имеющуюся в распоряжении тяжелую артиллерию.

При этом не упущено было обратить внимание главнокомандующего на необходимость, чтобы все собранные силы, какими только можно было располагать, предварительно приняли участие в операции Гальвица. И пока последняя не была бы проведена, все остальные предприятия, исключая задач по не-

посредственному обеспечению, должны были быть приостановлены, в том числе и операция на севере. С другой стороны было бы уместно наметить те меры, которые предусматривали бы быструю переброску войск из Наревской группы на север для последующего удара против русских сообщений. И в этом случае вероятно, было бы целесообразнее нанести удар через средний Неман в юго-восточном направлении, чем в далеких районах севернее этой реки.

Уже в ближайшие дни обнаружилось, в какой степени для Галицийского фронта было необходимо предложенное непосредственное воздействие Наревского фронта. Во время нового развертывания между Бугом и Вислой 4-й австро-венгерской, 11-й и Бугской армий, 4-я австро-венгерская армия, едва только она заняла свое место, подверглась сильной контратаке русских южнее Красника и притом с крупным результатом. Понадобилась поддержка 11-й армии, хотя последняя сама имела пред собой значительно превосходившего ее противника. Лишь с некоторым трудом удалось преодолеть наступивший кризис.

Тем приятнее было узнать, что начатая 13 июля атака армейской группы Гальвица удалась. Главнокомандующий восточным фронтом нашел возможным усилить Гальвица даже четырьмя дивизиями 9-й армии. Русские позиции были прорваны по обе стороны Прасныша. Уже 18 июля передовые немецкие части на всем участке между Вислой и Писсой подошли к долине Нарева.

Ближайшие оперативные влияния этого удара сказались у Вислы понижением настроения русских. Они отступили пред 9-й армией до внешних позиций Варшавы, почему главнокомандующий восточным фронтом решил направить к группе Гальвица еще две дивизии из этой армии. Группе Войрша удалась попытка прорыва у Сенно. Группа по пятам преследовала отступающего врага и 21 июля отбросила его в крепость Ивангород, который и обложила на левом берегу реки.

Не столь действительным сначала было воздействие Прасныш ской победы на главную операцию.

Лишь медленно и с трудом пробивались на север армии, находившиеся между Вислой и Бугом. Продвижению мешали

как затруднения на местности и в организации подвоза, так и упорное сопротивление русских. 21 июля Бугская армия едва достигла линии Устилуг — Войславице, примыкавшая к ней 11-я армия достигла района южнее Пяски. 4-я австро-венгерская армия оставалась позади на хороший дневной переход.

От выполнения 1-й австро-венгерской армией операции против Владимира-Волынского пришлось отказаться, как только выяснилось, что армия не смогла бы пробиться. Она поэтому получила директиву оборонительно обеспечивать на Буге правый фланг главной группы. К тому же неприятель также большую часть сил, собранных в районе Владимира-Волынского, снова перевел на левый берег Буга. Этим он восполнил, как позже выяснилось, части, взятые обратно к Нареву после Праснышского прорыва. Кроме того, к удивлению, и он не решался ввести в Полесье (Pripjetgebiet) значительные силы.

На других участках восточного фронта в обстановке не произошло крупных перемен. В Восточной Галиции 2-я австро-венгерская и южная армии продвинулись до Золотой Липы. Но пока дальше они не пошли. Предпринятый для их поддержки удар 7-й австро-венгерской армии через Днестр в районе восточнее Стрыпы не имел никакого успеха.

Благоприятнее слагались обстоятельства на северном крыле в Литве.

10-я армия снова произвела наступление юго-восточнее Ковно. Она имела в виду отбросить русских за Езжу, но на этом, однако, ее наступательная сила оказалась в данный момент исчерпанной.

Севернее Немана левое крыло Неманской армии достигло района болот южнее Митавы. После оживленных столкновений русские уклонились за болото. Если в этом районе свойства местности временно не давали права ожидать дальнейших успехов, то другое наступление, которое армия повела восточнее Шавлей в районе Шадова, повидимому, развивалось удачно.

Но не смотря на эти утешительные перспективы, начальник генерального штаба оставался при своем взгляде, что все,

какие еще были возможны, усилия, как раньше, так и впредь, должны быть направлены к тому, чтобы поддержать главную операцию восточнее средней Вислы, т.-е. оказать непосредственное облегчение Макензенскому фронту в его тяжкой борьбе. Данные для этого были, конечно, очень ограниченны. Они сводились к удару через Вислу между Варшавой и Ивангородом арм. группы Войрша и к подвозу с запада еще двух дивизий.

Переход через Вислу должен был дать выход для 4-й австро-венгерской армии, висевшей тяжелой гирей на фронте Макензена, так как он выводил посредственно в тыл угрожавших ей русских сил.

Временное привлечение обеих дивизий с французского театра оказалось возможным, т. к. по последним очень надежным сведениям ожидавшееся здесь большое наступление не должно было начаться ранее второй половины сентября. Поэтому было признано разумным послать в район решительных операций последний из батальонов, каким еще можно было располагать. Относительно пункта применения этих сил у начальника генерального штаба не было сомнений. По его мнению, оценивая общую обстановку, таким участком надо было наметить Наревский.

Между тем, против обоих мероприятий, облегчающих главную операцию, раздались голоса.

Против перехода Вислы арм. группой Войрша *ниже* Ивангорода возражало австро-венгерское главное командование, которому эта группа, как оперирующая на австро-венгерском фронте, формально была подчинена. Командование находило положение 4-й австро-венгерской армии столь тяжким, что считало необходимым оказать ей непосредственную помощь переходом Вислы *выше* Ивангорода, несмотря на говорящие против этого очевидные затруднения. И только когда фронт Макензена формально обещал позаботиться, чтобы с 4-й австро-венгерской армией не случилось ничего серьезного, пока не начнется воздействие операции *ниже* Ивангорода, австро-венгерское командование уступило.

Главнокомандующий восточным фронтом стал на иную точку зрения в вопросе о применении двух подвозимых

с запада дивизий, причем он предлагал применить их не на Нареве, но возможно восточнее, а лучше всего в Неманской армии в Литве. За это он решил теперь от 9-й армии в пользу Наревской группы взять еще две дивизии [1]). Он полагал, что они достаточно усилят группу, чтобы дать последней нужную ударную силу для оказания далекой помощи фронту Макензена. От применения же западных дивизий севернее Немана главнокомандующий ожидал самых обширных выгод.

В своем мнении он был подкреплен тем фактом, что в ближайшие дни — 23 июля — очень искусно руководимая Неманская армия вновь нанесла русским сильный удар у Шадова, который быстро отбросил их в направлении Якобштадт—Фридрихштадт, и тем, что 24 июля Наревской группе удалось с более значительными силами перейти реку в районе Пултуска и Рожан. На оснований этого главнокомандующий восточным фронтом расширил свое предложение в том смысле, чтобы 10 й армии и Неманской, кроме западных дивизий, были еще приданы части фронта Макензена, армейской группы Войрша и 9-й армии; последней после того, как она провела бы свое наступление на Варшаву.

Так как он находил наступательную силу Макензейского фронта исчерпанной и считал себя вправе думать, что переход Вислы арм. группой Войрша при тогдашнем высоком уровне воды в реке являлся невыполнимым, пока противник занимал тот берег, то он, конечно, был прав сделать и то заключение, что и группе Гальвица также, самое большое, может удасться разве только оттеснение русских до линии Брест-Литовск—Белосток. А далее на север они могли бы, как он полагал, взятием Ковно и атакой 10 й и Неманской армиями против тыла русских поразить их наиболее ощутительно [2]).

---

[1]) См. стр. 111.

[2]) Поскольку Людендорф и его окружающие были уверены в правильности своей идеи, видно из следующих слов Бауера: „Во всяком случае было ошибочно (falsch), что наступление... не было связано с большим охватом со стороны главнокомандующего восточным фронтом, отчего было бы возможно уничтожение русской армии". Стр. 105 цит. выше труда или 81—82. Der grosse Krieg. *Прим. ред.*

Но опять-таки, начальник генерального штаба не мог пойти на это соблазнительное предложение. Доводы, на которых базировалось предложение, тем временем оказались совершенно не верными.

29 мая арм. группа Войрша, прогнав противника, стоявшего на правом берегу против устья Радомки, стала здесь столь прочной ногой, что можно было приступить к постройке моста. В тот же день фронт Макензена блестящей атакой прорвал русские позиции, в результате чего 30 июля противник стал отходить на всем фронте между Бугом и Наревом. Преследуя его, фронт в тот же день уже перешел параллель Люблина. Отсюда можно было с определенностью предвидеть, что противник пришел к заключению о невозможности далее оставаться в угрожаемом положении между фронтом Макензена и Наревской ударной группой. Раз это было так, то отсюда вытекало, что на своем северном крыле он постарается обеспечить себя против всяких возможных неожиданностей. К этому он придет с тем большей легкостью, если с немецкой стороны подобные неожиданности будут созданы перевозкой войск с фронта Макензена или из группы Войрша на северное крыло. Выгода гораздо более коротких и лучших путей сообщения была совершенно на стороне русских. Несомненно эти силы, а с ними, вероятно, и оставшиеся у Макензена и Войрша, застряли бы на востоке до самой зимы. Связанную с этим опасность верховное командование не хотело и не смело взять на себя. Грозные тучи, нависшие над западным театром и неотвратимая необходимость своевременно повести наступательную операцию на Балканах, безусловно не допускали подобного риска. Поэтому оставалось только одно: все направить на проведение операции в намеченном смысле, т.-е. сдавленные восточнее Вислы русские массы разгромить, насколько это возможно. Для этого было необходимо всеми средствами толкать вперед Наревскую группу на правом берегу Буга. В соответствии с этим и было отвечено на предложение главнокомандующего восточным фронтом.

В духе того же решения вскоре после этого он был запрошен, не было ли теперь целесообразно еще две дивизии

9-й армии для усиления нажима бросить на левое крыло ударной Наревской группы. Казалось, они не нужны были 9-й армии, т. к. о прорыве русских от Варшавы на запад теперь не могло быть речи, да и падения Варшавы, верки которой были уже несколько дней пред этим взорваны русскими, приходилось ждать не от мероприятий 9-й армии, но единственно, и притом наверно, от успеха операций на правом берегу Вислы. Однако главнокомандующий понимал обстановку иначе. Он считал ослабление 9-й армии, т. к. она на всем фронте находилась в теснейшем соприкосновении с русскими — это были арьергардные части варшавского гарнизона,—временно недопустимым. А если бы и оказалось возможным взять эти дивизии, он предпочел бы передать их 10-й армии для операции против Ковно, атаку которой эта армия имела в виду начать. Во внимание к этому суждению верховное командование отказалось от выполнения своей мысли. Оно считало неудобным в этом случае при существующей обстановке вторгаться в распоряжения частного начальника, хотя его соображения командованию и не казались вполне обоснованными. К тому же события на Висле развивались так быстро, что в действительности еще возникало сомнение, насколько имеет смысл направлять дивизии в Наревскую группу. Можно было только сожалеть, что это не было сделано уже раньше.

4 августа противник очистил Варшаву и Ивангород. Одновременно он начал отходить в пространстве между Бугом и Наревом, оказывая частые временные сопротивления, и направлять перевозки через Брест. Наревская группа не могла в этом ему помешать. Имея недостаток в силах, она не могла дать на своем левом крыле действительного нажима и теперь все более и более перекладывалась в своем наступлении на чисто восточное направление.

13 августа Наревская группа вместе с образованной из группы Гальвица 12-й армией продвинулись через линию Цехановец — Шокей. Сражавшиеся рядом с ней части 8-й армии достигли, через Рутки, участка р. Слины; остальные части 8-й армии были по ту сторону Бобра перед Оссовцем и по обе стороны р. Виссы. Правее 12-й армии

фронт принца Леопольда, получившийся от слияния остатков 9-й армии с арм. группой Войрша, достиг своим северным крылом Седлеца, а южным—Лукова. Как только по переходе Вислы выяснилось, что против этого фронта находятся сравнительно слабые, хотя, конечно, все еще превосходящие силы, верховное командование дало директиву наступать во что бы то ни стало вперед. На эту директиву фронт ответил прекрасными делами. Что ему однако не удалось, как имелось в виду, проникнуть между неприятельскими фронтами, боровшимися против Наревской группы и Макензена, нужно приписать быстрому отходу русских, как только они почувствовали нависавшую угрозу [1]).

13 августа фронт Макензена находился на линии Влодава—Луков. 1-я австро-венгерская армия обеспечивала правый фланг в районе Дубенко на Буге. Перед фронтом Макензена, как и пред Наревской группой, находились значительно превосходящие их русские силы, упорно защищавшие каждую пядь земли. В Восточной Галиции положение в общем не изменилось.

Начатая 24 мая тремя дивизиями Наревской группы, усиленными после падения Варшавы еще одной дивизией 9-й армии, под начальством генерала ф.-Безелера, осада Новогеоргиевска развивалась очень успешно. Генералу дана была верховным командованием директива действовать форсированно, опираясь преимущественно на самую тяжелую артиллерию.

Хорошие перспективы открывала также и осада Ковно 10-й армией. Последняя оттеснила противника выше крепости до Немана и за железно-дорожную линию в Сувалки—Олита. Передовые позиции Ковно были взяты. В ближайшие дни должен был начаться штурм верков.

Но севернее Немана операции застопорились. После победы Наревской армии у Шадова 23 июля была еще занята

---

[1]) В данном случе автор оказался недостаточно последовательным учеником Шлиффена, а как таковому, ему надлежало не насильно *выдавливать* врага из намечавшихся клещей, а как либо удержать его в них. Леопольд должен был скорее получить директиву „не беспокоить русских". *Прим. ред.*

покинутая врагом Митава и части продвинулись до линии Поневеж—Посволь. Но здесь они наткнулись на контр-удар, который оказалось возможным отразить лишь после тяжелых боев.

После короткого преследования наступавшего врага армии пришлось остановиться на линии Оникшты — Попель перед превосходными силами противника. Она должна была быть довольна и тем, что смогла удержать за собой захваченную территорию и уберечься от прорыва противника на своем северном крыле.

Еще 9-го августа имелась, казалось, прочная надежда, что удастся помешать прорваться к востоку большим русским силам, стесненным в пространстве Нарев — Висла — Вепрж—Влодава, и уничтожить их. Поэтому еще в тот же день австро-венгерское главное командование возбудило вопрос об усилении правого крыла Макензена у Буга и восточнее его, чтобы обеспечить достижение этой цели. Но скоро однако выяснилось, что от этого придется отказаться. Вызванные этим передвижения дали бы русским, продолжавшим свой отход, слишком много времени. Как показывала сложившаяся к 13 августу обстановка, от указанной выше надежды приходилось окончательно отказаться. Противнику, очевидно, удалось своевременно извлечь свои главные силы из опасного для него района. В этом ему помогла сохранившаяся у него оперативная свобода в пространстве к северо-западу и северу от Брест-Литовска. Чувствительный удар можно было бы нанести ему теперь лишь тем, что группа Макензена сильными ударами оттесняла бы его к северу по обе стороны Брест-Литовска, в то время как 12-я армия, направляясь чрез Бельск, старалась бы ударить во фланг и тыл оттесненных частей. Время для передвижения крупных частей или подготовки к далеким охватывающим движениям уже было упущено. В этом духе и даны были союзными высшими командованиями соответственные указания.

Этим в известном смысле было признано, что только что выполненные операции не достигли вполне своей цели.

На основании этого факта между главнокомандующим восточным фронтом и начальником генерального штаба возник обмен мнений, который здесь приводится, с целью нагляднее представить расхождение во взглядах. 13 августа главнокомандующий восточным фронтом писал в верховное командование:

„Операция на востоке, несмотря на прекрасное проведение Наревского удара, не привела к уничтожению противника. Русские, как и нужно было ожидать, вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении. Они могут при помощи своих хороших путей сообщения группироваться теперь, где им заблагорассудится, и направить значительные силы против моего левого крыла, угрожающего их сообщениям. Последнее, я считаю, в опасном положении. С другой стороны решительный удар возможен сейчас еще только со стороны Ковно, хотя для него, к сожалению, потеряно очень много времени. Поэтому еще раз, я настоятельно ходатайствую об усилении моего левого крыла, чтобы, по обстоятельствам, или действовать наступательно или, по крайней мере, удержать за собой до сих пор занятую территорию. Я подчеркиваю еще раз, что в наступлении моего левого крыла против тыла и сообщений противника я вижу единственную возможность его уничтожения. Такое наступление, вероятно, еще и теперь является единственным средством избежать нового похода, если только это уже не поздно".

На это начальник ген. штаба отвечал:

„Уничтожение врага никогда не ожидалось от текущих операций на востоке, а только решительная победа, отвечающая целям верховного командования [1]). Уничтожение в целом и не должно в данном случае делаться предметом достижений, т. к. нельзя задаваться целью уничтожить врага, значительно превосходящего в силах и стоящего

[1]) В этой постановке вопроса выявляется вся разница пониманий Фалькенгайна и Гинденбурга (т.-е. Людендорфа), вообще, и разница типовая, в частности, между первым, как стратегом, главным образом, и вторым, как чистым тактиком... „лобовиком".

Прим. ред.

фронтально против вас, раз он располагает прекрасными сообщениями, достаточным временем и безграничным пространством в то самое время, как вы сами вынуждены оперировать в бедных путями районах, имея в своем распоряжении очень ограниченное время.

Что противник, однако, для наших целей уже решительно разбит, в этом едва ли будет сомневаться тот, кто учтет, что в три месяца одними пленными русские потеряли около трех четвертей миллиона, бесчисленный материал, не говоря о Галиции, королевстве Польском и герцогстве Курляндском, наконец, они потеряли возможность серьезно угрожать Австро-Венгрии при начале ее итальянской кампании и вообще в недалеком будущем, а также лишились возможности в критический момент направить на Балканы свои одесские армии. Затем, имеются некоторые виды на то, что результаты операции еще возрастут, т. к. удалось не менее, как пять основательно разбитых неприятельских армий втиснуть в пространство между Белостоком и Брестом.

Конечно, операция, вероятно, протекла бы еще решительнее, если бы было возможно одновременно с нею нанести удар чрез Неман. Но верховное командование не располагало для этого никакими силами, а ваше превосходительство считали применение немецкой армии в Курляндии более необходимым. Этим высказывается не суждение, а только отмечается факт".

Верховное командование не разделяло взгляда, будто левое крыло главнокомандующего восточным фронтом находится под угрозой, т. к. русские на первое время будут еще прикованы на всем фронте и не в состоянии будут выступить на Нижней Двине со столь большими силами, чтобы имевшихся налицо сил было недостаточно для их отражения. Усиление 10-й или Неманской армий с запада или из фронта Макензена в настоящее время исключалось, а из Наревской ударной группы оно могло оказаться возможным лишь по завершении теперешней операции.

„И все же остается необходимым сначала расценить существующую общую военную обстановку, прежде чем передать силы в 10-ю или Неманскую армию".

В этом обмене бумагами содержалось все, что тогда можно было сказать по поводу событий. Ныне, однако, эта переписка нуждается в дополнении. Едва ли может подлежать сомнению, что в действительности дело и дошло бы до „уничтожения“ русских масс на Висле, вернее до еще более решительного их разгрома, чем тот, которому они подверглись, если бы было решено немецкой Наревской группе придать еще в начале ее операций все те части, которые только можно было назначить.

Здесь речь идет о четырех дивизиях 9-й армии, которые во время операции были все же притянуты или могли быть притянуты и, по крайней мере, о двух дивизиях, которые были переданы Неманской армии. Возможность этого была налицо. Дальнейшее ослабление фронта стоявшей пред Варшавой 9-й армии было также безопасно, как это было на фронте южнее Пилицы. Усиление же Неманской армии вело к таким наступательным задачам, которые выходили за пределы связанных с главной операцией целей. В Северной Литве инициатива безусловно принадлежала не русским. До средины августа мысль об угрозе немецкому северному крылу была далека от них.

Если бы Наревская ударная группа начала свое наступление не с 14 дивизиями, а с 20, то в высокой степени вероятно, что она была бы в силах помешать значительным частям противника вырваться из клещей.

Поэтому было ошибкой, что такое усиление не состоялось. Причину этого, как это выясняется из обстоятельного для этой цели произведенного разследования событий, приходится искать только в том, что не удалось достигнуть единого понимания обстановки как руководящей, так и исполняющей инстанцией. Так как мысль, лежавшая в основе операций на востоке, требовала прежде всего самого полного сосредоточения всех имеющихся в распоряжении сил, в качестве средств главной операции, то непозволительно было допускать, чтобы хотя один человек, по каким бы это соображениям ни делалось, был оторван от нее.

Если австро-венгерское главное командование должно было в первую очередь считаться в своих распоряжениях

с общим ходом дел, то несомненно часть ответственности за то, что это не имело места, лежит на начальнике генерального штаба. Его задача сводилась к неустанному сведению частностей в одно целое и к обеспечению последнего даже там, где, как в рассматриваемом случае, пред начальником генерального штаба вставали личные затруднения [1]) исключительного характера.

Уже немного дней спустя после 13 августа выяснилось, что предполагаемое оттеснение врага в районе Буга не будет достигнуто в более крупных размерах. Благодаря медленному продвижению вперед 12-й и 8-й армий русские в районе к северо-западу и северу от Бреста сумели сохранить за собою все же достаточную оперативную свободу. Перед фронтом принца Леопольда, а также пред 4-й австро-венгерской и 11-й армиями и западнее Брест-Литовска они упорно держались, хотя и несли тяжелые потери. Задача, охватывая Брест с востока, ударом оттеснить русских с больших дорог и железнодорожных путей, ведших из этого пункта на восток, не удалась. Бугская армия не смогла выше Бреста в районе Влодавы отбить у противника стойко обороняемые входы в Полесье, 1-я австро-венгерская армия, вновь двинувшаяся с линии Грубешов-Дубенко на Владимир-Волынск, хотя несколько и продвинулась вперед, однако было вероятно, что она не будет опасна для русских, если они станут продолжать свой отход в том же духе, они это как делали до сих пор.

С другой стороны заключение переговоров с Болгарией подходило к близкому концу. Оно обусловливало переброску частей на сербскую границу еще до окончания августа месяца. На дальнейшее продолжение больших общих операций на востоке поэтому расчитывать уже не приходилось.

При таких условиях начальник генерального штаба примкнул к проектам частных операций, исходившим от австро-

[1]) Автор говорит полунамеками, но последующая полемическая литература (во главе Людендорф с одной—и Дельбрюк с другой стороны) вскрыла нам многое из этой борьбы и из пережитой автором драмы. *Прим. ред.*

венгерского главного командования и от главнокомандующего восточным фронтом. Естественной предпосылкой для этого была та, чтобы эти проекты не противоречили задачам, которые верховное командование считало нужным осуществить на западе и на Балканах.

Австро-венгерское наступление на Волыни 1915 г.

Австро-венгерское главное командование, по справедливости, считало едва-ли допустимым, чтобы русские линии отстояли на севере и северо-востоке от Львова, этого политически важного пункта и железно-дорожного узла, все еще на расстоянии не более двух переходов. Чтобы оттеснить врага далее, по возможности за границы Галиции, и одновременно же нанести ему сильный удар, это командование наметило энергичное наступление через Ковель в прорыв, фактически образовавшийся на Волыни между русскими западным и юго-западным фронтами. В дальнейшем ходе операций надлежало втиснуть северное крыло юго-западного фронта в район Луцка и охватить его. Для операции имелось в виду применить 1-ю и 4-ю австро-венгерские армии. Одновременно с ними должны были наступать своими внутренними флангами 2-я австро-венгерская и южная армия южнее жел. дор. линии Красно—Броды.

Против операции говорило то обстоятельство, что она должна была выполняться без содействия немецких частей и в труднопроходимой местности. Но за нее сильно говорило соображение, что даже при каком-либо частичном успехе нужно было ожидать очень существенного под'ема духа, внутреннего достоинства нашей союзницы и большого морального воздействия на противника. Верховное командование находило последнюю выгоду столь крупной, что считало необходимым отбросить всякие другие сомнения. Оно из'явило поэтому свое согласие на выделение 1-й и 4-й австро-венгерских армий, а также одного австро-венгерского корпуса, дравшегося в рядах 11-й армии, из состава фронта Макензена и притом с условием, что 1-я армия тотчас же будет передана австро-венгерскому главному командованию,

а 4-я армия и корпус—после падения Брест-Литовска. Таковое последовало 25 августа. 27 августа перечисленные австро-венгерские части приступили к движению на юго-восток. В тот же день первая немецкая дивизия была взята с фронта Макензена, чтобы быть направленной в Оршову на Дунае. Она должна была выполнить здесь тем более важную роль, что от ее появления на фланге Румынии и не слишком далеко от границы Болгарии нужно было ожидать очень благотворного влияния на переговоры с Болгарией, ведшиеся хорошим ходом.

Эта цель была известна австро-венгерскому главному командованию. И однако, оно предложило одну дивизию с фронта главнокомандующего восточным фронтом направить для намеченного им удара через Вильну [1]), о чем речь будет ниже. С немецкой стороны нельзя было дать этому никакого ходу. Начальник генерального штаба в этом случае высказал свою мысль, что уже в средине июля было крайне желательно, чтобы одновременно с наступлением между Бугом и Вислой и против Нарева могли выступить также большие силы на среднем Немане. Но этих сил главнокомандующий восточным фронтом не нашел, а в других местах их также не оказалось. Во Франции противники располагали теперь силами, большими на 700 батальонов по сравнению с нами. Подкрепления для операций в северной Литве и Курляндии могли поэтому быть взяты только с польского театра. Но имеющихся на последнем сил едва-едва хватало, чтобы поколебать врага, что, принимая во внимание состояние австро-венгерских войск, было безусловно необходимо. Сверх того Неманский удар, если бы его пришлось усиливать из частей войск, расположенных в Польше, оказался действительным лишь по минование шести недель с момента отдачи приказа о формировании ударной группы. Но такое замедление допустить было невозможно, считаясь с положением дел на Балканах. Русские

[1]) Очевидно, мысль австро-венг. командования сводилась к тому чтобы из операции на Вильну сделеть отвлекающий удар в пользу готовящейся австрийцами операции на Волыни.

Прим. ред.

при помощи их железнодорожной сети, как скоро нажим в Польше ослабел бы, могли на встречу Неманской группе своевременно выбросить достаточные силы, так что операция на севере протекла бы не быстрее, чем она проведена была в действительности, а в результате при ослаблении всех ударных групп нигде не был бы достигнут успех.

Начальник генерального штаба заключил свои соображения, в которых он отстаивал эту точку зрения в противовес взглядам австро-венгерского главного командования, такими словами:

„Конечно, усиление Ковенской группы желательно, но несравненно важнее, чтобы были обеспечены Дарданеллы и чтобы в Болгарии ковали железо, пока оно горячо. Следовательно силы, которые мы можем снять из района Брест-Литовска, не ослабляя этим тотчас же нашего нажима на горло врага, должны быть направлены на Дунай".

Согласно с этим сохранено было решение перевозить дивизию. За ней в последних числах августа и первых сентября последовали восемь дальнейших дивизий с фронтов Макензена и принца Леопольда, направленные частью в Сербию, частью во Францию, в то время как остающиеся на месте части этих фронтов продолжали преследовать русских на восток, севернее Припяти. При этом им удалось нанести врагу еще очень крупный вред. Генерал-фельдмаршал Макензен лично отправился в южную Венгрию, где он должен был принять начальство над войсками, назначенными для наступления на Сербию. Оставленный же им фронт еще продолжал называться его именем. Этим очень успешно было замаскировано новое назначение фельдмаршала.

Наступление под Вильной осенью 1915 г.

На фронте главнокомандующего восточным фронтом на 18 го августа намечалась ускоренная атака крепости Ковно частями 10-й армии. Главнокомандующий хотел использовать успех развитием дальнейшего наступления в этом районе. Верховное командование с этим согласилось, так как содействие северного фронта обоим южным для достижения общей цели теперь отпадало и всякое нанесение

дальнейшего вреда врагу весьма было желательно. А относительно вновь заявленных просьб о подкреплении было указано, что таковое может быть осуществлено лишь в том случае, если при предстоящем взятии Ново-Георгиевска освободятся части здешней осадной армии. К счастью, это случилось уже два дня спустя. Не менее 85.000 пленных и 700 орудий попали в немецкие руки. Из четырех дивизий осадной армии три — были предоставлены фронту для севера. Приказ главнокомандующего восточным фронтом об их наступлении был отдан 28 августа. Согласно приказа 8-я и 12-я армии должны были вплотную преследовать противника и 8-я же овладеть крепостью Гродно. 10-я армия должна была в дальнейшем атаковать на фронте Ораны — Вильна, нанося главный удар на Вильну и севернее. Неманская армия должна была сковать врага перед Фридрихштадтом и затем прикрывать левое крыло 10-й армии против Двины.

Эти намерения совпадали с директивами верховного командования, отправленными в тот же день северному фронту. В них было указано повести намечаемые операции севернее верхнего Немана и восточнее среднего с нанесением врагу возможно большего вреда. Должна ли достигнутая к началу зимы линия упираться в море у Рижского залива или у Либавы, это предоставлялось главнокомандующему.

Выбор постоянной оборонительной линии или вместо нее применение подвижной обороны, это также предоставлялось главнокомандующему. Для общего хода войны было только важно, чтобы найден был такой оборонительный рубеж, который мог бы быть удержан с возможно малыми силами и малым числом снарядов.

Попутно с этим вновь было указано на то, что не признается возможным окончательно уничтожить того врага, „который крепко решил уступать, не считаясь с размером жертв людьми и территорией, раз он поставлен под серьезную угрозу, и у которого в распоряжении имеется необ'ятная Россия".

В недалеком времени безусловно должна наступить необходимость взять также из сферы северного фронта около 10—12 дивизий, чтобы применить их на других театрах.

Подобные предупреждения пред началом выполнения планов, которые при обстановке срединных держав только один раз оказывались выполнимыми, но которые угрожали растратой уже ничем незаменимых сил, были направлены в тот же день и по адресу австро-венгерского главного командования. Ему было сообщено, что для Германии, а по воззрению немецкого верховного командования и для Австро-Венгрии, дело теперь сводилось не к тому, чтобы завладеть русской территорией, но только к тому, чтобы отыскать такую линию, которая на долгое время и при минимальном применении сил обезопасила бы Восточную Пруссию и Венгрию, в то время как мы на других театрах с возможно полным напряжением сил будем искать решения войны. Сверх того начальник генерального штаба не скрыл от австро-венгерского главного командования, что высказанная и им надежда окончательно уничтожить русских проектированным ударом на Вильну едва ли может осуществиться. Выгода лучших путей сообщения у противника и именно позади района Вильны была так велика, что мало шансов было за полное одоление врага. Это предсказание, к сожалению, оказалось правильным в полном своем об'еме.

Наступление фронта Гинденбурга через Вильну.

29-го августа северный фронт начал свое движение вперед. В тот же день пришло известие, что русские намерены высадить в Вильне $2^1/_2$ корпуса. Эти подкрепления были взяты из резервов, бывших пред фронтами принца Леопольда и Макензена. Перевозка отсюда на север в районы Двинска и—восточнее Вильны продолжались. Указанные фронты не могли помешать этим передвижениям, так как они, сильно затрудненные подвозом в трудно проходимой местности и встречая упорное сопротивление врага, лишь крайне медленно продвигались вперед. Уже в первые дни сентября стало ясно, что противник работал теми же средствами, которые он с успехом применил между Вислой и Бугом. На флангах, с одной стороны, на пространстве от Припяти до Верхнего Немана, с другой,—в районе Вильны и севернее

противник накапливал силы, а на средину он не обращал особенного внимания. Теперь еще было бы можно решительный немецкий удар направить в эту середину, примерно, в направлении Ораны — Лида. Особенная выгода получилась бы в случае сдавливания всего левого крыла русских к островам среди болот у Слонима. Нужные силы можно еще было своевременно взять частью из Неманской армии, частью они были под рукой в лице четырех дивизий, которые главнокомандующий восточным фронтом направил из 8-й и 12-й армий к Неманской армии на Вильну. Конечно, предпосылкой для подобного изменения операции была прежде всего необходимость отказаться от взятия Вильны и от продолжения наступления в Северной Литве и Курляндии. Вероятно, неприемлемость подобного отказа побудила главнокомандующего тотчас же не только отстаивать свою старую мысль, но заставила ее даже еще расширить.

4 сентября он сообщил, что в зависимости от хода перевозок он имеет ввиду 8-ю или 9-ю армиями, усиленными левым крылом 10-й, повести наступление на линию Вильно—Вилькомир и далее, чтобы охватить Вильну с востока. Хотя начальник генерального штаба и имел возражение против этой операции, которая не была уже в достаточном соответствии с наличными средствами, но он их не выдвигал, так как за отдаленностью не столь надежно можно было обсудить местные условия, как на самом фронте, и так как нельзя было предложениями, сделанными в последний момент, ограничивать только что определившуюся свободу решения местного начальника. Опыты на Нареве в течении лета заставляли бояться, что подобное вторжение поведет к полумерам, т.-е. скорее повредит, чем принесет пользу. Как сильно верховное командование оставалось на востоке зависящим от условий общей обстановки, было главнокомандующему известно, но чтобы вновь подчеркнуть это, в тот же день было указано, что северная группа, приблизительно около средины сентября, должна быть ослаблена на две дивизии и что остальные силы, которые можно снять с этого фронта на другие, должны быть затем готовы в трехдневный срок.

Начатое 9 сентября наступление восточного фронта всюду натолкнулось на энергичное сопротивление. Только в районе Оран было оно слабее. Но для использования этого обстоятельства не хватало сил, так как части после начальных здесь успехов были взяты отсюда для применения их более к северу.

12 сентября 12-я армия боролась из-за участка р. Зельвянки южнее Немана на одинаковой высоте с войсками принца Леопольда и Макензена. 8-я армия, которая уже 4-го сентября взяла штурмом Гродно, последний западный оплот русских, имела в виду захватить выход из района болот восточнее от него. Эти части имели пред собой значительно превосходящего их противника.

Правое крыло 10-й армии оттеснило более слабого противника в направлении на Ораны. Центр пред Вильной у Новых-Трок боролся против сильных русских частей, левое крыло севернее Нижней Вилии в охватном движении шло вперед к участку Вилии выше Вильны, а его кавалерия подходила к железной дороге Вильна — Двинск южнее Ново-Свенцян.

Правое крыло Неманской армии в своем движении на восток миновало Вилькомир, центр по взятии Фридрихштадта обратился к Якобштадту, левое крыло оставалось без перемен к северу от Митавы.

При такой обстановке главнокомандующий восточным фронтом считал необходимым усилить левое крыло 10 армии, с одной стороны для того, чтобы придать более размаха предполагаемому удару этого крыла в юго-западном направлении, и с другой, чтобы располагать более сильными резервами на случай неприятельского перехода в контрнаступление со стороны Двинска. Поэтому 11-го и 12-го сентября он поднял вопрос о предоставлении ему на 10 — 14 дней обеих дивизий 10-го корпуса, того корпуса, который, взятый из группы Макензена, был сосредоточен к Белостоку для последующего отправления его на запад. Главнокомандующий имел в виду сначала держать корпус наготове у Ковно.

Но этому предложению нельзя было дать хода. Обстановка на французском фронте не допускала уже никаких

отсрочек в подвозе подкреплений. Фактически именно этот-то корпус и принял потом львиную долю участия в отражении крупной попытки французов прорвать фронт в Шампаньи в конце сентября. Без его своевременного введения положение оказалось бы в высокой степени тревожным. Предложенные главнокомандующим в замену корпуса одна — две дивизии 12-й армии не представляли собою равноценной величины для запада, а кроме того их отбытие из Белостока могло начаться лишь по прошествии значительного времени. Сверх того, расчет времени „на 10—14 дней" и в другом отношении был неудачен. При существующей провозоспособности железных дорог 10-й корпус, самое раннее лишь в конце сентября или в начале октября, мог быть в целом применен на фронте между Вильной и Двинском, и наверное не ранее середины октября, а вернее еще много позднее, он вновь мог бы стать свободным. Но столь долго, сообщало верховное командование главнокомандующему, операции на востоке со всеми до сих пор применявшимися силами, к сожалению, продолжаться вообще не могли.

Подобный обмен мнениями вскоре после того вновь возгорелся между начальником генерального штаба и главнокомандующим восточным фронтом. 19 сентября последнему было сообщено что в текущие дни должна начаться перевозка частей 12-й и 8-й армий и что, в частности, стоящая в резерве за 12-й армией 26-я дивизия требуется немедленно. Шесть дальнейших дивизий должны последовать в ближайшем будущем. Главнокомандующий жаловался на такое „вторжение" в сферу его действий, ибо он эти-то именно части и хотел использовать для взятия Риги.

Ему пришлось ответить, что о намечаемой перевозке частей его фронта на 15 сентября ему было известно с 4 сего месяца. Начало перевозок, несмотря на крайнюю необходимость, было отсрочено до 19 сентября, чтобы не помешать Виленской операции. Теперь нельзя было уже медлить ни одного дня. Дивизия нужна на Сербском театре. О замене ее другой, из-за вызываемой этим большой потери времени, не могло быть и речи. Да к тому же взятие дивизии не могло отразиться на текущей Виленской операции, т. к.

применение дивизии проектировалось против Риги. Но о предприятии в этом направлении верховному командованию ничего не было сообщено. Даже если бы, вследствие взятия дивизии с левого крыла, последнее было вынуждено податься назад, в этом не усматривалось какой-либо невыгоды, т. к. для общего хода войны не имело существенного значения, будет ли немецкое левое крыло на Двине, или далее позади у изгиба Немана, или на реке Аа. А с неудобствами каждая часть должна мириться в пользу целого.

Обходные движения 10-й армии северо-восточнее, а позднее восточнее Вильны, пред'являли к боеспособности войск исключительные требования. Войска шли на встречу им с полным самоотвержением, и все же жертвы не привели к цели. Как и приходилось опасаться, русским удалось своевременно принять контр-меры. Но более, чем таковые, продолжению операции мешали быстро ухудшавшиеся условия организации подвоза.

Поэтому начальник генерального штаба уже 19-го сентября, когда шел обмен мнений по поводу 26-й дивизии, убедился, что более уже не было шансов добиться каких-либо успехов крупного значения. Между тем, главнокомандующий восточным фронтом, как он в ответ на запрос сообщал об этом 20-го, держался другого взгляда. Он все же надеялся на благоприятный исход, если бы он даже затянулся еще на несколько дней. Это не подтвердилось. 27-го главнокомандующий на вновь отправленный к нему запрос сообщил, что он должен прекратить наступление, и левое крыло 10-й армии, придвинувшееся до Вилейки, возвратить в район озера Нарочь. Его фронт останавливается на долговременной позиции от впадения Березины в Неман — озеро Нарочь—район западнее Двинска—Митава — Шлок. 8-я и 10-я армии с возможной скоростью освободят силы в распоряжение верховного командования. Сколько дальнейших дивизий и с каких участков могут быть взяты, сказать этого главнокомандующий еще не может,

Последний абзац этого ответа таил в себе большие затруднения для общего положения дел. На западе, где только что началось наступление противников, силы, на

прибытие которых уже давно смели расчитывать, были также настоятельно нужны, как и на сербской границе, где австро-венгерское главное командование не могло предоставить достаточного количества сил для общих операций [1]). И все-таки было сделано усилие, чтобы в ближайшие дни не трогать частей с восточного фронта, т. к. в это время перед Сморгонью возобновились бои, которые согласно имевшимся сведениям имели задачей устранить образовавшийся там большое и для долговременной позиции очень неудобное вклинение (Einbeulung) в немецком фронте. Но уже 3-го октября, судя по донесениям на последовавший запрос, было видно, что и эта надежда также осуществлена не будет. Начальник генерального штаба поэтому мог вновь потребовать снятия дальнейших частей с фронта и обязан был это сделать, считаясь с положением дел на других театрах [2]). Чтобы подготовить эти мероприятия, он пожелал получить от главнокомандующего мнение об обстановке на его фронте. Отсюда возникла переписка, подлинное воспроизведение которой опять-таки наиболее просто отразит положение дел. Вместе с этим она даст ясную картину существовавшей разницы во мнениях по поводу ведения операции в течение лета. 6-го октября главнокомандующий сообщил:

„Русские армии 10-я, 2-я и 1-я атакуют всеми силами 10-ю армию и правое крыло Неманской, имея задачей прорваться до дороги Двинск — Вильна или, по крайней мере, своей атакой сделать невозможной дальнейшую отправку сил на западный фронт [3]).

---

[1]) Автор, очевидно, торопился с сербской операцией, и все же ему ставилось в вину, что он начал ее *слишком поздно*.

Прим. ред.

[2]) См. приложение: Соотношение сил на западном театре под 4.

[3]) Чтобы русские имели подобные цели, было невероятно. Дело сводилось исключительно к контр-атакам, которые должны были облегчить тяготевший над войсками гнет. Впрочем, атаки отбивались с такой легкостью, что на повторение их можно было смотреть без особых тревог.

Ожидаю, что удастся помешать прорыву противника. Но снятие дальнейших сил в настоящее время невозможно. Даже по отбитии атаки, оно может последовать лишь тогда, когда по взятии Сморгони и предмостного укрепления у Двинска достигнуто будет сокращение фронта. Для этого назначение несколько тяжелых батарей является настоятельно необходимым. Такое сокращение фронта тем более необходимо, что я также вынужден создавать для себя резервы из центра фронта, чтобы усилить его левое крыло, т. к. нажим на мой фронт в районе Митавы имел бы тяжкие последствия".

На это начальник генерального штаба отвечал:

„Несомненно было бы выгодно, если бы было возможно прочно сохранить современное расположение частей фронта и, кроме того, произвести нажим в направлении на Двинск. Но если поставить вопрос, допустимо ли для этой цели удерживать здесь те силы, отсутствие которых могло бы оказаться гибельным для позиций на западном фронте, то придется ответить на него, конечно, отрицательно.

В сравнении с этой опасностью не играет решительно никакой роли, как вашему превосходительству давно известно, если имеющееся вами в виду сокращение фронта, из-за снятия с него 58 и 115 дивизий [1]), должно будет достигаться подачей фронта назад. Пойдет ли наш фронт, напр., из района Сморгони чрез Двинск к Бауску или пойдет от Сморгони более или менее прямо к Бауску, для общего хода войны это не имеет значения. Потеря же наших позиций на западе может означать неблагоприятный поворот войны. При этом на западном фронте, при том напряжении, которое здесь так давно господствует, при численном превосходстве врага людьми и материальными средствами, с каковым превосходством, при боевых качествах здешних врагов, нельзя и сравнивать существующего, к сожалению, и на других театрах перевеса, приходится учитывать каждую дивизию. Поэтому требование, чтобы ваше превосходительство отправили сюда первую из обеих дивизий, раз

[1]) Вопрос касался этих двух частей.

только посадка в Вильне будет возможна, остается в силе".

Однако главнокомандующий не подчинился этому решению. 7 октября он принял следующую позицию:

„Ко взгляду на положение моего фронта я не могу примкнуть. Положение теперь занятое, с сокращением у Сморгони и Двинска или без него, является несравненно наиболее благоприятным из всех возможных. Оно может быть удержано с наименьшими силами. Всякое поданное назад положение, которое откажется от прикрытия Двиной [1]), потребовало бы, по крайней мере, столько же сил, как и теперешнее несокращенное.

Я всегда считался с общей обстановкой, жертвуя многими частями со своего фронта, как напр. 10 дивизиями, посланными на австро-венгерский фронт [2]). Точно также и теперь я незамедлительно отправлял все в каком-либо смысле необходимые дивизии, точно так же как преждевременно отдал дивизию XI корпуса, что в свое время оттуда было признано ошибкой. Я думаю, что в настоящем случае это уже не будет так оценено. Тот факт, что дальнейшее снятие с фронта дивизий наталкивается на затруднения, является результатом облюбованного (beliebten) летом способа вести операции, который, несмотря на благоприятно складывавшуюся обстановку и вопреки моих настоятельных предупреждений, не мог смертельно поразить русских. Я не отрицаю возникших из-за этого затруднений в общей военной обстановке и, раз русские атаки решительно будут отбиты, я, как скоро это будет возможно—притом до сокращения фронта у Сморгони и Двинска,—отдам дальнейшие дивизии. Но связывать себя определенным сроком я не могу. Преждевременное снятие частей отсрочило бы кризис, как он теперь к моему сожалению переживается на западе, но при некоторых условиях означало бы катастрофу для моего фронта, т. к. всякое отступательное движение слабых по сравнению с противником сил на неблагоприятной местности

---

[1]) Река обычно от декабря до марта покрыта льдом.

[2]) Факт относится к началу войны.

должно вызвать тягчайший вред для частей. Я прошу доложить его величеству мое понимание обстановки".

При всем уважении к личности главнокомандующего, с именем которого у немецкого народа связана была Танненбергская победа, и к тому настроению, которое могло переживаться в его штабе по истечении операций в районе Вильны, начальник генерального штаба не смел оставить изложенных об'яснений без решительного ответа. Он гласил:

„Как бы сильно я не сожалел, что ваше превосходительство без всякого повода, именно, текущий момент [1]) сочли подходящим для обсуждения прошедших и потому в настоящее время не имеющих значения событий, столь же мало стал бы я опровергать ваши соображения, если бы только они касались меня лично.

Но так как дело сводится, между прочим, также и к критике распоряжений верховного командования, каковые во всех важных случаях находили, как известно, предварительное одобрение его величества, то я, к сожалению, вынужден это сделать.

Примыкает ли ваше превосходительство ко взглядам верховного командования, после того, как последовало высочайшее решение, не является уже предметом рассмотрения. В этом случае каждая часть наших вооруженных сил должна безусловно сообразоваться с верховным командованием.

Отдача сил во время войны с вашего фронта туда, где должен быть произведен нажим (Nachdruck), не является каким-либо особенным трудом (Leistung), т. к. она последовала по распоряжению верховного командования, которое одно может нести за это ответственность.

То, что ваше превосходительство говорите относительно употребленного мною выражения „ошибка" при обмене телеграммами по поводу перевозки XI корпуса, сюда не относится (trifft nicht zu). Я считал ошибкой то, что две дивизии одновременно отправлены были на ту станцию, на которой

---

[1]) Наступление в Шампаньи достигало высшего пункта, наступление против Сербии только что началось. Оба захватывали внимание верховного командования в полном об'еме.

ежедневно могла быть совершена посадка только на 15 поездов, и определенно высказал, что от меня такого распоряжения не исходило.

Какое оперативное решение ваше превосходительство имеете ввиду при попытке заклеймить его именем „облюбованного летом способа вести операции", мне неясно.

Усиление Наревской ударной группы, вероятно, не может при этом иметься в виду, т. к. ваше превосходительство сами в Познани признали, что это было скорее вопросом чувства, остановиться ли на Наревской или Неманской операции. Но после богатого опыта последней зимы я не могу в своих проектах опираться на чувства других, а лишь исключительно на мое собственное убеждение, которое считало Наревскую операцию целесообразнее.

За этим могло последовать только отклонение вашего более позднего предложения усилить левое крыло вашего фронта частями Макензена и Войрша. Ведь оно было построено на двух предпосылках, которые оказались совершенно необоснованными.

Сегодня я не побоюсь сказать, что вступление на путь этого проекта было бы для нас гибельно.

Непосредственное подтверждение этого заключается в том неопровержимом факте, что, приняв проект, мы никогда не были бы в состоянии своевременно притянуть сюда силы, которые для поддержки западного фронта являются безусловно необходимыми. Всякая проверка обстановки во времени и пространстве с должным учетом железных дорог и других средств подвоза неопровержимо обнаруживает это.

Видимо, ваше превосходительство об этой стороне дела были ориентированы уже слишком поздно. Иначе, повторные настоятельные просьбы о предоставлении вам X корпуса были бы совершенно непонятны.

Косвенное доказательство в пользу моего взгляда я вывожу из хода операций юго-восточнее Вильны. Случилось именно то, чего я боялся и что я предсказывал. Нельзя расчитывать смертельно поразить в целом путем охвата численно превосходного противника, который, не считаясь с жертвами в людях и территории, не желает останавли-

ваться и к тому же за собой имеет огромную Россию и хорошие пути. И прежде всего не путем охвата на главной линии, при котором большая часть собственных сил во время маршей не принимает в борьбе участия. Нужная для успеха внезапность, как не раз показала это война, никогда не удастся в столь больших размерах, чтобы противник не мог своевременно принять контр-мер.

Конечно, такому противнику можно серьезно повредить тем, что, тесно сковывая его всюду и тем мешая его передвижениям, в то же время с относительно слабыми, но прочно сколоченными силами, внезапно вторгнуться на хорошо выбранном пункте и, действительно, глубоко в его линии; и таким путем можно повредить ему в размерах, вполне достаточных для наших целей. Подобные примеры представляют операции Макензена, Войрша, а также Гальвица у Прасныша.

Для вашего превосходительства, по моему мнению, подобная возможность представлялась в последнее время у Оран.

Если я, несмотря на такое отношение к вашим операциям, все же не предлагал его величеству вмешиваться в таковые, и даже всячески их поддерживал, то это надо отнести к тому обстоятельству, что я уважаю убеждения всякого другого, пока они держатся в данных им рамках и, значит, не грозят вредом целому, и еще потому, что нельзя с математической точностью предвидеть исход какой-либо операции, если она будет поведена с той энергией, которая там постоянно проявляется.

О возражениях, которые, ваше превосходительство, выдвигаете по поводу перевозки двух дивизий, я доложу его величеству. Доводить же остальные пункты вашей телеграммы до высочайшего сведения я вынужден отказаться т. к. теперь время не для исторических по существу рассуждений и, во всяком случае, не ими в эти серьезные дни я буду занимать внимание верховного вождя".

Решение императора свелось к тому, чтобы две дивизии, как это намечалось начальником генерального штаба, были отданы. В остальном телеграмма начальника генерального штаба достигла своих целей. Главнокомандующий примирился с решением. На несколько месяцев в обсуждениях

наступила пауза, столь полезная для дела. Лишь когда летом 1916 года обстановка обострилась, со стороны главнокомандующего восточным фронтом вновь были сделаны попытки получить влияние на общее ведение войны.

Этот фронт почти до конца октября делал попытки продвинуться вперед в направлениях на Сморгонь, Двинск и Ригу и причинил врагу, особенно в момент его контр-мероприятий, более вреда, чем враг ему.

Долговременно укрепленная полоса на востоке зимой 1915/18 г.г.

(См. карту 5).

На зиму постоянная позиция наметилась по линии: пункт впадения Березины в Неман, — восточнее Вильны — оз. Нарочь—западнее Двинска — Двина по обеим сторонам Фридрихштадта—Митава—Шлок.

Южнее тянулся фронт принца Леопольда позади р. Сервеч—по р. Шаре—восточнее Барановичей—по Выгановскому оз.—Огинскому каналу—Ясельде до Припяти [1]). Он продвинулся до этой линии в процессе непрерывных, отчасти тяжелых боев, дабы доставить поддержку северному фронту и достиг ее к средине сентября.

25 последовал приказ верховного командования об устройстве долговременной позиции на немецком фронте от Припяти до моря.

Ход австро-венгерской операции на Волыни. Конец сентября 1915 г.

К этому же перешли несколько дней спустя и на австро-венгерском участке к югу от Припяти.

Наступательные операции, которые австро-венгерское главное командование вело с конца августа, не только

---

[1]) В действительности, правое крыло фронта принца Леопольда простиралось дальше на юг, около 40 килом. за Припять, дабы фланговое обеспечение жел.-дор. узла Брест, а также дорог, шедших от него на восток, оставалось в немецких руках. Этим в расположение не вносилось перемены в том смысле, что фронт южнее реки, главным образом, обеспечивался австро-венгерским главным командованием.

не дали каких-либо решительных выгод, но вызвали в ходе вещей отрицательный поворот крупного значения.

После первоначальных успехов в Восточной Галиции, которые сделали возможным непрерывное продвижение вперед австро-венгерского фронта до Стрыпы и за Броды, и которые чувствительно обеспечивали Львов, левое крыло 7-й австро-венгерской армии в первой трети сентября понесло тяжелое поражение на западном берегу Серета. Положение оказалось возможным восстановить лишь тем, что верховное командование заявило свое согласие ввести в дело те силы, которые были назначены к отправке на сербскую границу и которые на ней оно обещало заменить немецкими частями. Такую помощь оно оказывало при условии прекращения волынского наступления, т. к. таковое, ввиду вновь наступившего в это время ослабления наступательной силы в австро-венгерских частях, не обещало каких-либо выгод, а скорее только дальнейшие жертвы. Но едва только могли оказать свое влияние соответствующие распоряжения со стороны австро-венгерского главного командования, как положение на Волыни стало еще менее благоприятно, чем на Днестре и Серете.

4-я австро-венгерская армия, двигавшаяся из района Луцка на линию Дубно — Ровно, была в такой мере потрясена сильным русским контр-ударом, что приходилось опасаться серьезных результатов. И в этом случае верховное командование считало себя вынужденным не отказывать в настоятельно просимой помощи. Две дивизии с правого крыла фронта принца Леопольда тотчас же были направлены на юг. Их атака быстро заставила врага остановиться на участке Стыри. С посылкой помощи было вновь, конечно, связано одно условие, а именно: выяснилась необходимость левое крыло австро венгерского фронта взять в руки немецкого командования.

4-я австро-венгерская армия, находившаяся на Стыри в районе Луцка, а также все находящиеся к северу от нее, вплоть до правого крыла фронта принца Леопольда, австро-венгерские и немецкие части, были об'единены во фронт Линзингена.

В качестве постоянной зимней позиции австро-венгерский фронт имел линию от Румынии вдоль бессарабской границы до Днестра, затем за этой рекой, за Стрыпой, восточнее Брод, за Стырью и ниже Рафаловки отходил назад к Стоходу, вдоль которого он следовал до пункта в 40 километрах южнее Припяти.

Операции 1915 года против России, считаясь с относительно небольшим количеством примененных для этого сил, выполнили задачи верховного командования. Уничтожение врага в целом, конечно, достигнуто не было. Но оно и не являлось целью, подлежавшей достижению, а при данной обстановке и не могло быть ею. Но рядом с этим наступило ослабление и надлом противника, от которых он в действительности не мог бы оправиться, если бы удалось держать его в изолированности, и от которых можно было ждать, что они рано или поздно надорвут его волю к борьбе (Kriegswillen). Это должно было наступить тем раньше, чем меньше возможности он имел поддерживать в народе и войсках надежду на поворот судьбы, вроде улыбнувшейся ему недавно на австро-венгерском фронте. На немецких участках о каких-либо превратностях едва ли уже приходилось беспокоиться.

Поэтому было делом исключительного значения поднять боеспособность некоторых частей австро-венгерского фронта. На это и были направлены теперь усилия верховного командования. Обменом начальников, руководством по устройству позиций, воздействием — при посредстве прусского военного министерства — на австро-венгерское в смысле лучшего использования вспомогательных средств страны и многими другими приемами были сделаны попытки достигнуть поставленной цели. При этом приходилось вести дело с большой осмотрительностью, чтобы не принести ему больше вреда, чем пользы. Нельзя было задевать очень чуткого самолюбия австро-венгерского главного командования [1]) и австро-

[1]) Судя по цитир. выше книге Новака „Der Weg zur Katastrophe", деспотизм немецкого вождения тяжело отзывался на австро-венгерской армии, а особенно на ее начальниках. *Прим. ред.*

венгерского правительства, а с другой стороны, подрывать их авторитет у народов двуединой монархии. И несмотря на это, кое-что было улучшено.

В одном лишь пункте верховное командование было бессильно. Оно не имело возможности оказать влияние на внутренние дела Дунайской Империи и уединить австро-венгерскую армию от результатов существовавшего там брожения. Грозившие в этом случае опасности хорошо понимались. Конечно, не мало было высказано предупреждений и предостережений. Но дойти до корня зла было невозможно.

Насколько имевшийся в распоряжении промежуток времени был использован в оперативном отношении, настолько же верховное командование проявило большую деятельность и в области военно-политической. Завязавшиеся в этом отношении переговоры с Австро-Венгрией и Болгарией были уже в общих чертах обрисованы. Позднее еще представится случай войти с большой подробностью в рассмотрение этих и других вопросов. При этом нужно не забыть уже здесь коснуться двух вопросов особой важности. Дело идет о попытке начальника генерального штаба достичь с Россией мира и о временном прекращении подводной войны в ее теперешней форме, с целью не повредить завершению переговоров с Болгарией.

Попытка достичь сближения с Россией. Июль 1915 г.

Результаты прорыва Горлица — Тарнов для России так же как и неспособность (Versagen), впрочем не неожиданная, итальянской армии усилили убеждение, что война будет выиграна Германией, если удастся, как это было до сих пор, избежать чрезмерного напряжения внутренних и внешних сил. Поэтому верховное командование постоянно отклоняло всякое участие в погоне за военными предприятиями сомнительной устойчивости и за туманными военными задачами.

К этой категории относились и надежды на возможность силой оружия в такой мере придавить врагов сре-

динных держав, что они должны будут безусловно просить о мире. Эта цель не могла быть достигнута при численном преобладании врага. Причины, почему это не было достигнуто на востоке, уже были несколько раз упомянуты. Расчитывать на то, что, несмотря на наши слабые морские рессурсы, мы сможем на западе при всяких обстоятельствах достигнуть цели, значило основательно ошибаться относительно военного упорства наших западных врагов и, по крайней мере, относительно военных рессурсов Англии и ставить на совершенно неверную карту гораздо больше того, чем было бы позволительно рисковать. С другой стороны, можно было расчитывать с тою степенью вероятности, которою мы вообще можем располагать на войне, что мы принудим западных врагов оставить свои мечты о нашем уничтожении, если мы лишим их шансов надеяться разгромить Германию и ее союзников исключительно путем измора раньше, чем сами враги понесут от войны неисцелимый вред. Уже мир на подобных условиях означал бы для срединных держав при их оборонительной [1]) войне полную победу, плоды которой должны были созреть только в будущем, но зато тем вероятнее. Поэтому надлежало не оставлять не испробованным ни одного средства, которое обещало бы принести Германии облегчение от угнетавших ее тяжестей, а западным врагам несло бы с собой разочарование.

Обстановка, как она сложилась в июле 1915 г. на восточном театре, представляла хорошую возможность поработать в русле этого хода мыслей. С одной стороны петербургское правительство должно было, как казалось, уже тогда предвидеть, что русская армия в ближайшее время не оправится от нанесенного ей удара, а в особенности, что она не сможет предотвратить потерю столицы Польши, если немецкие операции будут продолжаться. С другой стороны, упорная

---

[1]) В устах рассудливого и уравновешенного автора это слово звучит особенно выразительно. Кто же в мировой войне оборонялся, кто наступал? Ответ на это даст разве далекое будущее.
Прим. ред.

задержка русских западнее Вислы в безнадежном положении свидетельствовала, какую исключительную ценность придавали в Петербурге сохранению за собой польской территории и Варшавы. Начальник генерального штаба считал необходимым использовать этот разлад для немецких целей. Поэтому он предложил политическому руководству войти с Россией в переговоры о соглашении, причем он подчеркивал, что с военной точки зрения достижение мира на востоке имело бы столь большую цену, что отказ от территории по сравнению с таковым достижением не играл бы решительно никакой роли. При таком положении дел начальника генерального штаба не пугала также мысль о том, что этим была бы приуготовлена, вероятно, тяжелая участь для балтийцев немецкого происхождения. Участь целого была важнее участи небольшой части.

Со стороны Берлина против этого не было заявлено возражений. Государственный канцлер, напротив, сообщал о начале нужных шагов; но они, к сожалению, остались без результата. Напротив, они принесли с собою такое обострение противоречий, что Германия сочла более соответственным временно совершенно разрушить мосты к востоку. Это нашло себе сильное отражение в известной речи канцлера, сказанной им в рейхстаге в средине августа [1]). Военное руководство должно было удовлетвориться этим исходом.

---

[1]) В этой речи канцлер говорил:

„Наши и австро-венгерские войска достигли на востоке границ конгрессовой Польши.

Географическая и политическая судьба уже много лет принуждала немцев и поляков вести взаимную борьбу. Воспоминания об этих старых противоречиях не уменьшают уважения к порыву, любви к родине и упорству, с которыми польский народ отстаивал против руссицизма свою старую западную культуру, свою любовь к свободе, и уберег их также среди несчастий этой войны. Я не стану подражать лицемерным обещаниям наших врагов. Но я надеюсь, что нынешнее занятие восточных польских границ знаменует собою начало развития, которое устранит старые противоречия между немцами и поляками и освобожденную от русского ига страну поведет к счастливому будущему, в котором она сумеет взростить и развить своеобразности своей национальной жизни".

Приостановка беспощадной подводной войны. Лето 1915 г.

В одной из предшествующих глав было упомянуто, что в водах вокруг Англии, об'явленных находящимися в сфере военных действий, с февраля месяца начата была подводная война в почти беспощадной форме (in wenig beschränkten Form). Но она по своим результатам к концу лета лишь условно отвечала связанным с нею ожиданиями. Конечно, она нанесла вред Англии. Но заметного влияния на ведение войны неприятелем все же не оказалось. При работе персонала подводных лодок, доходившей до высочайшей степени геройства и самопожертвования, причину недочетов можно было искать только в недостаточном еще числе подводных лодок. Для устранения этого недостатка нужно было много времени и большое напряжение сил. Морской штаб, несмотря на присущий ему иногда даже слишком далеко идущий оптимизм, надеялся устранить недостаток только к весне 1916 года. Уже этот опыт содержит в себе серьезное предупреждение против взгляда, часто встречаемого в гражданских кругах (Laienkreisen), не несущих никакой личной ответственности, что в войне можно расчитывать на новые воссоздания. Одновременно же он выясняет и ту, тяжелую по своим последствиям, ошибку, которая была допущена в Германии перед войною, когда вместо того, чтобы достаточно настаивать на постройке подводного флота, как оружия слабейшей на море стороны, ему была предпочтена постройка линейных судов.

Но еще в одном отношении подводная война принесла с собою горькое разочарование.

Америка сначала попыталась достичь приостановки подводной войны тем, что предложила Германии отказаться от нее при условии, что Англия в будущем позволит ввоз в Германию жизненных припасов, которые исключительно будут назначены для невоюющего немецкого гражданского населения и которые поэтому не смогут быть реквизированы для военных целей. В качестве ручательства за это Америка хотела предпринять по отношению к Германии строгие наблюдательные мероприятия.

Хотя подобного рода вмешательство во внутреннюю жизнь Германии вызывало очень серьезные сомнения, все же правительство ее тотчас же пошло на это предложение. И это было правильно. Осуществление проекта установило бы тесную связь с Америкой, от каковой связи ожидали исключительных результатов. Однако Англия отклонила это предложение, как впрочем этого и надо было ожидать при ее точке зрения. Чего стоило немецкому народу это строгое проведение подобной точки зрения Англией и какое огромное влияние оно оказало на исход войны, это мы пережили. Что оно было издевательством над основными положениями международного права и над правами человечества, об этом Англия не беспокоилась, как она вообще никогда не считалась с подобными соображениями, раз дело шло об ее выгоде.

Но Англия не удовольствовалась отклонением предложения. В марте она опубликовала распоряжение, по которому все, что было немецкого происхождения, об'являлось вне закона (vogelfrei). Этим она далеко зашла за границы „эффективной" блокады, хотя она и не была об'явлена. Права нейтральных держав этой инструкцией совершенно игнорировались.

И все же Америка выступила не против мероприятий Англии, а скорее против таковых Германии, и притом в более резкой форме, хотя последние являлись лишь обороной против открыто признанных нарушений международного права. Поэтому Англия могла себе позволить не только не считаться с протестом, но даже оставить его без ответа. Та же нота, которую Америка послала Германии по поводу потопления без предупреждений одного американского парохода („Лузитании"), похожа была на замаскированное об'явление войны. После этой ноты не оставалось уже никакого сомнения, что надежды на сохранение Америкой, по крайней мере, оффициальной видимости нейтралитета, должны быть оставлены, и что надо ждать ее перехода к открытой враждебности, если повторятся случаи в роде приведенного выше. А так как при продолжении подводной войны в ее теперешней форме, это должно было

наступить очень быстро, то для Германии оставался только выбор между продолжением таковой войны, плюс война с Америкой, и временным ограничением подводной войны, но с временным же сохранением внешнего мира с Америкой.

Но переход Америки на сторону антанты в это время тотчас же стоил бы для Германии отказа от помощи Болгарии, ибо руководители Софии, с которыми в этот момент вновь были завязаны переговоры, никогда бы не пошли на их завершение, если бы Америка открыто стала на противоположную сторону. А раз Германия не получала поддержки Болгарии, то исчезала возможность, длительно запирая Дарданеллы, удержать Россию в ее изолированном положении.

При сравнительно небольшом фактическом результате подводной войны, продолжение ее не уравновешивало выгод, ожидаемых от ее прекращения. Приходилось в дальнейшем отказаться поэтому от продолжения подводной войны в ее теперешней форме. Она должна была продолжаться в форме крейсерской войны, т.-е. при условии предварительного осмотра всякого торгового судна, прежде чем подвергнуть его возможному потоплению.

VII. ПОПЫТКИ ПРОРЫВА НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ ОСЕНЬЮ 1915 Г. И ПОХОД НА СЕРБИЮ.

Как уже было отмечено, приблизительно с июля месяца, при решении вопроса о продолжении операций на востоке существеннейшую роль играл и вопрос, каким путем, не ослабляя нажима на Россию, можно было бы иметь в распоряжении достаточные силы, чтобы выдержать ожидавшуюся на западном фронте бурю и в то же время открыть связь через Балканы. Вопрос становился тем настоятельнее, чем дальше продвигалось время года. Надлежало быть готовым потушить его в любой момент, как бы внезапно он ни воспламенился. Начальник генерального штаба был убежден, что этот вопрос имел преимущество перед вопросом, как суметь „поставить на колена“ [1]) русских исключительно военной силой.

Если бы немецкий фронт на западе не выдержал, или не удалось бы сохранить Дарданеллы, то все выгоды, какие только можно было бы еще получить от русских, не имели бы цены.

Заключение конвенции с Болгарией.

(См. карты 1 и 6).

По настоянию верховного командования с июля месяца в Софии вновь были начаты переговоры о присоединении Болгарии к срединным державам. Ведомые очень искусно принцем ф.-Гогенлоэ-Лангенбург, а также новым немецким военным атташе майором ф.-Массовым, они привели к тому

[1]) Намек на основную идею Гинденбурга. *Прим. ред.*

результату, что в конце августа в немецкую главную квартиру явился болгарский представитель, тогда подполковник, Ганчев для переговоров о военной конвенции. Внутреннее побуждение к этому коренилось, видимо, во взгляде Болгарии, что со стороны антанты она не найдет поддержки в своих национальных притязаниях на получение областей Сербии и Румынии, населенных болгарами. Даже в вопросе о расширении территории за счет Турции она мало расчитывала на партию, поддерживаемую Россией, в то время как переход ее на сторону срединных держав приносил с собою, благодаря большой ширине размаха взглядов государственных людей Турции, тотчас же горячо желанную часть турецкой территории к западу от Марицы. Что, независимо от этого, вера в силу срединных держав и конечную победу их доброго дела при этом имела вес, об этом едва ли стоит упоминать.

Конвенция была заключена 6 сентября в Плесе между генералом Конрадом ф.-Гетцендорфом и ф.-Фалькенгайном, а также подполковником Ганчевым, Турции было предоставлено право присоединиться к ней в полном об'еме.

Согласно конвенци, Германия и Австро-Венгрия каждая с 6 дивизиями в течение 30 дней, Болгария, по крайней мере, с 4 дивизиями [1]) в течение 35 дней должы были быть готовы на границе Сербии к оперативным действиям. Общее начальствование над этими войсками должен был принять генерал-фельдмаршал ф.-Макензен. Германия хотела, если бы предприятие получило желанный ход, расположить в Варне и Бургасе смешанную пехотную бригаду и позаботиться о проведении подводных лодок в Черное море для защиты, в пределах возможного, болгарских берегов. Этим путем надеялись благоприятно повлиять на те круги населения, которые держались относительно русских недостаточно устойчиво.

Сверх того, Болгария обязалась не позже 21-го сентября мобилизовать упомянутые 4 дивизии и, по крайней мере, еще с одной дивизией 11-го октября вступить в сербскую

[1]) Болгарские дивизии пехотой были вдвое сильнее немецких.

Македонию. Взаимно Германия признала себя готовой оказать Болгарии, кроме значительной финансовой военной поддержки, еще помощь военными материалами, насколько это позволят собственные потребности. Германия также обещала побудить Турцию пойти на удовлетворение пожеланий Болгарии защитить гавань Дедеагача против неприятельских высадок и передать назначенные для сего войска под болгарское командование. Чтобы предупредить нежелательные инциденты, было оговорено, что Болгария относительно Греции и Румынии до окончания операции против Сербии должна сохранить безусловный нейтралитет, если только эти государства дадут уверение оставаться нейтральными и не захватывать сербской территории. Прибавка о том, что Болгария должна предоставить полное передвижение из Турции и в Турцию войск и материалов, как только делался бы открытым путь через Сербию, путь по Дунаю или связь через Румынию, могла показаться излишней, но она подсказывалась существовавшей на Балканах обстановкой.

Договор осуществлял так давно и жгуче ощущаемую возможность сделать реальный шаг на пути урегулирования положения дел на юго-востоке. Приобреталось крайне много [1]).

Раз удавалось устранить Сербию, как боевую величину,— а в этом не сомневались,— то отпадала фланговая угроза для Австро-Венгрии и с этим исчезала юго-славянская угроза.

Восстановление связи с Турцией обеспечивало вероятное сохранение Дарданелл и несло с этим окончательное изолирование России от ее союзников. Оно же открывало перспективы новых возможностей для турецкого ведения войны в Азии.

Присоединение Болгарии к союзу срединных держав и результаты, которые этим достигались по отношению к

[1]) Новак говорит, что именно Фалькенгайн добился конвенции с Болгарией; он считает его вообще хорошим дипломатом. Стр. 111—112 цитир. выше книги Der Weg zur Katastrophe.

Прим. ред.

Сербии, не могли остаться без влияния и на позицию Румынии.

Источники для получения жизненных припасов и важного сырья, особенно меди, также входили в содержание выгод.

Подготовка наступления на Сербию.

После этого немецкой стороне пришлось особенно настаивать на точном выполнении договора. Когда в средине сентября австро-венгерское главное командование заявило, что оно вследствие упомянутых в предшествующей главе, сначала очень удачных, контр-атак со стороны русских на Волыни и в вост. Галиции не в состоянии выполнить принятых на себя обязательств, и когда немецкий офицер для связи в южной Венгрии сообщил, что он не может питать доверия к наступательной способности уже собранных там австро-венгерских частей, то без всякого замедления было решено вместо выпадавших на долю Австрии четырех австро-венгерских дивизий [1]) послать на сербскую границу соответствующее число немецких,—сверх договоренного числа шести. Чтобы осуществить своевременное стратегическое развертывание, оказалось при этом необходимо, несмотря на напряженное положение на западном фронте, взять отсюда одну дивизию. Такая смелость возможна была только потому, что одновременно на замену ее с северной части восточного фронта были в пути на французский театр X корпус, а вслед за ним и дальнейшие силы.

Надежда на быстрое завершение операции против Сербии основывалась на факте благоприятного соотношения сил, каковое было редко в оперативной жизни союзников.

Количество еще боеспособных сербов определялось числом от 190.000 до 200.000 человек. Против них союзниками было выставлено более чем 330.000 человек, которые в военном отношении в большей своей части должны были превосходить сербов. Едва ли можно было допустить, что сербы

[1]) Фактически Австро-Венгрия позднее выставила, однако, более чем только две дивизии, между которыми, правда, многие части были чисто условной ценности.

окажутся на высоте, чтобы выдержать сосредоточенный огонь тяжелой артиллерии или не поддаться действию минометов.

Положение территории союзников по отношению к Сербии заранее делало возможным применение действительно охватывающих операций. Правда, это обстоятельство нельзя было использовать полностью. Австро-венгерские войска, расположенные в Боснии и Герцеговине, ослабленные выделением на фронт Изонцо, не располагали достаточными данными для проведения удара внутрь Сербии. Приходилось довольствоваться тем, что они могли выполнить другую задачу—сдерживать своим присутствием черногорцев, как бы ни мало считались с наступательными рессурсами сынов Черных Гор. Сосредоточение немецких частей на сербско-боснийской границе оказывалось невозможным; неудовлетворительное состояние путей, ведших туда, совершенно это исключало. Скорое их улучшение, как показали рекогносцировки, было неосуществимо.

Пришлось поэтому отказаться от наступления против западнаго фланга Сербии и ограничиться одновременным движением против северного и восточного фронтов. И это уже доставляло исключительно хорошие перспективы. Для каждого из обоих фронтов в распоряжении союзников были силы, хотя и не соразмерные с общим количеством сербских войск, однако, несомненно, превосходящие их боеспособностью. Поэтому противник не мог использовать выгоду внутренних операционных линий, имевшихся в его распоряжении, не говоря уже о том, что его пути сообщения были для этой цели недостаточны. Он тем менее был в состоянии сделать это, чем решительнее он увлекся отвлечением своих сил против тех непрятельских сил, которые далеко на юге должны были наступать со стороны Болгарии против Македонии для перерыва железно-дорожной линии, ведшей в Салоники, единственной сербской линии, которая связывала страну со внешним миром.

На основании этих соображений были вместе с союзниками обдуманы распоряжения для стратегического развертывания и начала операции.

3-я австро-венгерская армия, 4 дивизии под начальством генерала ф.-Кевеса, подкрепленная немецким корпусом из трех дивизий, сосредоточилась на Саве и у впадения ее в Дунай. Она должна была форсировать реку главным силами у Белграда, другими частями у Купинова и затем, обеспечив себя со стороны района р. Колубары, наступать через Тополю в направлении на Крагуевац.

Новая 11-я немецкая армия под начальством генерала фон-Гальвица (в командование 12-й армией вместо него вступил генерал-от-инфантерии фон-Фабек) со своими 7 дивизиями развернулась на Дунае к востоку от устья Темеша пред обрекогносцированными здесь местами наводки мостов. Главные силы должны были перейти у Рама, более слабые у Семендрии. У Оршовы проектировалась демонстрация перехода. Вслед за переходом армия должна была наступать вверх по Мораве.

Из 1-й болгарской армии, под командой генерала Бояджиева, 6-я дивизия сосредоточилась у Кулы, 5-я и 8-я—около Белограджика, а 7-я дивизия и образованный из четников (Freischärler) македонский легион у Кюстендиля. Из 7-й дивизии легиона впоследствии образовалась 2-я болгарская армия под начальством генерала Тодорова. Затем, 6-я дивизия была направлена на Заечар, с боковым отрядом на Неготин для открытия дунайской дороги, 5-я и 8-я через Княжевац на Ниш, 1-я через Пирот—туда же. 7-я дивизия и македонский легион должны были продвинуться в долину Вардара, чтобы по возможности скорее перервать железнодорожную линию Ниш—Салоники.

Началом операции было назначено для 3-й австро-венгерской армии и для 11-й немецкой 6-е октября, для болгар—11-е. Такой ранний срок мог быть назначен потому, что приготовления для развертывания и перехода через реку были вполне закончены. Еще с весны немецкие офицеры генерального штаба произвели на местах точнейшие рекогносцировки и наметили тогда же все нужные предварительные мероприятия. Были намечены позиции для каждой батареи, всякая возможность для наводки моста, места расположения войск в период сосредоточения, подвоз; были подготовлены

материал для постройки мостов и вообще для перехода реки, снаряды, продовольствие. Оставалось только ждать прибытия войск, чтобы тотчас же без промедления приступить к переправе. Предусмотрительный руководитель подготовительными работами, подполковник Генч[1]) (Hentsch) саксонского генерального штаба, выступил в роли генерал-квартирмейстера в штабе войск Макензена. Приходилось быть благодарным, главным образом, его деятельности, что войска удалось, в целях достижения внезапности, подвезти в самый последний момент, и что крупная военная операция по переходу Савы и Дуная прошла гладко.

Программа на юго-восточном театре испытала лишь одно нарушение и притом благодаря болгарам. Скоро обнаружилось, что они, вследствие административных затруднений, не могли, как было договорено, мобилизоваться к 21-му сентября, но только к 23-му и что поэтому главными силами они могли выступить не 11-го, а разве только 15-го октября. Но так как они решительно уверяли, что македонскую границу они перейдут уже 11-го октября, то в начальном дне, т.-е. 6-го октября, операций как для 3-й австро-венгерской, так и 11-й армий, изменений произведено не было. Этим надеялись оказать хорошее воздействие на военную решимость болгар, что и вышло в действительности.

Большие отвлекающие атаки на западе, в конце сентября 1915 года.

Но более серьезную угрозу выполнению нашей программы на первый взгляд, казалось, несли с собою события, которые наступили на французском театре во время стратегического развертывания против Сербии.

Задержка так долго ожидаемого наступления возбудила в августе сомнения, будет ли вообще предпринята отвлекающая попытка, раз таковая уже не могла более принести пользы русским. Некоторое время были склонны даже счи-

---

[1]) Тот же марнский Генч, ушедший из разведывательного отделения верховного штаба и на Дунае сыгравший вместе с артиллер. генералом Берендом (Berend) крупную роль *Прим. ред.*

тать продолжавшиеся там подготовительные операции противника к наступлению за попытку обмануть. Однако с начала сентября сведения стали омрачаться в том направлении, что надо было ожидать скорого удара англичан, поддержанных французами, в районе Лиля и одновременного наступления одних французов, в Шампаньи.

Во Фландрии и Артуа на фронте, считая по воздуху, свыше 80 километр. была расположена 6-я армия генерал-полковника кронпринца Рупрехта Баварского (начальник штаба генерал-майор Куль) по линии от пункта южнее Ипра, немного восточнее Армантьера, западнее Лана, восточнее Арраса до точки около 15 километр. юго-восточнее этого города; армия располагала 16 дивизиями.

В Шампаньи 3-я армия генерал-полковника фон-Эйнема с ее 7½ дивизиями занимала позиции на фронте более, чем в 50 километров от пункта севернее Реймса до Массижа. К ней вплоть до Аргонн примыкал правофланговый корпус 5-й армии генерал-лейтенанта кронпринца германского с его двумя дивизиями.

21-го сентября против 6-й армии, а 22-го сентября против 3-й армии и правофлангового корпуса 5-й армии, был открыт ураганный огонь (Trommelfeuer) в усиленной степени по образцу того, как мы впервые применили его при прорыве Горлица—Тарнов.

Уже раньше, а теперь более решительно, к угрожаемым армиям были направлены из скудных общих резервов части. 3-я и 6-я армии получили тяжелые батареи и каждая по пехотной дивизии, а 3-я сверх того и одну пехотную бригаду.

Ураганный огонь бушевал с почти не уменьшающейся силой в Шампаньи до 24-го, во Фландрии до 25-го сентября. В эти дни в обоих районах начались пехотные атаки.

Несмотря на то, что ужасный огонь произвел небывалые еще разрушения, как на позициях, так и далеко в тылу, а также причинил тягчайшие кровавые потери, все же 24-го сентября французы не смогли добиться никаких существенных выгод. Напротив, англичанам уже в первый день их наступления удалось благодаря применению газов у Лооса овладеть нашими передовыми позициями на фронте

шириною в 12 километров. Но эту удачу они не сумели использовать. Непосредственно следовавшие за этим контратаки храбрых защитников не только помешали им в этом, но и отобрали назад значительную часть взятых позиций. Французы, наступавшие рядом с англичанами по обе стороны р. Скарп на 6-ю армию, вообще не достигли каких-либо успехов, достойных упоминания.

Однако, обстановка в Шампаньи сделалась гораздо более трудной 25-го сентября. Продолжая свое наступление, французы 17-ю своими дивизиями потеснили в этот день по дороге Суэн—Сом-Пи и восточнее ее остатки двух немецких дивизий на фронте шириною в 23 километра и глубиной 4 на тыловые позиции, к сожалению, так же полностью разрушенные. Наступал тяжелый кризис, побудивший штаб 3-й армии задуматься, не выгоднее ли было отступить далее на всем фронте армии. Но выполнение такого решения имело бы серьезные последствия, так как прежде всего всюду произвело бы моральное впечатление. Далее, оно сказалось бы в тактическом отношении на соседних фронтах. Наконец, этим решением давался бы исход столпившимся перед существующими позициями беспомощным массам противника, которые могли бы тогда освободиться из их хотя бы и временного, но невыносимого положения.

К счастью, намеченное решение не было приведено в исполнение. По настоятельному решению начальника штаба соседней 5-й армии, генерал-майора Шмидта фон-Кнобельсдорфа [1]), отход был отложен до прибытия на западный фронт верховного командования, находившегося в пути, а по прибытии его в полдень 26-го сентября о добровольном отходе не могло быть больше и речи. У командования еще имелись в распоряжении резервы. Оно тотчас же двинуло одну из последних дивизий общего резерва из Эльзаса и 10-й корпус в Шампань, а гвардейский корпус

---

[1]) Генерал Кнобельсдорф пользовался большим доверием Фалькенгайна, что давало повод к росказням о большой „услужливости“ последнего по отношению кронпринца и его штаба.

Прим. ред.

в 6-ю армию. Оба корпуса только что прибыли с востока в Бельгию. Штабу 3-й армии был дан в качестве начальника штаба подполковник фон-Лоссберг, который до сих пор занимал очень важное место в оперативной части верховного командования. Затем у 7-й армии генерал-полковника фон-Геерингена на Эне были взяты резервы, так как выяснилось, что там не ожидалось наступление, и также были направлены в 3-ю армию.

Этого прилива сил до некоторой степени оказалось достаточно, чтобы сломить напор первых ударов противника на борющихся фронтах. Но этих сил не хватало, чтобы отбить непрерывные атаки, ведомые противником в течение многих дней. Тяжелая борьба истощала силы также и свежевведенных в бой частей, и тем скорее, что 25-го сентября вечером начались сильные дожди, которые изрытое поле сражения превратили в болото. Впрочем, возникшие отсюда трудности без сомнения давали себя чувствовать еще более нападающему, чем обороняющемуся. Против какого чудовищного превосходства сил приходилось бороться, явствует из того факта, что, напр., против 3-й армии были введены в дело не менее 35 французских дивизий вместе с 2.000 тяжелых и 3.000 полевых орудий. Позади их были расположены еще многочисленные кавалерийские дивизии, готовые принять участие в наступлении; значительная часть их действительно была введена в дело.

Вследствие этого верховное командование в первой половине октября неоднократно рекомендовало смену утомленных боями частей свежими, взятыми со спокойных участков фронта, пока прибытие дальнейших сил с востока не устранило надобность подобной смены. Сверх упомянутых уже незначительных начальных успехов противники более не имели никаких, имевших какое-либо значение. И однако бои во Фландрии затихли только 13-го октября, а в Шампаньи только 20-го октября.

Дано было „величайшее сражение всех времен", как назвал его начальник английской гвардейской дивизии в своем отданном накануне приказе по дивизии. Но оно не дало тех результатов, которые были намечены французским

главнокомандующим генералом Жоффром в его боевом приказе [1]).

Немцы не были выгнаны из Франции, не был освобожден ни один из соотечественников, „порабощенных" уже в течение 12 месяцев, не была одержана блестящая победа над немцами. Надо согласиться лишь с одним, что на немецкие операции против русских было оказано влияние, но и то не самим наступлением, а ожиданием его и подготовкой к нему. Но этот факт нельзя отнести к результату самого сражения; он был простым следствием наличности нескольких театров войны. „Величайшее сражение всех времен" явилось для нападающего страшным поражением. Чудовищные жертвы кровью и материалом были принесены для результата, который при учете намеченных задач должен был быть, конечно, признан нулевым, но и сам по себе значил очень мало. Ибо то обстоятельство, что позиции немцев на некоторых небольших участках должны были податься назад или не податься, для дела в целом было не существенно. Их оборонительная система осталась при

---

[1]) Приказ гласил: Главная Квартира Западной Армии. 14—IX. 1915 г.

„Командующим генералам.

Дух войск и их готовность на самопожертвование являются самыми важными условиями при наступлении. Французский солдат дерется тем храбрее, чем больше он понимает важность наступательных операций, в которых он принимает участие, и чем более он питает доверия к мерам, принятым его вождями. Поэтому является необходимым, чтобы офицеры всех ступеней с сегодняшнего же дня выяснили своим подчиненным те благоприятные данные, при которых состоится ближайшее наступление французских войск. Следующие пункты должны быть известны всем:

1. Перейти на французском театре в наступление является для нас необходимостью, чтобы выгнать немцев из Франции. Мы тотчас же освободим наших соотечественников, порабощенных уже в течение двенадцати месяцев, и вместе с этим лишим противника драгоценной власти над нашими захваченными областями. Сверх того, блестящая победа над немцами побудит нейтральные народы перейти на нашу сторону, а врага заставит замедлить свое наступление против русской армии, чтобы принять меры против наших атак.

2. Сделано все, чтобы это наступление могло быть предпринято с большими силами и с крупными материальными средствами. Бес-

этом совершенно не потрясенной. Большего достигнуть, при существующем соотношении сил, они не могли.

К тому же тех сил, которые можно было бы притянуть сюда путем более раннего прекращения операций на востоке, ни в коем случае не было бы достаточно. Ни людей, ни материала не достало бы и для того, чтобы преследовать широкие задачи или дальнейшего развития удара, или организации наступления в каких-либо других пунктах фронта. А приносить какие бы то ни было жертвы в пользу частных успехов (örtliche Erfolge) при настоящих условиях не представляло интереса для верховного командования. Подкрепления своевременно появились во Франции для выполнения намеченной для них здесь задачи, но без риска для тех целей, которые, по разумной оценке всех данных обстановки, можно еще было себе ставить на востоке. При более раннем прибытии частей им, возможно, удалось бы спрямить несколько вдавленный кое-где фронт. Но для общего положения дел это не имело значения, между тем как раннее снятие частей с восточного фронта должно было надломить бывшие там в ходу операции, с которыми вождь этого фронта связывал исключительные перспективы, о чем и говорилось с большой определенностью.

Несомненно, более раннее прибытие подкреплений с востока, избавило бы начальников и части во Франции от многих тяжелых минут. Что пришлось пережить за это время верховному командованию, не нуждается в иллюстрации.

прерывно растущая сила оборонительных сооружений тыловых линий, все большее и большее применение на фронте территориальных частей, увеличение высаженных во Франции британских боевых сил, позволили главнокомандующему снять с фронта большое число дивизий и держать их наготове для наступления; сила их равна нескольким армиям. Эти боевые силы, как и остающиеся на фронте располагают новым и совершенным военным материалом. Число пулеметов более чем удвоено. Полевые орудия, которые по степени их изношенности заменены новыми пушками, располагают значительным запасом снарядов. Число автомобильных колонн, как для подвоза продовольствия, так и для переброски войск, увеличено. Тяжелая артиллерия, это важнейшее средство атаки, была предметом больших трудов. Относительно большое количество батарей тяжелого

Наконец, не должно быть забыто, что главная заслуга в том, что восточные силы могли прибыть еще своевременно, принадлежит немецкому солдату западного фронта. Его достойная удивления выдержка на ужасающе разгромленных позициях во Фландрии и в Шампаньи отвратила опасность запоздалого прибытия подкреплений в первую линию.

Среди смерти и ужасов, следуя предписанию уставов, прочно цеплялся он за тот пункт, который ему надлежало защищать, и в очень многих случаях даже тогда, когда давно уже не было ни офицера, ни унтер-офицера, которые могли бы послужить ему примером. Не довольствуясь этим, и полный величественного самопожертвования он переходил в наступление на бушующие против него и вокруг него неприятельские массы, где только представлялась к тому какая-либо возможность. Отсюда возникли прочные острова и островки среди моря уничтожения, созданного неприятельской артиллерией. О них разбились первые волны неприя-

---

калибра, были соединены и подготовлены в целях ближайших наступательных операций. Каждое орудие обеспечено таким запасом снарядов, который превосходит наиболее высокий расход, какой только когда-либо имел место.

3. Настоящее время особенно благоприятно для общего наступления. С одной стороны, армии Китченера закончили свою высадку во Франции, а с другой, немцы еще в минувший месяц снимали силы со здешнего фронта, чтобы применить их на русском.

4. Наступление должно быть общим. Оно будет состоять из нескольких больших и одновременных наступлений, которые должны производиться на очень широких фронтах. Английские войска примут участие в наступательных операциях в значительных силах; также примут участие и бельгийские войска. Как только враг будет потрясен, войска частей фронта, до этого момента бездеятельных, со своей стороны перейдут в наступление, дабы далее развить разгром и довести врага до разложения. Задача всех частей, принимающих участие в наступлении, сводится не к тому только, чтобы отнять передовые неприятельские окопы, но чтобы без остановки день и ночь пробиваться вперед, через вторую и третью линии на открытое поле. Вся кавалерия примет участие в этих наступлениях, дабы использовать успех на далеких расстояниях впереди пехоты. Одновременность атак, их размах и протяжение должны помешать противнику сосредоточить на одном пункте свои пехотные и артиллерийские резервы, как ему удалось сделать на севере у Арраса. Эти приемы обеспечивают успех.

тельской пехотной атаки. Вслед за ними теснились все новые и новые массы. Это приводило к накоплениям, нагромождениям людей, среди которых не только немецкий огонь производил страшные опустошения, но и невозможно было поддержать какой-либо порядок. Подвоз у неприятеля стал срываться. Чем более подвозилось сил, тем более ухудшалось положение. Наступление задушилось в собственной массе.

Наверно едва ли найдутся достаточно сильные выражения, чтобы с достаточной яркостью описать подвиги немецких войск в Шампаньи в эти дни. Все великое, что во время войны было до сих пор совершено, бледнеет пред ними.

Но этим восхвалением немецкого солдата не должен быть унижен враг: не стыдно пасть в борьбе с героем. И если французы и англичане и не могли быть поставлены на одну высоту с защитниками, все же они честно выполнили свой долг. Лучшим доказательством этого служат их потери. Не их забвение долга явилось причиной неудачи. Его приходится приписать, главным образом, плану операции. В этом случае не достаточно было взвешено то обстоятельство, что границы, в пределах которых при современном оружии еще с пользой могут быть применены силы для общего дела, узки, и что ожидаемая польза обратится во вред, если не

Ознакомление войск с этими сведениями не преминет поднять дух войск до той высоты, которая от них требуется. Поэтому безусловно необходимо, чтобы осведомление велось умно и убедительно".

21-го сентября в новом приказе генерал Жоффр добавлял:

„Перед наступлением надлежит выяснить всем полкам огромнейшую силу удара, которую разовьют французские и английские армии, примерно следующим образом:

Для операций назначаются:

35 дивизий под начальством генерала де-Кастельно, 13 дивизий генерала Фоша, 13 английских дивизий и 15 кавалерийских дивизий (из них 5 английских).

Таким образом, три четверти всех французских боевых сил примут участие в общем сражении. Они будут поддержаны 2.000 тяжелых и 3.000 полевых орудий, обеспечение которых снарядами превосходит все виденное с начала войны.

Все предпосылки для верного успеха имеются налицо, особенно, если при этом вспомнить, что в наших последних наступлениях в районе Арраса принимало участие только 15 дивизий и 300 орудий".

будет учитан нужный предел. Насколько старая мысль о невозможности быть достаточно сильным в минуты решительных действий никогда не потеряет своей силы, настолько же правильно, что не одно только численное преобладание обеспечивает благоприятный исход.

Несмотря на печальный опыт не только боев у Арраса, но также и зимних боев в Шампаньи французское командование, казалось, все же крепко держалось убеждения, что операции по прорыву позиции, укрепленной современными средствами, если даже она будет занята войсками высокой боевой ценности, в роде применяемых на западном фронте, а в особенности немцами, будет иметь полные шансы на успех, раз только можно пустить в дело значительно превосходящие силы. Это убеждение нашло себе видимое подтверждение в успехе прорыва Горлица—Тарнов в связи с преувеличенными сообщениями русских о „массах", которые будто бы были введены в дело немцами. Но в сообщениях едва ли упоминалось, что удар в Галиции только тогда был нанесен, когда с немецкой стороны создалась полная уверенность встретить войска, уже расстроенные невнимательным командованием. В действительности это и является главным соображением при решении вопроса, так часто поднимаемого на войне, насколько желательны операции прорыва в целях достижения решительного исхода. Против врага, стоящего на должной высоте в военном и моральном отношении, без сомнения, таковыми они не будут. Поэтому-то на протяжении всей войны и удались лишь такие прорывы, которые не стояли в зависимости от такого условия.

И все же было бы непростительно при описании геройских дел немецких солдат в оборонительных боях на западе не упомянуть о подобных же подвигах начальников. Насколько меньше они внешне выделялись, чем в наступательных боях, настолько они превосходили их. Никогда, пока существует военная история, на нервную систему людей не было наложено более сурового испытания, чем на начальников в оборонительных боях, как на ефрейторов, унтер-офицеров и офицеров в окопах и т. д., так и на высших начальников за столом с картами.

Переход через Дунай.

Развертывание и подготовка к наступлению в южной Венгрии в то время, как во Франции великое сражение развивалось и продолжало бушевать, шли своим планомерным ходом. Вместо одной дивизии, которая должна была прибыть из Франции, с пути была направлена на юго-восток еще другая, находившаяся на дороге из России на запад. Этим самым и исчерпывалось влияние, которое оказали на сербский поход англо-французские жертвы.

После того как в течение сентября, в целях введения в обман противника, повторным образом, без дальнейшего развития операции, был обстрелен артиллерийским огнем сербский берег, 6 октября начался действительный обстрел для перехода, который и состоялся 7-го. 3-я австро-венгерская армия переправилась на линии Купиново — Белград, 11-я армия левой группой перешла у Рама, за которой правая группа на следующий день переправилась у Семендрии. Демонстрации войск у Дрины и Оршовы приковали здесь внимание противника. В оперативном смысле он был огорошен внезапностью. Уверения антанты, что здесь со стороны срединных держав может быть выполнена лишь видимость наступления и что Сербии своевременно будут посланы подкрепления [1]), создали в сербском командовании обманчивое доверие. Главные силы были сосредоточены против Болгарии. Когда в начале октября были поняты все размеры надвигавшегося с севера несчастия, только тогда повелись сюда довольно бессистемные передвижения.

В результате этого, хотя 3-й австро-венгерской и 11-й армиями не один раз было оказано храброе сопротивление, но оно нигде не было действительно упорным. Однако не это обсто-

[1]) Дело сводилось не к одним только обещаниям. В русской ставке всесторонне обсуждался вопрос о широкой помощи Сербии, но исполнению помешали или неблагоприятные обстоятельства, или несочувственное отношение союзников. См. В. Н. Клембовского, Стратегический очерк войны 1914—1918 г.г. 5-я часть. Москва. 1920. Первые страницы.

Прим. ред.

ятельство, а необходимость более прочно упорядочить подвоз, замедлило продвижение вперед армий. Так, материал для постройки мостов для 11-й армии мог быть подвезен только по очищении горной местности у Гроцка между Белградом и Семендрией. Затем, несколько дней мешал наводке моста пользующийся дурной славой один из притоков Дуная, именем Коссова. Только 21 октября удалось построить для армии два моста.

В этот день головы армий находились, приблизительно, на линии Рипань южнее Белграда, Калисте юго-восточнее Пожаревaца. Две австро-венгерские ландштурменные бригады перешли нижнюю Дрину и достигли Шабаца. 1-я болгарская армия достигла долины Тимока между Заечаром и Княжевацем и левым крылом дралась у Пирота. 2-я болгарская армия у Враньи и Куманова приблизилась к участку Вардара, который она уже перехватила у Велеса. Таким образом, железно-дорожная связь Сербии с Салониками была прервана. Все армии сильно жаловались на те большие затруднения, которые создавались недостатком путей, а еще более их состоянием, вследствие дождливой погоды. Особенно это сказывалось на 3-й австро-венгерской армии, которая сверх того труднее преодолевала сопротивление противника, чем ее соседка, состоящая только из немецких частей.

Верховное командование боялось общей задержки в операциях в зависимости от 3-й австро-венгерской армии и поэтому побуждало австро-венгерское командование усилить армию с фронта Изонцо. Но в главном австро-венгерском командовании не находили возможным пойти навстречу просьбе по тем соображениям, что противник на итальянском фронте имел численно двойной перевес.

Обстановка на левом крыле 11-й армии была не вполне утешительной. Группе австро-венгерских войск, стоявшей у Оршовы, правда, слабой, еще не удалось переправиться через реку. Вследствие этого нельзя было приступить к перевозкам водой в Болгарию, а между тем уже наступивший в болгарских армиях недостаток в снарядах и снаряжении требовал скорейшего восстановления связи. Чтобы

дать исход обстановке, начальник генерального штаба решил 20 октября притянуть подкрепление с французского театра. Наступившее здесь затишье в большой наступательной деятельности противника допускало это. Только что прибывший из Тироля во Францию альпийский корпус, который особенно был пригоден для горной войны, был направлен в Банат. Он был взят с тирольского фронта, так как здесь во время зимы он был излишен. Однако, прежде чем он высадился, удалось введением в дело небольших немецких сил подтолкнуть вперед оршовскую группу и тем открыть путь по Дунаю. Поэтому альпийский корпус здесь уже более был не нужен, но зато его оказалось возможным применить на правом крыле 3-й австро-венгерской армии, чтобы помочь ей продвинуться вперед. Теперь движение вперед всюду было в ходу, несмотря на временные задержки в некоторых местах либо из-за затруднений по подвозу, либо из-за остановки, вызванной неприятелем. Так, иногда приходилось прибегать к сильному нажиму, чтобы продвинуть вперед 1-ю болгарскую армию.

5 ноября пал Ниш. Внутренние фланги обоих болгарских армий овладели главным городом Сербии. В остальном, южная—2-я—армия перешла линию Лесковац, Вранья, Куманово в направлении на Приштину. Ею был занят район Велеса. Слабые наступательные попытки французов, между тем высадившихся в Салониках, южнее Струмицы, были легко отбиты. 1-я болгарская армия главными силами достигла района восточнее Алексинаца, а правым крылом, примыкавшим к немецким силам и перешедшим Дунай у Оршовы, достигла Парачина. Привязанное к сети путей, это крыло попало в тыл восточной колонны 11-й армии, которая находилась уже в долине Моравы юго-западнее Парачина. Отсюда фронт 11-й и 3-й австро-венгерской армий простирался чрез Кралево до Чачака. Еще далее к западу находились около Ужице перешедшие чрез нижнюю Дрину австро-венгерские бригады, а восточнее Вышеграда располагалась все же прибывшая, наконец, из Боснии австро-венгерская дивизия.

Сербы, после очень тяжелых потерь в предшествующих боях, отступали теперь на всем фронте, в общем направле-

нии на возвышенное плато Коссова поля (Amselfeld) у Приштины. Упорное сопротивление они оказывали только южной половине 2-й болгарской армии, быстрое наступление которой угрожало перехватом пути в Албанию, единственного оставшегося в их распоряжении. Попытка ускорить движение этой армии путем придания к ней частей 1-й болгарской армии не имела никакого успеха. Пути и условия организации подвоза для всяких передвижений, раз они заранее не могли быть внимательно обдуманы, представляли непреодолимые препятствия. Поэтому и применение немецких сил в качестве южного крыла, о котором несколько раз поднимало вопрос австро-венгерское главное командование, оказывалось невыполнимым. Сверх того, опасения того же командования, что сербы могут пробиться чрез Велес, чтобы соединиться с войсками антанты, подходящими из Салоник вверх по Вардару, были неосновательны, хотя попытка в этом направлении была не далека от вероятности. Но шансов на успех, при нажиме главных сил Макензена с севера в тыл и фланг, такая попытка иметь не могла. К тому же признаки разложения сербской армии на путях отступления становились все более очевидными. Конец ее можно было предвидеть чрез несколько недель, если только не давать ей отдыха. Вполне помешать уходу в Албанию, может быть, было и невозможно, но затруднить его можно было только ускорением движения одной колонны 3-й австро-венгерской армии по дороге от Кралево чрез Рашку и болгар чрез Приштину в направлении на Митровицу. В остальном, движение находилось в зависимости от условий местности, и преследующие части просто должны были держаться немногих имеющихся путей. О бегстве в Албанию не приходилось много беспокоиться. Для сербов было невозможно взять с собою в дикую горную страну артиллерию или обоз, и вообще какие-либо повозки. Сверх же того там не было никаких жизненных припасов, а только очень враждебно настроенное к сербам население, которое не упустило бы случая отобрать у беглецов и последнее.

Сообразно с этими взглядами фронт Макензена 5 ноября получил директиву продолжать операции. Такое же указа-

ние было направлено к болгарам во 2-ю армию, которая непосредственно не была подчинена фельдмаршалу. Намеченное концентрическое наступление должно было быстро сузить оперативный район и этим значительные силы 11-й армии отжать во вторую линию. На эти силы ссылалось австро-венгерское главное командование, когда оно поднимало вопрос об усилении 2-й болгарской армии немецкими частями. Почему на это не пошли, было только что сказано. Представлявшаяся возможность восстановить силы вытесненных из первой линии немецких частей, предоставив им более удобное расквартирование в долинах и Банате и доставляя им покой и обеспечение, была очень кстати. Эти части тем более нуждались в заботливом отношении, что на них до сих пор лежала главная тяжесть сербской операции, для особенностей которой они снаряжены были однако неудовлетворительно.

В то время, как походные колонны союзных армий в течение ноября среди несказанных, усиленных дурной погодой маршевых затруднений, к которым скоро прибавились трудности продовольствия, поднимались на Коссово поле, возникал жгучий вопрос о том, какие меры, независимо от чистой обороны, необходимо было принять против боевых сил антанты, прибывавших из Галлиполи, Египта и северной Франции и высаживавшихся в Салониках. Их высадка была в ходу с начала октября. Так как греческое правительство не дало на это своего согласия, то высадка являлась тяжким нарушением международного права, которое отнимало у антанты даже и призрачное основание продолжать крик. о проходе немцев чрез Бельгию, как о неслыханном насилии. Несмотря на это, Греция не осмелилась встретить непрошенных гостей вооруженной силой. В этом случае ее поведение было продиктовано беззащитностью ее открытых берегов и городов от огня англо-французского флота и тем обстоятельством, что греческий народ был бы осужден на голод, если бы страна была лишена подвоза морем. Однако, союзники Германии склонялись к тому, чтобы из этой обстановки создать повод считать и Грецию в числе своих врагов. Не без труда удалось вызвать иное

направление мыслей в этом вопросе. Оно сводилось к тому, что, хотя по букве международного права Греция и обязана не допускать нарушения нейтралитета, и подобное допущение равносильно нарушению нейтралитета с ее стороны, но выше всех норм международного права стоит обязанность самосохранения, а она заставила Грецию поступить так, как она поступила. Ни срединные державы, ни Болгария не располагали тогда возможностью оказать Греции какую-либо военную поддержку или помощь в ее продовольственных заботах. То обстоятельство, что удалось побудить греческое правительство занять более благоприятную позицию, было уже достаточным успехом, считаясь с положением страны, ее историей и тем влиянием, которое антанта безгранично могла оказывать на греческий народ. Германия, конечно, не имела никаких побуждений без явной военной выгоды, но лишь считаясь с грядущими политическими пожеланиями союзников создавать себе еще одного нового врага, да еще такого, одна уже наличность которого могла оказать очень веское влияние на только что начатые операции против Сербии. В конце концов, ни Австро-Венгрия, ни Болгария не могли оспаривать повелительной силы этих доводов. Поэтому было решено и в будущем стараться избегать всего того, что могло бы побудить Грецию перейти в ряды врагов.

После того, как войска антанты в горах южнее Струмицы получили от болгар вышеупомянутый афронт (Abfuhr), они приостановили в этом направлении свое наступление. С другой стороны, они двигались вверх по долине Вардара. В середине ноября их передовые части стояли на левом берегу Черны (Кара-су) против частей, которые были выделены против них из 2 болгарской армии. Движения врага выполнялись вяло. Бездеятельность войск заставляла вообще думать, что они далеко не охотно уступают политическому требованию идти в огонь из-за сербских дел [1]).

[1]) Войска лишь более искренно отражали скрытое настроение своих правительств. Русской ставке, а в частности генералу Алексееву, приходилось в этом отношении выдерживать большую борьбу, побуждая союзников к более активным действиям на Балканах. *Прим. ред.*

Однако, при дальнейших подкреплениях и при дальнейшем продвижении вперед успех в Сербии мог оказаться под вопросом. Поэтому в первой трети ноября срединными державами и Болгарией, до сих пор договаривавшимися только относительно общего похода на Сербию, было решено по окончании сербских операций выступить также сообща против антанты.

Впрочем, с немецкой стороны признавалось целесообразным установить, что такое решение не должно будет иметь силы, если антанта решит развить предприятия на Балканах до степени крупной балканской операции. В этом случае надлежало сначала решить, имеет ли смысл союзникам выполнять наступление или было бы разумнее ограничиться обороной уже занятого.

Верховное командование при этом оставалось, главным образом, в рамках своего понимания сербской операции. Оно считало таковую чисто побочной операцией. Задачи похода достигались предстоящим полным покорением Сербии. Угроза флангу Австро-Венгрии устранялась, дорога на Ближний Восток делалась открытой. Ввиду последнего обстоятельства имелась на-лицо даже основательная надежда, что неприятель откажется от дальнейших попыток форсировать Дарданеллы. Во всяком случае, с подобными попытками ему теперь уже не приходилось связывать благоприятных ожиданий. С точки зрения общего интереса войны, поэтому, вопрос теперь сводился лишь к тому, чтобы закрепить приобретенное. Если бы попутно с этим представлялась возможность нанести антанте моральный или военный вред, то, конечно, это надлежало бы использовать. Но мысль искать на Балканах исхода войны сама по себе была нездорова. Нужные для этого силы нельзя было брать с главных театров. Для антанты было легче послать в Македонию целую дивизию, чем для Германии—батальон. Даже, если бы и было возможно найти для этого нужные силы, их действительное применение было бы до крайности затруднено природой страны, сложностью восстановления единственной железно-дорожной линии и хронической слабой ее пропускной способности. Оставление хотя бы одного немецкого

солдата в этих негостеприимных странах на большее время, чем этого безусловно требовала задача, — и именно задача сохранения достигнутого, — допустима была лишь тогда, когда в обмен на это можно было получить выгоду исключительного размера в пользу окончания войны.

При таких воззрениях начальник генерального штаба попадал в известное противоречие с намерениями союзных высших штабов. Оба придавали большой вес тому, чтобы немецкие части, возможно сильные и возможно долго, оставались на Балканах. Рядом с чисто военными плюсами, которые получились бы для них отсюда, они связывали с этим достижение и некоторых политических целей. Для них было очевидно выгодно, пользуясь присутствием более сильных немецких частей, освободить часть своих войск для специальных целей. Особенно такой уклон заметен был у австро-венгерского главного командования. Еще можно было согласиться, что проведенный ими в январе 1916 года захват Черногории носил в себе военный смысл, в качестве обеспечения фланга, но уже следующее за этим продвижение вперед по средней Албании такового без сомнения не имело. А обе операции притягивали к себе силы, которые можно было бы с большей пользой применить в Галиции или на Изонцо.

Такое расхождение во мнениях по основным вопросам ведения войны таило в себе далеко не малую опасность. Она была усилена сухостью отношений, проявившейся с самого начала между Австро-Венгрией и Болгарией. Взаимоотношения не сделались лучшими, когда по сближении обоих войск существующие противоречия начали практически сталкиваться между собою. Болгарское командование тяжело воспринимало склонность, видимо глубоко укоренившуюся в Австро-Венгрии, смотреть на своего союзника на Балканах не как на такового, а скорее как на ниже стоящую вспомогательную силу, и по временам так к нему и относиться. Австро-венгерское главное командование со своей стороны горько жаловалось на жадность к территориальным захватам и на притязательность Болгарии. Здесь не место пытаться решить, какая из двух сторон была права.

Во всяком случае, неутешительные отношения между обоими союзниками не помогали ведению войны и делали необходимым частое посредничество третьего союзника. Пока еще оно каждый раз оказывалось успешным. Но окажется ли оно своевременным, когда внимание начальника генерального штаба будет сильнее приковано к другим театрам войны, это оставалось под сомнением.

Принимая это в соображение, начальник генерального штаба обсудил вопрос, в какой мере было бы целесообразно руководству войны, которое фактически находилось в руках Германии, хотя по форме отражало нормы полного равенства, придать оффициально признанную и потому обязательную форму. Этим достигалась бы выгода ценного права контроля и безусловного veto. Но приходилось опасаться, что этим ни в коем случае не обеспечивалось более искреннее сотрудничество, а скорее наоборот. К этому присоединялось, что от внешнего возвеличения позиции Германии в союзе можно было ожидать внутри двуединой монархии далеко неблагоприятного влияния на авторитет австро-венгерского правительства. Положение было бы другим, если бы подобная организация имела место с начала войны. Введение ее теперь для недоброжелателей, а таковых в Австро-Венгрии было много, знаменовало бы собою акт недоверия. Наконец, считали возможным питать надежду, что пережитый опыт предохранит в будущем от серьезных трений. Вопрос, поэтому, был обойден начальником генерального штаба, хотя за него высказались как Болгария, так и Турция.

В остальном ход событий на Балканах вполне подтвердил правильность взгляда верховного командования.

Наступление 3-й австрийской и 11-й немецкой армий в район Приштины для решительных действий, к сожалению, было выполнено не планомерно. Передвижения, в конце концов, могли быть регулированы лишь тем приемом, что половина армий была оттянута ближе к железной дороге, после того как она свои обозы отдала в распоряжение частей, продолжавших свое движение, дабы облегчить им возможность продвижения вперед. Однако и отдаленного воздей-

ствия этих частей оказалось достаточным, чтобы сделать безнадежным отчаянный удар сербов у Ферижовича 22 ноября, который они повели против правого крыла 2-й болгарской армии и который не мог сразу сломить упорного мужества болгар. Судьба сербской армии была решена быстро. В последние дни ноября и 1-го декабря она повторным образом была разбита в этих районах болгарскими частями, следовавшими на Призрен, при этом частью она была пленена, частью рассеяна. Тот же жребий постиг более слабые сербские отряды, на которые натыкались головы 3-й австрийской и 11-й немецкой армий. Лишь жалкие остатки, потеряв всю артиллерию и вообще обоз, смогли ускользнуть в горные районы Албании. Сербской армии более не существовало. Болгары следовали небольшими отрядами через линию Дьяково-Дибра, захватили Охриду и одну колонну направили на Монастырь (Битоль). К этой колонне для демонстративных целей и чтобы в случае соприкосновения с греческими войсками иметь под руками преемлемого для греков посредника, были приданы небольшие немецкие кавалерийские и пехотные части. Севернее болгар части 3-й австрийской армии, отбросивши без труда перешедшие через границы черногорские батальоны, продвинулись на Ипек, Рожай и Белополье.

Английские и французские части, двинутые от Салоник, ничего уж не могли изменить в заключительном акте сербской драмы. Когда они это поняли, они во второй половине ноября оттянули назад выдвинутые через Черну авангарды и теперь против главных сил 2-й болгарской армии удерживали лишь линию, которая от Черны западнее Кавадара позади Вардара простиралась до Мировце и оттуда шла до озера Дойран. Их состояние давало повод думать, что, несмотря на краткость их тыловых линий, им не удалось достаточно урегулировать подвоз.

План общего наступления против этих частей немецкими и болгарскими силами под общей командой генерал-фельдмаршала ф.-Макензена уже в средине ноября пришлось вновь временно оставить. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что до восстановления железной дороги через

Ниш до Куманова (конец декабря) исключалась всякая возможность пропитать в этом районе более войск, чем сколько их теперь уже собралось с болгарской стороны. Даже эти войска могли удовлетворять свою потребность в пропитании и прочем снабжении лишь с трудом и не регулярно. Однако, в конце ноября, план случайно вновь вызвал к себе внимание, ввиду, повидимому, надежных сведений, что антанта не намерена удерживать Салоники. Это совершенно совпадало с мыслями начальника генерального штаба: не упустить возможности иметь, видимо, столь легкий и вполне обеспеченный успех. Путем возможного ограничения сил и отказа от всего, без чего можно было обойтись, предполагалось ослабить ожидаемые затруднения. Но дело не дошло до осуществления этого намерения. Из германской главной квартиры последовало предложение болгарскому главному командованию самостоятельно использовать всякий предоставляющийся случай, почему оно, получив сообщение, что войска антанты, вероятно, в силу сведений о продвижении немецко-болгарской колонны на Монастырь, приступили к отходу, и отдавая себе ясный отчет в обстановке, назначило на 5-е декабря наступление 2-й армии. Противник был отброшен. Он начал отступать к югу по всему фронту, причем ему нанесен был тяжкий урон. Враг не мог даже задержаться на высоте озера Дойран, так как болгары, искусно и быстро подкрепив свои силы к востоку от озера, угрожали ему охватом. Войска антанты в жалком состоянии отошли к Салоникам, где они быстро разместились на укрепленной позиции, начатой постройкой уже с начала октября.

Согласно желания немецкого верховного командования 2-я болгарская армия в процессе преследования не перешла греческой границы. Армия уже теперь терпела сильный недостаток. Устранить его не было никакой возможности, так как заблаговременных мер союзниками принято не было и, так как отходящий противник основательно разрушал немногочисленные пути, включая и железную дорогу в долине Вардара. Чтобы при таких условиях болгары достигли скорых успехов, атакуя укрепленную позицию, было неве-

роятно, тем более, что их отдельное проникновение на греческую территорию должно было побудить правительство последней также враждебно выступить против болгар, а кроме того, враг непрерывно усиливался со стороны Галлиполи. Операция грозила, повидимому, выродиться в авантюру, а это было недопустимо.

Вопрос об атаке Салоник был обстоятельно рассмотрен еще раз в конце декабря 1915 года и начале 1916. Его больше рекомендовало австрийское главное командование, чем болгарское, хотя первое не могло для этой операции предоставить свои части. Болгары обнаружили в этом случае меньшее рвение, так как своей главной военной цели—завоевания Македонии—они достигли в полном об'еме. Уже одно это обстоятельство делало все предприятие не вполне надежным. Не в привычках балканских войск хорошо драться для тех целей, непосредственной пользы которых для родного народа они не видят. И когда в конце января фельдмаршал ф.-Макензен донес, что вполне подготовленную атаку Салоник, ввиду затруднений в подвозе, нельзя начать ранее средины апреля, было приказано войскам на ближайшее время занять постоянные позиции, хотя группировка для атаки в целом и была уже выполнена.

Немецкое верховное командование находило продолжение наступательной операции против Салоник при содействии более значительных немецких сил в это время мало целесообразным, так как уже не было надобности принуждать антанту отказаться от ее задач на Дарданеллах. Это было в начале января. 8 января 1916 г. утром последний англичанин покинул Галлиполи. Теперь, кроме немецких частей, разве только совершенно необходимых для поддержки болгарских фронтов, остальные не должны были более оставаться на Балканах. Ибо здесь они служили бы только обособленным целям Австро-Венгрии и Болгарии, а не общим целям войны, не говоря уже о немецких. Вступление болгар в Салоники ухудшило бы настроение греческого народа по отношению к срединным державам. Возможно, что и наступление на Грецию потом оказалось бы неизбежным. Единственная выгода, которую могла бы получить при этом

Германия, сводилась, правда, к очень важной получке опорных пунктов на Пелопоннесе для целей подводной войны. Но этот плюс не мог, однако, перевесить очевидных минусов. Что операция вызвала бы новые повышенные притязания союзников к немецким рессурсам, было очевидно. А такие притязания были в высшей степени нежелательны. Что вслед за какими-либо болгарскими успехами несомненно будут расти и притязания Австро-Венгрии на Балканах, считалось также нежелательным. По крайней мере, приходилось вновь опасаться расхождения во мнениях между двумя союзниками. Захват Салоник для обоих имел большую притягательную силу. Сверх того, приходилось беспокоиться, чтобы внимание Австро-Венгрии к Балканам не возросло более, чем это было допустимо в интересах войны на главных театрах. И без того такая опасность уже была на-лицо. Конечно, изгнание антанты из Салоник имело бы для Болгарии благоприятный результат, освободив ее от непосредственной угрозы, но для общего хода войны это имело бы разве только условную выгоду. Освободившиеся силы антанты могли быть применены на других театрах, а болгарские— нет: они и не пригодны были для этого, да и болгарское правительство не было обязано их выставлять. Провести же изменение этого пункта в договоре при нерасположении общественного мнения Болгарии к военным предприятиям в чужих странах было трудно. То обстоятельство, что болгарский народ продолжал чувствовать себя под угрозой и обязанным и то, что перед его глазами оставалась военная цель, достойная достижений, могло только благоприятно подействовать на его поведение.

Против развития и на Балканах столь ужасной для Австро-Венгрии и Болгарии позиционной войны с точки зрения общих интересов срединных держав не приходилось много возражать. Если этим болгарские войска связывали значительные силы антанты, то тем самым они оказывали большую услугу общему делу. А возможность была налицо. Были данные расчитывать, что антанта не захочет добровольным очищением или из-за применения недостаточных сил подвергнуться опасности повторного и тяжкого

морального поражения, какое она только что понесла на Дарданеллах. К тому же можно было не бояться неудачи, раз болгарам была оставлена хотя бы небольшая поддержка немецкими частями. Свойства местности на линиях, достигнутых войсками Макензена, исключительно благоприятствовали обороне. Если противнику в Вогезах, на Карпатах или на Изонцо при подобной же обстановке не удавалось достичь решительных результатов при величайшем напряжении, то здесь, где на стороне обороняющегося были климат и другие обстоятельства, конечно, можно было расчитывать на то же самое.

На постоянных позициях 1-я болгарская армия—генерал Бояджиев—двумя болгарскими пех. дивизиями и одной кавалерийской бригадой располагалась от Охридского озера через Монастырь, где находился приданный к ней немецкий отряд, и дальше вдоль греческой границы южнее и юго-восточнее Прилепа. Части для обеспечения флангов она двинула на албанскую территорию у Дибры и Эльбасана. 11-я армия—генерал от артиллерии ф.-Гальвиц—держалась у греческой границы с 2 немецкими дивизиями и $1^1/_2$ болгарскими от Натьи до Беласика—Планины к северу от озера Дойран. Позади ее в резерве у Велеса и Стипле располагался немецкий альпийский корпус. 2-я болгарская армия—генерал Тодоров—с тремя болгарскими дивизиями выдвинулась на линию Струмица—Еникиой—Петрич—Неврекоп. Не включенные сюда немецкие части, перешедшие в октябре Дунай, частью были расположены на отдыхе по квартирам в южной Венгрии, частью уже были переброшены на западный фронт. Вместо требуемой в договоре болгарами целой немецкой дивизии с их согласия была отправлена к Черному морю только усиленная бригада 101 дивизии; обстановка здесь допускала это уменьшение. Со стороны немецких частей, оставленных на Балканах у болгар, сделано было все, что только было можно, чтобы в обстановке позиционной войны оказать поддержку в самом широком размере своим боевым союзникам, которые для такого типа войны не подходили ни по своему темпераменту, ни по своему вооружению и обучению. Если результаты поддержки давали о себе

знать, только мало-по-малу, то главная вина должна быть отнесена на долю тех затруднений, которые вызывались взаимным незнанием языка учителей и учеников.

Переход греческой границы из района постоянных позиций был временно разрешен только летчикам в отместку за англо-французский воздушный налет на Битоль или в случае, если этого безусловно требовала тактическая обстановка. Такое ограничение отвечало духу тактичного отношения к затруднительному положению греческих короля и правительства, как вообще подобное отношение играло определенную роль при многих решениях во время балканской операции. Но предпочтение ему пред военными соображениями никогда не допускалось. Во всяком случае, начальник генерального штаба признавал необходимым всюду считаться с указанным отношением, раз оно не вредило военным интересам. В серьезные минуты король и правительство остались верны тому слову, которое они дали Германии. А последняя не имела слишком много друзей, чтобы позволить себе с легким сердцем отнестись к тому единственному, и притом, по крайней мере, такому другу, который уже показал свою способность на бескорыстные акты.

VIII. НА ПЕРЕЛОМЕ ГОДОВ 1915—1916.

Операции 1915 года приняли другой оборот, чем это ожидалось в начале боевого года.

От задачи вести операции на западе столь решительно, чтобы французам и англичанам не оставалось надежды повернуть ход событий в свою пользу раньше, чем Франция истечет кровью, от этой задачи пришлось отказаться. Меньшая боевая продуктивность союзных войск, вызванная скорее внутренним состоянием двуединой монархии, чем врагом, помешала такому осуществлению. Из-за этого на западе пришлось довольствоваться удержанием достигнутой линии фронта. Это блестяще удалось, благодаря удивительной выдержке немецких войск, — той выдержке, которой в прошлом, наверно, нет ничего равного и которую будущее также едва ли увидит. Тот могучий поток сил, который из духовного запаса подавляющей массы народа достигал тогда полководца, играл при этом исключительную роль.

На востоке поставленные цели были достигнуты. К ним не могла относиться задача уничтожения вооруженной мощи России в ее целом. Держались рамок возможного, ограничиваясь лишь тем, чтобы вызвать вряд ли излечимый в ближайшее время паралич ударной силы колосса. Раз начальники и войска срединных держав на востоке выполняли свою обязанность, какой-либо серьезной здесь опасности бояться уже не приходилось. Еще далекие, но уже ясно видимые зарницы возвещали грозу надвигавшейся на царство революции.

Союз с Болгарией и разгром сербской армии открыли дорогу на юго-восток. Будущая угроза первой или Дарданеллам была, повидимому, одновременно с этим устранена.

Австро-Венгрия получила исключительное облегчение: сербская опасность исчезла, румынская—сведена до минимума. Тактика, намеченная против Италии, оправдалась превосходно. Не было оснований сомневаться, что она так же оправдается и в будущем.

Базируясь на эти успехи, надлежало для хода операций в наступающем боевом году сделать нужные заключения. Схема 3 стр.

Австрийское главное командование не замедлило сделать это в той форме, что в середине декабря 1915 года оно предложило проект наступления на Италию [1]). Чтобы подготовить для этой цели необходимые австро-венгерские силы, оно предлагало предоставить ему девять немецких дивизий сверх уже находящихся в Галиции немецких частей, чтобы иметь возможность снять австро-венгерские части с галицийского фронта. В связи с этим на итальянском фронте создавался проект произвести прорыв из Тироля в юго-восточном направлении, держась правым крылом, приблизительно, линии Триент—Скио. Австрийское главное командование надеялось этим путем заставить очистить сильно выпуклый выступ неприятельских позиций в северо-восточной Италии, а может быть, даже и отрезать его. Сделавши Италию таким образом „совершенно безвредной", обещали освободившиеся силы, которые австрийским главным командованием во всяком случае учитывались слишком высокой цифрой около 400.000 чел., передать для какого-либо решительного шага на западном фронте.

В этом проекте дело шло об операции, над которой во время войны думал, вероятно, каждый из штаб-офицеров ген. штаба, рассматривая карту итальянского театра войны. Она была очень заманчива.

---

[1]) Очень типичны все проекты, исходившие от Конрада ф.-Гетцендорфа. Все они были большого размаха и смелых устремлений, но во всех них забывалось то скромное орудие, которое должно было их осуществлять. Конрад был крупный художник, но рисовать ему приходилось на скверном полотне и дурными красками.

Прим. ред.

Со специальной австро-венгерской точки зрения светлая сторона пересиливала темную. Лишенная забот о других фронтах, двуединая монархия все свои силы могла сосредоточить против Италии. В ней она видела своего единственного врага. От нее Австрии предстояло отвоевать выгоды, которые лежали вне круга интересов великого союзника на севере. Полученную добычу не приходилось делить ни с кем.

Общее руководство войной, однако, представляло себе дело иначе. Применение еще девяти новых немецких дивизий в боевых линиях Галиции доставило бы дальнейшую возможность врагам на западе усовершенствовать и усилить свое оборудование и вновь привело бы немецкий фронт к полному застою. Конца такого состояния нельзя было предвидеть. Это состояние нельзя было растягивать на неопределенное время по отношению к войскам западного фронта, которые теперь изо-дня в день неустанно в нем пребывали и тяжело от него страдали. Их верность, достойная удивления, поддержанная со стороны начальников всеми возможными средствами, еще нигде не обнаружила колебаний. Но не позволительно было подвергать ее новым испытаниям, особенно, когда речь шла о применении сил для того предприятия, шансы которого при серьезном взвешивании обстоятельств, особенно, если оно проводилось исключительно австро-венгерскими силами, казалось, не могли быть солидными. После операций в Галиции и Сербии нельзя уже было доверить одним союзникам ведение столь большой операции.

Конечно, было бы возможно требуемые девять немецких дивизий заставить участвовать в проектируемом наступлении на тирольской границе вместо того, чтобы, согласно предложения австрийского главного командования, направить их в Галицию. Этим путем в значительной мере было бы обеспечено достижение крупного успеха. Но такой успех не был бы достаточен для оправдания пролития немецкой крови. Им был бы только такой, который завершил бы войну против Италии. А то обстоятельство, что итальянцы отнесут свои теперешние окопы, расположенные на склонах Альп или Карста от Гардского озера к устью По или еще далее назад, для общего хода войны не имело

особого значения. Ибо было очевидно, что никакие самые тяжелые удары на крайнем северо-восточном углу не могут заставить Рим прекратить войну. Он не мог прекратить ее против воли других держав антанты, от которых он вполне зависел в деле снабжения золотом, углем и жизненными припасами. А раз Италия не прекращала борьбы, то тем самым никакие силы срединных держав не освобождались для французского фронта, и это тем менее, чем далее с идеальных позиций на склонах восточных Альп и Карста — идеальных для обороны против превосходных сил — пришлось бы спуститься на открытую равнину. Наконец, продолжение наступления в район западных Альп, удаленный более чем на 500 километров, слишком превосходило рессурсы срединных держав, а между тем, только здесь это наступление могло доставить западным державам серьезные неудобства.

Эти взгляды начальник генерального штаба изложил австрийскому главному командованию в следующей телеграмме от 16-го декабря 1915 г.:

„Так как ваше превосходительство во вчерашнем разговоре подняли вопрос, которым я часто занимался [1]), то уже сегодня я могу обстоятельно изложить по этому поводу свой взгляд.

Но прежде, чем я сделаю это, я хотел бы исправить одну ошибку, которая, казалось мне, вытекала из вашего изложения.

Так как ваше превосходительство во вчерашнем разговоре подняли вопрос об Италии, я не знаю, на чем основывается этот взгляд [2]). Как известно, немецкие части с первого

---

[1]) Злые языки утверждали, что это была обычная фраза автора, чтобы прикрыть очередной плагиат. Так, когда Конрад прислал ему телеграмму (версия Новака) с проектом прорыва Горлица—Тарнов, Фалькенгайн ответил аналогичной фразой, что он „hatte sich schon viel mit der angeregten Idee beschäftigt". *Прим. ред.*

[2]) В подлиннике буквально следующее:

„Da Euer Exzellenz Anregung bei unserem gestrigen Gespräch Italien führen. Worauf diese Ansicht sich gründet, weiss ich nicht recht..." т.-е. явная бессмыслица; вероятно, после слова „Gespräch" пропущены слова вроде... „machten, Deutschland solle den Krieg gegen"... *Прим. ред.*

дня участвовали в крайне полезной для Австро-Венгрии войне против Италии, о чем и в Риме также до точности известно. Германия лишь отказалась об'явить Италии войну со своей стороны. Основания для этого были углубленно рассмотрены раньше и со всех сторон признаны основательными. И теперь Германия ни минуты не задумается принять участие в каждой операции против Италии, если это позволят ее средства, считаясь с тем обстоятельством, что она (Германия) несет на себе всю тяжесть войны против Бельгии, Франции, Англии и в полной мере главную тяжесть против России и Сербии, и если указанное участие будет выгодным. На последний вопрос ответят нижеследующие соображения.

Ваше превосходительство намечаете удар из района Триента на фронте около 50 километров шириной, приблизительно, против линии Скио-Фельтре и дальше за нее, для чего должны быть привлечены восемь—девять австро-венгерских дивизий, замененных на галицийском фронте немецкими.

Несомненно, что подобная операция, если бы она удалась, была бы весьма действительна. Но по моему богатому опыту для проведения операции, как базирующейся на единственную железную дорогу и потому ни стратегически, ни тактически не могущей последовать внезапно, понадобится добрых двадцать пять дивизий. А так как ваше превосходительство должны быть в состоянии такую массу, включая и названные галицийские дивизии, сосредоточить с итальянского фронта к месту прорыва, то в возможности этого я тем более сомневаюсь, что по условиям местности в районе прорыва, при теперешнем времени года и при сильных укреплениях итальянцев придется иметь ввиду только те войсковые части, которые особенно пригодны для наступательных операций. Возможно ли будет при этом подвезти нужную тяжелую артиллерию, какую мы при прорывах исчисляем в количестве, по крайней мере, одной батареи на 150 метров фронта, и необходимое значительное количество снарядов, об этом я не осведомлен.

А если нельзя будет сосредоточить столь сильную удар-

ную группу с необходимой артиллерией, если нельзя будет обеспечить длительный и обильный подвоз, то от подобной операции, с чисто военной точки зрения, следует отсоветовать самым настоятельным образом. Она, по очень серьезному опыту карпатской, а также и мазурской операции в январе — феврале с. г., не имела бы никаких шансов на решительный успех и только два несомненных результата. Она пробила бы в рессурсах запаса австро-венгерской армии огромную, может быть, роковую брешь. С другой стороны, по отдаче еще новых девяти дивизий на специально австро-венгерский фронт она привела бы немецкие фронты в состояние полного оцепенения. Длительно это можно было бы допустить лишь в том случае, если бы от операции можно было ожидать решительного исхода для войны. Ваше превосходительство считаете возможным ожидать этого [1]). Я, к сожалению, не могу разделить вашего мнения. Если бы даже удар удался, он не поразит Италию смертельно. Рим, потому только, что его войска на крайнем северо-востоке страны понесут, допустим и тяжелое, поражение, конечно, тем самым не будет принужден к заключению мира. И против воли антанты, от которой в полной мере зависит обеспечение страны золотом, жизненными припасами и углем, Рим несомненно мира не заключит. Чтобы он угрозами мог оказаться вынужденным отколоться от них или мог бы описанием своего бедственного положения произвести на Англию и Россию какое-либо влияние, этому я не верю. Наоборот, я считаю очень вероятным, что оба эти представителя антанты, в худшем случае, были бы и неособенно глубоко огорчены, видя уход из общего дела столь мало полезного и столь много требующего компаньона. Рабом их Рим, во всяком случае, остался бы.

После изложенных соображений ваше превосходительство не будете удивлены, если я порекомендую, чтобы австро-венгерское командование, безусловно обеспечив про-

[1]) Конрад считал поражение Италии действительно, крупным фактором для исхода всей кампании. Интересно, что эта точка зрения проводилась и среди военных кругов Англии.

Прим. ред.

тив всякого наступления свои позиции на итальянской границе и в Галиции, остаточные силы передало в распоряжение немецкого верховного командования, как компенсацию за те немецкие части, которые расположены на фронте южнее реки Припяти [1]). При этом не имеется в виду полученный прирост в силах применять для активных целей. Однако, очень возможно, что он был бы применен для смены на фронте таких немецких частей, которые затем были бы под рукою для каких-либо активных мероприятий, и это было бы очень целесообразным их применением. О том, где должны повестись такие активные операции, мои мысли еще не получили полного завершения [2]).

Австро-венгерское главное командование после этого отказалось от своего предложения, но подчеркнуло, что оно остается при своем взгляде о возможности решительного военного успеха против Италии. Так как в пользу этого

---

[1]) Обеспечение восточного фронта южнее Припяти, согласно взаимного решения обоих командований, было делом исключительно Австро-Венгрии. Оставление двух немецких дивизий при южной армии восточнее Львова оправдывалось тем, что две австрийских дивизии находились при немецком участке восточного фронта, на фронте принца Леопольда. Но для немецких частей, расположенных на фронте Линзингена и на правом крыле фронта принца Леопольда южнее Припяти, подобной компенсации где-либо на севере не было. Речь, во всяком случае, шла о частях силою более, чем четыре дивизии.

[2]) На этот вопрос не приходилось в телеграмме отвечать более подробно; что „активные операции" во всяком случае не выпадали на долю восточного фронта, где находились австро-венгерские войска, это после устных переговоров с австро-венгерским главным командованием не оставляло ни малейшего сомнения. Не приходилось также упоминать и о том, что не имелось в виду для подобных операций прибегать к австро-венгерским силам.

Ближайшие сведения о намерении ввести операции в районе Мааса были сообщены австро-венгерскому главному командованию в конце января 1916 г. *Прим. автора.*

По австрийской версии идея верденской операции была сообщена Конраду, когда операция уже почти началась и притом лично самим Фалькенгайном, чем первый, повидимому, был сильно задет; это и проявилось в его сухой и холодной фразе: „Ich wünsche Ihrem Vorhaben alles Gute". *Прим. ред.*

взгляда не было представлено новых или лучших доводов, то начальник генерального штаба не имел оснований изменить свое мнение. И это тем менее, что одновременно же австрийское главное командование сообщило, что оно со своей стороны не может считать балканскую операцию завершенной, и значит, операция на итальянском театре из-за недостатка сил временно выходила из игры. Против предприятий на Балканах, которые имела еще ввиду Австро-Венгрия, начальник генерального штаба не заявлял каких либо возражений.

Они направлены были к занятию Черногории и против слабых итальянских сил, высадившихся около этого времени в северной Албании. В основе планов лежали, главным образом, политические соображения. Но им нельзя было отказать и в некотором военном смысле. Использование черногорской территории антантой в качестве базы для операций против Сербии и Далмации, во всяком случае, было возможно, хотя оно по условиям местности и было маловероятно. Задачи, преследуемые австро-венгерским главным командованием, достигались легко и надежно. В Черногории по всем сведениям нельзя было ожидать упорного сопротивления; геройский век ее мужей, видимо, миновал уже давно. Зависимость высадившихся итальянских частей от мест высадки, от крайне дурной связи с Албанией и их слабость не сулила больших ожиданий. Каждый самостоятельный успех, достигнутый Австро-Венгрией, должен был оказать прекрасное влияние на настроение ее войск и ее народов [1]). Однако, на лицо имелась опасность, что Австро-Венгрия этим путем свяжет свои силы в такой степени, которая повлияет на общий ход войны. Об этом поэтому австро-венгерскому главному командованию повторно и настоятельно делались предостережения, причем еще раз ему решительно было указано на то, что новые предприятия

[1]) Это было совершенно верно. Об успехе ген. Кевеса в свое время много и раздуто говорилось в австрийской печати. Пущена была в ход даже лукавая молва, что Кевес быстро захватил Черногорию благодаря подкупу черногорского князя.

Прим. ред.

не дают никакого права задерживать смену немецких частей к югу от Припяти.

Необходимость подобных предупреждений вытекала из событий в Галиции. Русские 24 декабря 1915 года атаковали южную армию генерала графа ф. Ботмера и 7-ю австро-венгерскую армию, которой командовал генерал ф.-Пфлянцер-Балтин, на всем фронте от Бурканова на Стрыпе до румынской границы восточнее Черновиц и упорно продолжали сви усилия до средины января 1916 г. И в то время, как они на фронте южной армии не достигли ни малейших успехов и потому скоро измотались, положение дел на фронте 7-й австро-венгерской армии, против которой русские направили главный удар, долго колебалось в ту и другую сторону. Хотя противник не располагал существенным превосходством сил, армии лишь с трудом удалось удержаться. Ее резервы оказались недостаточными. Сверх того, у нее обнаружились и внутренние недочеты. В конце концов, правда, неприятельские атаки в общем были отбиты. Но так как было вероятно, что и в других австро-венгерских армиях галицийского фронта были одинаковые внутренние недочеты, то этим создавалось побуждение обратить серьезное внимание на это обстоятельство.

Австро-венгерские операции в Черногории и Албании протекли, как это и предвиделось, удачно и быстро. К середине января черногорцы были покорены, а в феврале итальянцы были несколько раз разбиты в небольших стычках и отеснены за Вьёсу.

В только что упомянутом, так называемом, новогоднем сражении в Восточной Галиции и Буковине русские располагали преимущественно неготовыми частями, небольшим количеством малоценных офицеров и повели наступление в неблагоприятное время года. Поэтому приходилось допустить, что русские преследуют особую и настоятельную цель. Последняя, насколько это казалось начальнику генерального штаба, имела ввиду единственно воздействие на Румынию. А если это было так, то тем более необходимо

было держаться мысли не начинать новых больших операций, пока не выяснятся отношения к этому государству.

Позиция Румынии по отношению к срединным державам была неясна с первых же дней войны, а со смертью короля Карла I, осенью 1914 года, сделалась подозрительной. С каждым ударом, понесенным Австро-Венгрией, указанная позиция ухудшалась до степени слабо прикрытой враждебности, чтобы снова сделаться почти дружественной, как скоро достигались успехи над русскими.

Как немецкое верховное командование, так равно и австро-венгерское не оставались в сомнении на счет того, что руководители румынской политики имеют ввиду держаться тех же путей, которые в последнюю балканскую войну доставили им столь дешевую добычу. В могучей борьбе они хотели наметить решение лишь тогда, когда с этим не было бы связано никакого риска. Поэтому они оттягивали решение и робко избегали связывать себя с какой либо из сторон.

Эта выжидательная позиция облегчалась тем обстоятельством, что германской политике в мирное время не удалось провести чрез румынский парламент одобрение заключенного с Румынией договора, благодаря чему он и мог лишь получить настоящую силу. Затруднялась же позиция наличностью деятельной партии в стране завзятых руссофилов и франкофилов. Последние бурно требовали присоединения к антанте. Их отлично поддерживали ловкие дипломаты, работавшие с неограниченным запасом денежных средств.

Немецкий генеральный штаб, предвидя такой ход вещей, во время мира больше уже серьезно не рассчитывал на присоединение Румынии в случае войны. Однако же колеблющееся положение Румынии создавало неприятные последствия в ходе войны для срединных держав. На Австро-Венгрии постоянно сказывался с этой стороны ощутительный нажим. Связь с Турцией и Болгарией встречала сильные препоны, а временами почти прерывалась. Положениями международного права о нейтралитете Румыния орудовала далеко не в благоприятном для срединных держав смысле, но так, что придраться было почти не к чему.

С началом дарданелльской операции это сказалось еще яснее. Поэтому уже весной 1915 года пришлось рассмотреть вопрос, не будет ли целесообразным заставить Румынию силою оружия занять позицию, более отвечающую ее нравственным обязательствам. Ответ был отрицательный. Пока русский нажим в Венгрии и Галиции тяготел над Австро-Венгрией полным своим весом, какая-либо операция против Румынии или через нее была невозможна. Для этого не располагали нужными силами, хотя сила сопротивления Румынии, считаясь с недостатком у нее оружия и снаряжения, признавалась тогда невысокой.

Вопрос вновь выплыл на сцену, когда на исходе лета 1915 г. предстояло решить вопрос, желательно ли открыть путь на юго-восток через Румынию или через Сербию. Начальник генераяьного штаба остановился на пути чрез Сербию. Правда, новый союзник, Болгария, не пред'являла никаких возражений и против похода на Румынию. Наоборот, при крепкой ненависти, тлевшей в каждом болгарском сердце против друга-изменника в балканскую войну, Болгария при других обстоятельствах с радостью пошла бы на это. Но с другой стороны еще более сильное желание возможно скорее отобрать отторгнутые с того времени Сербией старые болгарские области, в связи с недостаточным боевым снаряжением, делали необходимым остановиться на наиболее коротком пути. А он вел через Сербию. Даже если не считаться с вышеуказанными соображениями, пришлось бы все равно решиться выбрать именно этот путь. Болгария не могла вести операций против Румынии, пока ее южный и западный фланги не были обеспечены против Греции и Сербии. Внутреннее положение Австро-Венгрии, именно после начала итальянского наступления, настойчиво требовало устранения юго-славянской опасности, которая продолжала бы тлеть под пеплом, пока Сербия не была бы окончательно разгромлена.

Впрочем, существенное улучшение в позиции Румынии уже наступило после прорыва Горлица—Тарнов. Ее границы почти к каждым днем открывались все более и более. Быстрый разгром Сербии усилил благоприятный ход вещей.

Дело дошло до переговоров о больших румынских поставках зерном, которые могли бы смягчить надвигающуюся в Германии, а еще более в Турции, нужду в жизненных припасах и в фураже. Казалось, являлась возможность из румынских же источников удовлетворить столь настоятельную нужду в нефти.

Конечно, в немецкой главной квартире предупредительное отношение румынских властей никого не вводило в заблуждение относительно их настоящего образа мыслей. Каждому было ясно, что такое отношение вытекает из условий вынужденного состояния и что оно могло бы превратиться в нечто противоположное, раз такое состояние стало бы иным. Поэтому считали нужным крепко проводить идею в конце концов вывести вопрос с Румынией на чистоту. В этих-то преимущественно целях и были удержаны по большей части в южной Венгрии войска, взятые с фронта Макензена в оба последние месяца 1915 г. и в январе 1916 г. При посещении болгарским царем главной немецкой квартиры в начале 1916 г. начальник генерального штаба пришел к соглашению с генералом Жековым, представителем болгарского главнокомандующего, что Румынии должен быть пред'явлен краткосрочный ультиматум и, если бы на него не получился удовлетворительный ответ, то считалось нужным приступить к общему наступлению. Но могли ли болгары выполнить взятые на себя обязательства, оставалось все же под сомнением. Недостатки, от которых страдали их войска на греческой границе, и весьма слабая провозоспособность путей, ведших туда от Дуная, являлись очень серьезным препятствием.

До осуществления соглашения однако не дошло. Румыния выполнила в неоспоримом порядке заключенный к этому времени договор о поставках. Рядом с ним она создала эквивалентное отношение к антанте тем, что вступила с нею в такой же договор. Однако это обстоятельство не изменило того, что румынские поставки смягчили сильную нужду в Германии, а особенно в Турции. Также вновь были восстановлены и другие хозяйственные связи. Политическое положение сделалось даже менее напряженным, что по мнению

дипломатии оправдывало некоторые надежды на будущее. Однако не удавалось, да и не было шансов, что удастся дипломатическим путем побудить Румынию крепко примкнуть к срединным державам. Даже и применение последнего из этих средств, а именно ультиматума, не должно было, как полагала дипломатия, дать результатов. Уже одно пред'явление его создало бы временный перерыв в доставке зерна, а последующее наступление на Румынию союзников порвало бы доставку на неопределенное время. Но такой ход событий, при учете хозяйственного положения в Германии и Турции, нельзя было считать выгодным. Поэтому намеченное предприятие было пока отставлено. Отсрочка искупалась тем, что она допускала полное выполнение договора с Румынией и, с этим, обеспечение как жизненными припасами, так и сырьем, что к этому моменту считалось необходимым. Насколько трудно осуществить подобные достатки из завоеванной страны, это достаточно показал позднейший опыт с Румынией и с Украйной. В этом отношении расчет был, конечно, верен. Другой вопрос, не принесла ли бы эта рубка узла мечом в конце-концов лучших плодов для общего хода войны. Тем, которые склонны к такому взгляду [1]), можно возразить, что основание, на котором они базируются, в действительности неустойчиво. Могли ли срединные державы выдержать, если бы в 1916 году им не подвозились из Румынии ни жизненные припасы, ни нефть? Могла ли Германия в 1916 г. удержаться на западном фронте, если бы она до сражения на Маасе и Сомме прикрепила к Черному морю свои слабые резервы? Кто не сможет ответить на эти вопросы категорическим образом, должен быть осторожен в своих суждениях. Кроме того, не нужно упускать из виду, что окончательный переход Румынии на сторону антанты был вызван событием, которое не было и не могло быть предвидено, а именно: разгромом австро-венгерского фронта летом 1916 г. со стороны противника, конечно, не

---

[1]) В кругу Людендорфа, повидимому, верили в спасительность этой рубки узла мечом; этому-то кругу автор и отвечает.
Прим. ред.

имевшего в обстановке восточного театра явного перевеса в силах.

При обсуждении сербского похода было упомянуто, что он также положил конец и угрозе Дарданеллам. Англичане и французы не осмелились, после того как они отдали силы для обороны Салоник, ждать результатов той поддержки, которая потекла из Германии непосредственно к туркам по открытии связи по Дунаю и железнодорожного пути. В первую голову это была поддержка военным материалом. В январе 1916 года они очистили Галлиполи совершенно и окончательно. С уверенностью можно было предусмотреть, что после столь ужасных испытаний и после столь тяжелого морального потрясения противник не станет вновь повторять на этом месте свою попытку. Через это освобождались силы, которые в условиях Турции, сильно истощенной почти шестилетней непрерывной войной, являлись значительными. Всегда готовое к жертвам турецкое командование предложило применить их в Европе, но это пока что являлось нецелесообразным. От войск, которые по немецким понятиям были недостаточно снаряжены и дурно одеты, а также и необучены, нельзя было в ближайшие месяцы ожидать какой-либо пользы на европейском театре войны. Да и на пути их перевозки по жел. дорогам стояли прежде всего непреодолимые технические преграды. Принимая же во внимание внутренние дела Турции, а особенно арабскую опасность, являлось бо́льшею необходимостью, чтобы войска были применены в турецких провинциях Азии для устранения нажима антанты. Поэтому временно приходилось отказаться от применения турецких частей, причем было высказано пожелание, чтобы те войсковые части, которых нельзя было применить в Азии из-за малой провозоспособности единственного идущего туда железнодорожного пути, даже не сквозного, были на всякий случай приведены в такое состояние, которое делало бы возможным их последующее применение на европейском театре войны.

Для операций в Азии начальник генерального штаба предложил новую попытку против Суэцкого канала. Подобная попытка, в виду того, что англичане в конце 1915 г.

главные свои усилия направили на взятие Багдада, имела некоторые шансы на успех и могла также служить для оттяжки войск из Салоник и Ирака. Применение войск, предназначенных в Суэцкую операцию для мероприятий по обороне Багдада исключалось в виду транспортных и продовольственных затруднений. В этом отношении приходилось ограничиться ожиданием подхода дивизии, направленной туда несколько месяцев тому назад, доставлением находившегося в пути военного материала и влиянием генерал-фельдмаршала барона фон-дер-Гольца, который отправился на этот фронт. Ничего другого, как только ожидать, не оставалось делать и на армянском фронте. При огромных расстояниях, дурных путях сообщений и продовольственных затруднениях в истощенной стране подкрепления могли приходить туда лишь в ограниченном количестве и мало-помалу, не смотря на то, что приходилось с тревогой ожидать предстоящего русского наступления. Подготовка к нему, насколько было известно, была предпринята тотчас же по прибытии великого князя Николая Николаевича, когда последний поздней осенью из-за поражения на западном фронте должен был обменять пост верховного главнокомандующего на главное командование кавказским фронтом.

Уже было упомянуто, что начальник генерального штаба не мог примкнуть ко взгляду своего австро-венгерского коллеги на общее дальнейшее ведение войны. Его собственные выводы покоились на рассуждениях, которые он изложил на рождестве 1915 года в докладе его величеству императору, как основу, в следующем виде:

„Франция в военном и хозяйственном отношениях — последнее из-за длительного лишения угольных копей на своем северо-востоке — ослаблена почти до пределов возможного. Боевая мощь России не вполне надломлена, но ее наступательная сила однако настолько подорвана, что она не может подняться, и приблизительно, на прежнюю высоту. Армия Сербии может считаться уничтоженной. Италия без сомнения сообразила, что в ближайшее время она не может рассчитывать на удовлетворение своих грабительских аппети-

тов и, вероятно, была бы довольна, если бы могла поскорее ликвидировать авантюру каким-либо приличным образом.

Если из этих фактов не было сделано каких-либо заключений, то это зависело от многих явлений, при рассмотрении которых нет нужды входить в их подробный анализ. Однако, нельзя пройти мимо самого главного фактора. Это—чудовищное давление, которое по старому оказывает Англия на своих союзников.

Хотя и удалось тяжко потрясти британскую твердыню, лучшим доказательством чего является предстоящий ее переход ко всеобщей воинской повинности, но этот же факт является доказательством того, на какие жертвы способна Англия, чтобы достигнуть намеченной цели устранения надолго соперника, который ей кажется наиболее опасным. История борьбы Англии против Нидерландов, Испании, Франции и Наполеона повторяется. Пощады от такого врага ждать Германии не приходится, пока у него еще остается кое-какая надежда достигнуть своей цели. Попытка соглашения, которая исходила бы от Германии, только подкрепила бы волю к борьбе Англии, так как она, по своей манере смотреть на вещи, сочла бы эту попытку лишь за признак ослабления немецкой воли к победе.

Англия, в которой привыкли трезво взвешивать шансы, едва ли может расчитывать добить нас чисто военными средствами. Очевидно, она строит свои расчеты на войне на истощение. Уверенность, что она таковой положит Германию на лопатки, мы сломить не могли. В этой уверенности враг черпает силу к дальнейшей борьбе и этой же уверенностью он длительно подогревает своих компанионов.

Надо отнять у него эту уверенность. Простое выжидание в процессе обороны, само по себе очень возможное, в конце концов не отвечает цели. Врагам притекает, ввиду их превосходства в людях и средствах, более сил, чем нам. При таких обстоятельствах должен наступить момент, когда жесткое соотношение сил более уже не оставит Германии больших надежд. Возможность выдержать у наших союзников ограничена, наша же, во всяком случае, не безгранична. Очень

возможно, что ближайшая зима или, если Румыния будет продолжать поставки, следующая за ней зима, раз до того не будет достигнуто решение, вызовет у членов четверного союза продовольственный и, как его всегдашнее следствие, социальный и политический кризис. Его нужно избежать, и он может быть избегнут. Но времени, конечно, терять нельзя. Англии нужно показать воочию безнадежность ее начинаний.

Конечно, в этом случае, также как и при многих высших стратегических решениях, гораздо проще установить, что должно произойти, чем искать, как это может и должно быть выполнено.

Ближайшим средством была бы попытка нанести решительный удар Англии на суше. При этом разумеются не ее острова, которые для наших войск, как авторитетно считают моряки, не достижимы. Наши устремления могут скорее направиться лишь против тех районов суши, где борется сама Англия. На материке Европы мы совершенно уверены в наших силах и работаем с определенными величинами. Поэтому должны быть сразу же отброшены предприятия на востоке, где Англия также могла бы быть затронута непосредственно. Успехи у Салоник, Суэцкого канала и Ирака были бы для нас полезны в той мере, что они углубили бы у народов Средиземного моря и в магометанском мире пробудившееся недоверие к непобедимости Англии и связали бы британские силы в далеких странах. Неудачи на Востоке могут заметно повредить нам у наших союзников. Однако, решительного исхода для войны, как ожидают мечтающие о походе Александра на Индию, или на Египет, или о сокрушительном наступлении на Салоники, ожидать не приходится. Наши союзники не располагают для этого нужными средствами. Мы же из-за дурных путей сообщения не в силах подвезти им таковые. А Англия, которая сумела переварить Антверпен и Салоники, также выдержала бы поражения и в этих далеких странах.

Если вернуться теперь от них назад, туда, где Англия в Европе может быть поражена на суше, то нельзя закрывать глаза на то, что здесь приходится стоять пред исключительно трудной задачей.

Во Фландрии, севернее высот Лоретто, особенность местности до средины весны мешает операциям, преследующим крупные цели. Южнее этого района осуществление подобных операций, по мнению местных начальников, потребовало бы около 30 дивизий. Такое же число понадобилось бы и в случае наступления на северном участке. Но для нас нет возможности сосредоточить такие силы в одном месте нашего фронта. Если бы даже с немецких участков в Македонии и Галиции, вопреки всяких политических и военных соображений, а также и осторожности, было снято еще несколько дивизий, сверх того, что было предположено—на фронте севернее Припяти, по сообщению штаба фронта, это не допустимо,— то и тогда число общих резервов во Франции поднялось бы немногим выше 25—26 дивизий. Если же уложить их все на одну и ту же операцию, то весь прочий фронт оказался бы лишенным резервов до последнего человека. Принять на себя тяжесть вытекающих отсюда опасностей для наших самых чувствительных районов — Шампань, Вевр, Лотарингия — вместе с риском оказаться не в силах подать руку помощи нашим союзникам в случае нужды, при обычно затяжном ходе теперешних чисто фронтальных боев, никто бы не решился [1]).

Уроки, вытекающие из неудачных массовых наступлений наших врагов, решительно говорят против применения подобных боевых методов. Попытки массовых прорывов против морально нетронутого, хорошо вооруженного и численно не особенно уступающего врага, даже при величайших накоплениях людьми и средствами, могут считаться только безнадежными. Обороняющемуся в большинстве случаев удается заполнить прорванные места фронта. Это удается ему легко, если он решится на добровольный отход, а помешать ему в этом едва ли можно. Полученные тогда выступы, в высокой степени подверженные действию фланкирующего огня, угрожают стать общей могилой. Технические трудности вождения и снабжения масс становятся при этом столь большими, что они кажутся едва преодолимы.

[1]) См. приложение. „Соотношение сил на западном театре войны“ под рубрикой 5.

Точно также придется отсоветовать попытку произвести операцию против английского фронта с более слабыми средствами. Ее можно было бы рекомендовать лишь в том случае, если бы можно было поставить ей непосредственно доступную цель. Такой на лицо нет. Задача непременно заключалась бы в том, чтобы почти выгнать англичан с материка Европы и оттеснить французов за Сомму. Раз хотя бы этот успех не был достигнут, наступление должно было бы считаться бесцельным. Но если даже и он будет достигнут, конечная цель этим все же не будет обеспечена, так как нужно ждать, что Англия и тогда не уступит, а Франция тяжко потрясена этим не будет. Для этого понадобилось бы начало новой операции. Но еще большой вопрос, будет ли Германия располагать для нее нужными средствами. Мысль создать таковые в большом размере, путем новых формирований, на эту зиму должна быть оставлена. Проведение этой мысли при удручающем недостатке надежно подготовленных начальников не принесло бы существенной военной пользы и грозило бы положение в стране натянуть до опасных пределов.

Итог вышеизложенного обследования ведет к тому, что нельзя рекомендовать производства наступления на английский фронт с целями решительного результата, разве только к тому представилась бы возможность в форме контр-удара. Конечно, это очень печально с точки зрения наших чувств к основному нашему врагу в этой войне. Но это будет терпимо, если вдуматься в то, что война собственными силами на континенте Европы по существу является для Англии побочным делом. Ее настоящим оружием здесь являются французские, русские и итальянские войска. Если мы устраним их из войны, Англия останется против нас одинокой. Трудно тогда допустить, что и при таких обстоятельствах она будет продолжать держаться своих целей уничтожения. Уверенности, что она уступит, конечно, питать нельзя, но на лицо есть высокая вероятность этого. Большее на войне редко достигается.

Тем более необходимым представляется одновременно и беспощадно пустить в ход все те средства, которые были бы

способны вредить Англии в ее собственной области. Сюда войдут подводная война и организация политической и хозяйственной связи Германии не только со своими союзниками, но и со всеми государствами, еще не вовлеченными полностью в русло интересов Англии. Обсуждать эту связь не входит в задачи настоящего доклада. Решение задачи принадлежит исключительно политическому руководству.

Но подводная война является военным средством, как и всякое другое. Общее руководство войной обязано установить свою позицию в этом вопросе.

Подводная война имеет целью ударить врага по наиболее уязвимому месту, пытаясь перерезать ему подвоз морем. Если определенные предсказания флота о том, что беспощадная подводная война должна в течение 1916 г. понудить Англию изменить свой тон (zum Einlenken) исполнятся, то теперь можно было бы примириться даже с возможностью враждебного отношения со стороны Соединенных Штатов. Их вступление в войну не может оказать столь быстро воздействующего влияния, чтобы Англию, которая видит появление на своих островах чудовища—голода и многих других нужд, оно могло побудить к дальнейшей борьбе. Эта радостная картина грядущего омрачается одной тенью. В основе ее положено предположение, что флот не ошибается. Достаточного опыта в этой области не имеется. Тот опыт, которым мы располагаем, не вполне утешителен. Но с другой стороны, данные для расчетов об увеличении числа подводных лодок, как и успешная подготовка личного состава для них, существенно изменились в нашу пользу. Поэтому, с военной точки зрения не было бы оправданий, если бы в дальнейшем захотели отказаться от этого, повидимому, наидействительнейшего военного средства. Право его беспощадного применения после беспощадного поведения Британии на морях принадлежит Германии. Американцы, как тайные союзники Англии, не признают этого. Но при сильной дипломатической защите немецкой точки зрения, сомнительно, чтобы они решились перейти к активным действиям на континенте Европы. Но еще сомнительнее, чтобы они могли своевременно вступить в дело с достаточными

силами [1]). Поэтому отказ от беспощадной подводной войны, по уверению единственных знатоков дела, равносилен отказу от несомненной и чрезвычайно ценной выгоды и притом из опасения потери, хотя и тяжелой, но только предположительной. В положении Германии это недопустимо.

Что касается вопроса, как поступить с орудиями Англии на континенте, то Австро-Венгрия убедительно настаивает на скорейшем сведении счетов с Италией. С этим предложением нельзя согласиться. Осуществление его принесло бы облегчение и будущие выгоды только Австро-Венгрии, но не общему ходу войны непосредственно. Даже откол Италии от антанты, что едва ли мыслимо, не окажет на Англию заметного влияния. Итальянские военные подвиги столь незначительны, Италия при всех обстоятельствах остается в столь ежевых рукавицах Англии, что было бы странно ошибаться в этом отношении. Сверх того, итальянец принадлежит к тем из наших противников, внутреннее состояние которого скоро сделает невозможным для него активное продолжение войны, если австро-венгерская армия хоть до некоторой степени и дальше выполнит свою обязанность. А будет ли ускорен или замедлен наступлением с нашей стороны этот благоприятный ход вещей, никто не знает. Поэтому целесообразнее не нарушать его, раз дальнейшее прикрепление австро-венгерских сил к итальянскому фронту не желательно, ввиду их задач на востоке.

Нечто подобное имеет место и по отношению к России. По всем сведениям внутренние затруднения этого исполинского государства быстро растут. Если революции в большом масштабе, может быть, и нельзя еще ожидать, то можно однако питать уверенность, что Россия своими внутренними неурядицами (innere Nöte) в сравнительно скорое время будет принуждена к уступкам. При этом можно допустить, что ей не удастся за это время освежить свою военную репутацию. Но и это не должно нас беспокоить. Наоборот, вероятно, что каждая подобная попытка своими потерями лишь ускорит внутренний развал. А кроме того, для нас реши-

[1]) Последующее показало, как тяжко ошибался автор.
Прим. ред.

тельное наступление на востоке из-за погоды и условий местности исключается вплоть до апреля, если мы не пожелаем вновь взвалить на плечи войск совершенно несоответственные напряжения, что к тому же запрещают условия пополнения. В качестве направления можно было бы подумать только о таковом в богатые области Украины, но пути туда во всех отношениях не достаточны. Побудить к этому могло бы предположение, что мы или уверены в связи с нами Румынии, или решимся ее побороть. Но и то и другое пока не своевременно. Удар на миллионный город Петроград, который при более счастливом ходе операции мы должны были бы осуществлять из наших слабых рессурсов, не сулит решительного результата. Движение на Москву ведет нас в область безбрежного. Ни для одного из этих предприятий мы не располагаем достаточными силами. Поэтому Россия, как об'ект наступлений, исключается. Остается одна Франция.

Этот вывод, созданный путем исключения (auf negativem Wege), к счастью подкрепляется и говорящими в его пользу положительными данными.

Было уже подчеркнуто, что Франция в своих напряжениях дошла до пределов едва уже выносимого, впрочем,— с достойным удивления самопожертвованием. Если удастся ясно доказать ее народу, что ему в военном отношении не на что более расчитывать, тогда предел будет перейден, лучший меч будет выбит из рук Англии. Для этого не нужно сомнительное и превосходящее наши силы средство массового прорыва. И с ограниченными силами, повидимому, может быть достаточно сделано для этой цели. Позади французского участка на западном фронте имеются в пределах нашего достижения цели, для защиты которых французское командование будет вынуждено пожертвовать последним человеком. Но если оно это сделает, то Франция истечет кровью, так как иного исхода нет, и притом одинаково, достигнем ли мы самой цели или нет. Если же оно не сделает этого, и цель попадет в наши руки, тогда моральное впечатление во Франции будет чудовищным. Для операции, пространственно столь ограниченной, Германии

не придется пожертвовать столь много сил, чтобы все другие фронты ее оказались значительно обнаженными. Можно с уверенностью расчитывать на предупреждение вероятных отвлекающих операций, сохраняя в достаточном количестве силы, чтобы на удары отвечать контр-ударами. Ибо останется простор вести наступление быстро или медленно, иногда прерывать его или усиливать, как это будет отвечать обстановке.

Целями, о которых здесь идет речь, являются Бельфор и Верден.

Вышесказанное подходит к обоим. И все же Верден заслуживает предпочтения [1]). По прежнему французские линии проходят там в каких-либо 20 километрах расстояния от немецкой железнодорожной сети. По прежнему Верден является наиболее мощной опорой для всякой неприятельской попытки сорвать весь немецкий фронт во Франции и Бельгии с относительно небольшими силами. Устранение этой опасности, как побочная цель, с военной точки зрения столь важно, что по сравнению с нею политический успех, попутно достигаемый при атаке на Бельфор, а именно очищение юго-западного Эльзаса, имеет слабую ценность".—

Осуществление мыслей, развитых в этом докладе, было решено на Рождестве 1916 года. Но прежде чем можно было приступить к началу, пришлось уже отказаться от важнейшей части общего плана.

Когда в феврале месяце должна была начаться беспощадная подводная война, рейхсканцлер заявил против этого возражение. Он хотел отсрочки на несколько недель—до начала апреля,—чтобы в течение этого срока еще раз попы-

[1]) Бауер, в цитир. не раз труде (Der grosse Krieg), говорит, что штабу пришлось сначала *отговаривать* Фалькенгайна от Бельфора в пользу Вердена, и удалось это, повидимому, не легко, а кронпринц говорит определенно, что вопрос о Вердене—Бельфоре и именно в пользу Вердена был решен Фалькенгайном совместно с генер. Кнобельсдорфом в Берлине. (Kronprinz Wilhelm. Meine Erinnerungen aus Deutschlands Heldenkampf. Berlin. 1923. 368. (См. стр. 159).

Прим. ред.

таться переубедить Соединенные Штаты. Возражению, что мы, по имевшемуся до сих пор опыту, не должны ожидать чего-либо от переговоров и что нет лучшего времени для начала деятельности подводных лодок, как время агитационного периода пред президентскими выборами, канцлер придал так же мало значения, как и беспокойству о том, что более позднее начало может нанести ущерб самому успеху подводной войны. В этом пункте он был поддержан измененной позицией начальника штаба морского флота, вице-адмирала ф.-Гольцендорфа, который теперь усвоил тот же взгляд, что короткая отсрочка существенно не повредит конечному результату, т.-е. надлому Англии в течение 1916 г., так как законченные за это время новые постройки восполнят потерянное время. Решение склонилось в сторону временной отсрочки беспощадной подводной войны. Подводным лодкам было пока предоставлено право свободного нападения без предупреждений только на вооруженные неприятельские торговые суда. Ссылка начальника генерального штаба на то, что этот способ воевания ничего не стоит, так как не даст никаких действительных результатов, а между тем вследствие неизбежных ошибок командиров лодок при решении вопроса, вооружено ли судно или нет, все же приведет к осложнениям с нейтральными странами, не вызвала к себе внимания.

Дело при этом, однако, касалось не одной только отсрочки. Прежде чем канцлеру посчастливилось, как надеялись, создать иное настроение в Соединенных Штатах, произошло, вследствие потопления невооруженного торгового судна „Суссекс“, то, чего можно было ожидать. Америка в неслыханной как по форме, так и по содержанию ноте потребовала, чтобы в будущем подводная война велась только в формах, предписанных международными договорами для крейсерской войны. Даже у величайшего оптимиста после этого не могло оставаться никакого сомнения относительно позиции Соединенных Штатов. Продолжать считаться с ними становилось не только бесцельно, но в силу потери времени даже опасно. Начальник генерального штаба поэтому в апреле месяце вновь потребовал немедленного начала беспощадной под-

водной войны. Он требовал ее тем более настоятельно, что начальник морского генерального штаба уверял, что относительно наступательного содействия в войне морских сил он упорно продолжает оставаться при своем известном мнении, что оно не может проявиться в иной форме, чем подводная война.

Лишь при исключительно благоприятных тактически обстоятельствах может оказаться разумным введение в дело флота. Иначе при существующем соотношении сил нет никакой надежды на успех, а разве только опасность, что операция, ищущая решительного исхода, кончится серьезным ослаблением флота. А это может поставить под сомнение не только оборону берегов, но также и господство на Балтийском море, а это последнее, из-за ввоза металлов из Швеции, также безусловно должно быть сохранено, как и обеспечение берегов.

Этот взгляд, как, забегая вперед, может быть здесь отмечено, не был опровергнут, как якобы лживый, результатами единственного большого морского боя во время войны. Бой этот несколько недель спустя, 31 мая, был проведен как встречный или случайный бой пред Скагерраком. Он доставил неувядаемые лавры слишком скоро поблекшему немецкому флагу, но несомненно, он не доказал, что взгляд морского штаба на теперешнее применение немецкого флота был ошибочен. Дало ли бы быстрое введение флота для решительных действий уже в первые дни войны, как часто утверждалось, другие результаты, пусть этот вопрос останется открытым.

В вопросе о подводной войне политическое руководство не примкнуло к начальнику генерального штаба. Его нельзя было свести с его точки зрения и подчеркиванием той мысли, что своевременное применение беспощадной подводной войны явилось бы существенной составной частью нашего ведения войны и наших военных упований. Свой взгляд политическое руководство фактически проявило в том, что оно сообщило американскому послу об отказе Германии от беспощадной подводной войны, не предупредив даже о том начальника генерального штаба. Когда последний узнал об

этом, он счел себя обязанным в конечном итоге примириться с совершенным шагом. Если бы он против воли императора настаивал на своей просьбе дать ему личный выход из положения освобождением от обязанностей службы, то это было бы понято, как демонстрация против уже отданного императорского приказа, а таким путем противоречие в этом вопросе между военным и политическим руководствами стало бы известным и вне,—к невыгоде Германии.

Фактически, уже нельзя было изменить совершившегося; во всямом случае, было потеряно столько времени, что в высокой степени было сомнительно, чтобы в текущем году, т.-е. до начала дурной погоды осенью, можно было достигнуть действительно решительных результатов. При таких условиях было целесообразнее пока избежать опасности перехода Америки в ряды открытых врагов Германии, т.-е. отложить решение вопроса о применении беспощадной подводной войны до того момента, когда выяснятся перспективы текущих сухопутных операций. Только определенные уверения флота могли бы оправдать иную позицию в вопросе, но получить их тогда не было возможно. Поэтому же были отклонены не раз предлагавшиеся летом 1916 года попытки предоставить полную свободу действий в ограниченных зонах, напр., в Ламанше или Ирландском море. Это были полумеры. В действительности, рациональной пользы от них ждать не приходилось, а только несомненного разрыва с Америкой.

IX. СРАЖЕНИЕ 1916 ГОДА.

Верден.

См. схему 4.

Задолго до того, как подлежащим командным инстанциям было сообщено рассмотренное в предшествующей главе решение: наступать в районе Мааса в направлении на Верден, в верхнем Эльзасе, в арм. группе Гэде были предписаны обширные подготовительные работы к наступлению для введения в заблуждение не только врагов, но и друзей. Нечто подобное же, если и в более ограниченном размере, было исполнено в 4-й, 5-й, 6-й и 3-й армиях. Работы продолжались и тогда, когда в районе Мааса после дней Рождества 1915 г. уже серьезно началась подготовка к намеченной операции. Этим путем в действительности удалось долго держать врага в неведении относительно выбранного участка атаки. Первые более надежные сведения, казалось, дошли до него в последние дни января или скорее даже в феврале вследствие необдуманного раскрытия тайны в общественных кругах Берлина и через одного перебежчика. Этот факт вновь подтверждает, как необходимо строжайшее хранение в тайне будущих намерений, в частности от своей даже стороны.

На план операции исключительно сильно повлияли особенности местности и почвы затронутого операцией района.

Под'ем из долины Вевра, сильно заболоченный во время мокрой погоды зимой и весной, на крутые склоны Мааских высот [1]) с востока был настолько труден, что его для главной

[1]) Автор говорит просто Côtes, т.-е. Côtes de Meuse. *Прим. ред.*

операции нельзя было иметь ввиду. И лишь когда благодаря удару создавался бы свободный доступ на высоты, получалась перспектива возможности вести таковую операцию с успехом. Против организации удара с юга решительно говорило то обстоятельство, что тамошние горы, бездорожные и покрытые густыми перелесками, были трудно проходимы, а для сомкнутых войсковых частей или повозок были бы проходимы, вероятно, только после трудных дорожных работ.

Это одинаково относилось и к участку Аргонн.

Если перенести атаку далее к западу, в область Эна или в Шампань, то это уже не отвечало бы содержанию руководящих идей, ибо привело бы к операции прорыва по известной схеме. А ее-то и хотелось избежать, во внимание к общему положению дел и ограниченности имеющихся средств для исполнения такой операции. По ту сторону Аргонн нельзя было достигнуть цели: нанести противнику возможно больший вред с возможно меньшей собственной потерей в людях. Противнику оставался там большой простор, чтобы уклониться, в то время как мы не располагали силами, чтобы его без конца преследовать.

Поэтому, для проведения операций оставалось лишь пространство к северу от Вердена по обе стороны Мааса от подошвы Аргонн на западе до Орнской низменности на востоке. Ширина участка от 40 до 50 километров. Если бы решили использовать его для атаки во всю его ширину, то это потребовало бы применения гораздо большего количества войск, артиллерии и снарядов, чем то, которым мы располагали. Увеличить общий резерв на всем западном фронте больше, чем до 26 дивизий, нельзя было. Правда, некоторое время думали, что выпрямлением некоторых участков и в первую голову выпуклой дуги между Аррасом и районом южнее Лаона можно будет достичь существенного увеличения резервов, но внимательное исследование на местах, однако, показывало, что надежда была обманчива. При жидком занятии фронта этим путем можно было „выкроить" (auszusparen) не более 2—3 дивизий. Приращение сил в резервах благодаря выпрямлению приходилось считать относительно слишком недостаточным, чтобы сгладить бесчис-

ленные невыгоды, которые являлись следствием упомянутых мероприятий. Для постройки новых позиций даже приблизительно не хватало имеющихся на фронте рабочих сил. Пришлось бы для этой цели родину, уже испытывавшую тяжелую нужду, подвергнуть и дальше очень ощутительному истощению. Это же одинаково относилось и до позиционного строительного материала. Однако, нельзя было бы ожидать, чтобы линии в течение немногих недель можно было бы создать приблизительно той же силы, какая достигается трудом более чем двенадцати месяцев. Очень важные, часто незаменимые, технические сооружения были бы потеряны, важные железнодорожные линии за фронтом были бы разрушены и прерваны. Начальник генерального штаба считал эти соображения столь вескими, что уклонение от принципа — в позиционной войне раз достигнутое уступать лишь при совершенно надежных и решительных выгодах—считал недопустимым.

По крайней мере треть общих резервов должна была оставаться позади тех участков общего фронта, против которых отвлекающие операции были очень вероятны. А так как весь немецкий фронт, если не считать общих резервов, оказывался занятым едва одним человеком на погонный метр, такая осмотрительность была необходима.

Расчитывать на значительное увеличение резервов западного фронта путем подвоза войсковых частей с других театров войны не приходилось. Что еще не было намечено здесь к отправке, по донесению штабов местных фронтов не могло уже быть взято. И если бы здесь была перейдена граница допустимого, то могли возникнуть серьезные опасности.

Положение вопроса о пополнениях в стране в связи с поддержанием народного хозяйства, а также соображения о недостатке в начальниках, пока не допускали создания новых более сильных войсковых единиц всех родов войск. Приходилось довольствоваться лишь проведением в большинстве случаев формирования настоятельно нужных новых артиллерийских и лётных единиц.

Внимательно было продумано, не было ли полезным позаимствовать силы у союзников. Мысль оказалась

невыполнимой. Турция еще не располагала войсками, которые по их обучении и снаряжении можно было бы применить во Франции. Болгары не были обязаны помощью вне Балканского полуострова. Их войска, если бы даже оказалось возможным привлечь их на восточный или западный фронты, пришлось бы применять здесь против их желания. От их ослабления на Балканах можно было опасаться неблагоприятного влияния на позиции как Румынии, так и Греции. Наконец, австро-венгерские войска в их целом для очень трудной борьбы на западе приходилось считать и не особенно пригодными, и недостаточно подготовленными. Тот отрадный факт, что они на итальянской границе оказывали упорное сопротивление значительно превосходящим их силам, только кажущимся образом опровергает этот взгляд. Значительная часть заслуги в этом случае должна быть приписана слабой наступательной силе итальянцев и благоприятным условиям местности. В случае применения австро-венгерских войск на западе, опасность контр-ударов, как на западе, так и на востоке, вероятно, не прекратилась бы. Эти результаты угрожали перевесить выгоды содействия, тем более, что, по мнению германской главной квартиры, Австро-Венгрия нуждалась во всех своих действительно надежных войсках, т.-е. вообще тех, куда входили немецкие и венгерские элементы, для обеспечения своих собственных фронтов. Точно также всей наличности ее вооруженных сил едва-едва хватало, чтобы в общем об'еме войны выполнить естественно лежащие на ней обязанности,— на востоке, в Сербии и на итальянском фронте. Все попрежнему двойственной монархии не удавалось, несмотря на немецкие настояния, хотя бы приблизительно увеличить свои вооруженные силы в том масштабе, как этого достигла Германия. Устранить с достаточной быстротой свои внутренние органические недочеты было для Австрии, вероятно, вообще невозможно или, по крайней мере, невозможно в течение войны. И все же без сомнения в этом направлении можно было бы сделать значительно больше, если бы руководящие круги Австро-Венгрии серьезно задумались над тем, чтобы положить рано или поздно конец непрерывному „отлы-

нивание". (Fortwursteln). Этого не случилось даже со стороны самого австро-венгерского главного командования. И в нем держался расчет на то, что Германия в конце концев всегда будет вынуждена помочь.

Наступление по восточному берегу Мааса.

В роли ударных частей по вышеприведенному расчету для западного фронта могли выступить таким образом шестнадцать или семнадцать дивизий. Девять из них были нужны для первого удара по правому—восточному—берегу Мааса, если его хотели вести с достаточным напором. Дальнейшее число должно было быть готовым для смены дерущихся частей, чтобы придать операции планомерную устойчивость. Что только здесь мог быть нанесен главный удар, само собою вытекало из обтановки. Острый далеко выдвигающийся угол, образованный неприятельским фронтом на северо-восток от форта Дуомон, представлял с самого начала такие перспективы охвата, какие вообще редко можно найти в позиционной войне. Получалась надежда и в дальнейшем развитии операции надолго сохранить значительную выгоду охватного действия.

Не была упущена из виду опасность, что при наступательном движении в районе восточнее Мааса, войска скоро могут очутиться под фланкирующим артиллерийским огнем противника с западного берега. Эта опасность могла быть ослаблена только продвижением наших позиций и на этом берегу, т.-е. атакою же. Но для нее, согласно данному выше расчету, оставалось относительно мало сил. Было очень сомнительно, чтобы эти войска, если бы они повели наступление одновременно с войсками восточного берега или даже раньше их, имели бы успех. Им пришлось бы в этом случае брать в лоб не разрушенную, хорошо оборудованную и занятую превосходными силами позицию, и притом, на очень узком фронте. И, кроме того, операции на западном берегу совершенно не благоприятствовали условия местности. А если бы атака здесь не удалась, то опасное фланкирование восточного берега, вероятно, осталось бы на долго,

так как на-лицо уже не было бы сил для повторной попытки.

Но условия атаки по западному берегу могли существенно измениться, если бы она последовала позднее, чем атака по восточному берегу. Можно было определенно расчитывать на большой начальный успех сильного удара именно на востоке. Его воздействие на другой берег должно было бы сказаться в том направлении, что французы, вероятно, были бы принуждены, чтобы его парировать, прибегнуть прежде всего к войскам, находящимся под рукою на западном берегу. Поэтому здесь предвиделось ослабление сил. Еще существеннее было то обстоятельство, что с восточного берега, если бы атака здесь продвинулась только лишь на несколько километров, становилось возможным действительное фланкирование нашим огнем передовых французских линий западного берега, а это существенно облегчало нашу атаку по этому берегу. Начальник генерального штаба решил поэтому приказать начать атаку на западе позднее [1]), чем—главный удар. Это несло с собою еще ту выгоду, что войска, назначенные для операции западнее реки, пока могли не выдвигаться в боевые линии, а оставаться в резерве на случай какой-либо большой отвлекающей попытки в другом пункте фронта. С возможностью такого рода попыток, после всех имевшихся ранее опытов, приходилось безусловно считаться.

Незадолго до рождественских дней 1915 г. штаб фронта генерал-лейтенанта кронпринца Вильгельма, начальником штаба у которого был генерал Шмидт ф.-Кнобельсдорф, получил, наконец, приказание, но, в целях сохранения

---

[1]) Верденская операция была поручена кронпринцу, командовавшему фронтом, откуда было естественно самое близкое отношение к операции начальника штаба этого фронта, генерала Кнобельсдорфа. Это обстоятельство в связи с близкими отношениями между Фалькенгайном и Кнобельсдорфом послужило поводом к версии о том, что первая мысль о Вердене принадлежала будто бы Кнобельсдорфу. Кронпринц, посвятив Вердену много строк, говорит о полном совпадении взглядов Фалькенгайна и Кнобельсдорфа по вопросу о Вердене, но с одним исключением: Кнобельсдорф стоял за одновременную атаку по обоим берегам Мааса. Цит. выше Meine Erinnerungen, стр. 160. *Прим. ред.*

Схема № 5.

21.2.
Консенвуа
Азан
Буа-де Форж
Буа
23.2.
де Кор
Эрбебуа
Форж
Омон
Орн
Малянкур
6.3.
Бегинкур
14.3.
7.4
Бомон
Орн
Шанневиль
Лувемон
27.2.
Кюмьер
Моромм
Маас
Башеровиль
Дуомон
Дуомонский фор.
Днепр
Этэнь
Шаттанкур
Авокур
Эн
Марсский хребет
Ф-т де Тиомон
Берег де Фруад Терр
Ф-т де-Во
Флери
Ле де Сувиль
Ая Лофе
Ф-т де Вельвилль
Ф-т де Сх Мишвль
Ф-т де Мулэньвиль
ВЕРДЕН
Блэнзэ
Ф-т де ля Шом
Ф-т дю Рёгрэ
Ф-т дю Розелье
Ф-т де Дюонн
Фрэнь
Маас
Лес де Женикур
Комбр
Верская равнина
Условные знаки:
Исходная позиция для Немецк наступления 21.2.16 г.
Достигнутая линия при наступлении
" в конце июля.
1:225 000.
1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 кил.

тайны, сначала только устно, атаковать французские позиции севернее Вердена по правому берегу Мааса. Из состава фронта вновь была из'ята третья армия в Шампаньи, входившая в состав фронта с осеннего сражения 1915 г., чтобы фронт не отвлекался от порученной ему серьезной задачи событиями, лишь слабо с ним связанными. Но с другой стороны армейские группы генералов: ф.-Штранца — в Лотарингии (Вевр), ф.-Фалькенгаузена — в Лотарингии к востоку от Мозеля, а также Гэде — в верхнем Эльзасе, оставались в подчинении фронта. Они стояли в столь тесной связи с фронтом у Мааса, что все события у них тотчас же должны были отзываться здесь, и наоборот.

Фронту сверх уже имевшихся у него частей были даны для операции девять новых дивизий, совершенно отдохнувших и особенно обученных, так что на дивизию приходилось менее 2 кил. атакуемого фронта. Для смены выдохшихся (abgekämpften) частей сверх этого было наготове большое число дивизий. Наконец, имелся в виду немедленный подвоз трех особенно подобранных дивизий для упомянутого выше случая, если по ходу событий на правом берегу удар по левому оказался бы полезным и имеющим шансы на успех, и если обстановка на других фронтах это позволила бы. Артиллерия была придана исключительной мощности, как по числу, так и по калибрам, также и на прилегающие участки западного берега и в Вевре, которые вначале должны были содействовать только артиллерией. Запас снарядов, по всем имевшимся до сей поры опытам, значительно превосходил потребность. Такое же полное внимание было уделено рабочей силе и снаряжению.

Чтобы отвлечь внимание противника от предварительных работ, остальные армии запада получили задание приковать его небольшими операциями на своих участках. Они выполнили это образцовым образом.

3-я армия 9 января произвела атаку у Мезон-де-Шампань, 12 февраля — у С. Мари-а-Пи, 13 того же месяца у Таюра. 2-я армия у Фриза, южнее Соммы, 28 и 29 января достигла прекрасного результата. 6-я армия атаковала 26 января у Невилля, 8 февраля — западнее Вими, 21 февраля — во-

сточнее Сушэ. Арм. группа Гэде 13 февраля произвела удар по французским позициям у Оберсепта. Везде были достигнуты намеченные цели, и неприятелю был нанесен тяжелый урон. Относительно небольшие потери с немецкой стороны в этих предприятиях имели свое оправдание, так как очень вероятно, что они действительно помогли замаскировать наши намерения. Однако, сообразно с существом дела, от больших операций рядом с намеченным главным ударом приходилось уклониться. Когда 3-я армия запросила, ожидается ли на ее участке проведение еще более крупной атаки, то она была извещена в указанном выше смысле, и при этом для пояснения планов, которые преследовались в районе Мааса, было добавлено:

„Наша задача состоит именно в том, чтобы при наших относительно скромных жертвах нанести врагу тяжелый урон в решительном пункте. Мы не должны упускать из виду, что предшествующие военные опыты с массовым применением людей мало заслуживают подражания. Кажется, что в этом случае вопросы вождения и снабжения оказываются почти неразрешимыми".

Началу атаки в назначенный день помешало состояние почвы в районе Мааса, размокшей от непрерывных дождей и затруднявшей движение войск, а также непрозрачность наполненного туманом воздуха, понизившая действительность артиллерийской стрельбы. Только со средины месяца погода настолько исправилась, что 21 февраля можно было приступить к стрельбе [1]).

Последовавшая на следующий день атака пехоты была поведена с непреодолимым под'емом. Люди просто пробежали ближайшие неприятельские линии. Также и передние укрепления мирного времени не могли остановить храброй атаки, хотя верки мало были затронуты нашей артиллерией. 25 февраля 24-й Бранденбургский пех. полк штурмовал сильный, считавшийся неприступным северо-восточный

[1]) Роковая случайность, тем более тяжкая, что внезапность играла в операции исключительную роль, а время вскрывало тайну. Дожди шли и потом.

Прим. ред.

оплот оборонительной системы Вердена, Дуомон. Одновременно противник отступил в долине Орны до пункта южнее дороги Мец — Верден, так что и здесь немецкий фронт продвинулся вперед, — до Маасских Высот. Судя по многим признакам получалась картина, что мощный немецкий удар тяжело потряс не только весь враждебный фронт на западе, но что его воздействие не миновало народов и правительств антанты.

По мнению фронта однако оказывалось теперь необходимым в продвижении вперед к Высотам допустить приостановку. Начались сильные, можно сказать, отчаянные контратаки наспех стянутыми со всех фронтов силами. Они всюду были отбиты с тягчайшими для врага потерями. Но обстановка могла бы однако измениться, если бы не была подтянута артиллерия, которая, правда, недостаточно быстро могла следовать по все еще тяжелым дорогам, и если бы не было обеспечено снабжение снарядами и продовольствием.

Атака по западному берегу Мааса.

Между тем, противник с поразительной быстротой за хребтом Марр на западном берегу расположил на позиции сильные артиллерийские группы. Их полуфланкирующая стрельба весьма чувствовалась атакующим. Необходимо было устранить это препятствие. Со стороны правого берега это было невозможно; здесь все внимание было обращено на непосредственно стоящего впереди противника. Оставалось одно, как это было предвидено и подготовлено, продвинуть немецкий фронт настолько далеко по левому берегу, чтобы его артиллерия более действительно, чем раньше могла захватить французско-английскую на хребте Марр. Для немецкой атаки в этом случае имелись теперь свободные силы. Исключая слабой попытки в Шампаньи, на других частях неприятельского фронта не было произведено отвлекающих ударов. Наблюдения не говорили о подготовке к таковым в ближайшее время. Да это было и мало вероятно. Французы стянули почти все свои резервы с других фронтов и быстро передали англичанам участок Арраса,

до сих пор ими занимаемый, чтобы тем создать средства к удержанию позиций в районе Мааса. Англичанам для занятия участка Арраса пришлось столь растянуть свои силы, что с их стороны пока что не приходилось опасаться каких-либо более крупных операций. Конечно, формирование Китченером в Англии новых частей по всеобщей воинской повинности двигалось энергично вперед, и можно было ожидать, что количество британских дивизий, число которых на континенте определялось от 40 до 42 дивизий, в недалеком будущем будет почти удвоено. Но оставалось неясным, будут ли и когда именно—новые части пригодны для наступательных операций?

При таком положении дел перед верховным командованием встал вопрос, нет ли данных для того, чтобы, отказавшись от продолжения операции в районе Мааса, предпринять операцию в другом пункте фронта. Эта мера означала бы полный отказ от намерений, которые были положены в основу наступления севернее Вердена. Повода здесь для этого не было. Поставленная цель пока была достигнута. И, конечно, можно было расчитывать, что и в дальнейшем она будет достигаться. Фактически, это и наступило. Особенно хороших перспектив от попытки в другом месте не предвиделось. Враги располагали здесь все же очень крупными силами. Англичане, напр., имели от 7 до 8 человек на погонный метр их фронта. При столь сильно занятых позициях завоевать успех можно было бы только при условии, если будет взята артиллерия, введенная в дело в районе Мааса. А это вызывало большую потерю времени, чем, конечно, противник воспользовался бы, чтобы также подтянуть свои резервы. Поэтому, от перемещения операции пришлось отказаться.

Последовавшая 6 марта и в последующие недели атака по левому берегу удалась в той мере, что французы из их передовых линий решительно были отброшены и опять с большими потерями. Но из-за особых свойств местности этим еще не была достигнута возможность продвинуть достаточно вперед артиллерию. Предварительные к тому работы надлежало поэтому еще продолжать здесь. Нажим на запад-

ном берегу оставался в течение всего апреля. Лишь с захватом здесь 7-го мая главной части высоты 304 в наступательных операциях на этом участке наступила временная пауза.

Руководство операциями в районе Мааса сначала велось непосредственно штабом фронта кронпринца. С расширением операций однако появилась необходимость разгрузить эту инстанцию. Поэтому, в марте под общим руководством того же фронта командование правым берегом перешло в руки генерала-от-инфантерии ф.-Мудра при начальнике штаба майоре Кевиш, между тем как командование левым берегом принял на себя генерал-от-артиллерии фон-Гальвиц (начальник штаба полковник Бернгард Бронсарт ф.-Шеллендорф), командовавший в Македонии 11-й армией и сдавший ее генерал-лейтенанту ф.-Винклеру. В апреле генерала ф.-Мудра сменил генерал-от-инфантерии ф.-Лохов (начальник штаба майор Ветцель), а в июле генерала ф.-Гальвица сменил генерал-лейтенант ф.-Франсуа (начальник штаба майор ф.-Павельс).

Если раньше было упомянуто, что в борьбе на западном участке в атаках наступило временное затишье, то это не значит, что здесь в действительности стало тихо. Борьба продолжала бушевать без перерыва здесь, как и на восточном берегу. Французы не забывали питать ее почти беспрерывными контр-атаками; артиллерийское состязание было в непрерывном ходу. Небольшие поиски обороняющегося часто завершались большими вылазками с силами, далеко превосходящими силы атакующего. Так напр., 22 и 23 мая в районе Дуомона был произведен особенно решительный удар, который некоторое время угрожал форту.

С немецкой стороны ограничивались обычно тем, что отгоняли врага во свояси с окровавленной головой, отбивали у него те небольшие завоевания, которые он успевал то там, то здесь, сделать, и достигали небольших улучшений в позициях, где таковые были нужны. И, несмотря на это, такая борьба без видимых и для каждого человека на фронте осязательных результатов, налогала на боеспособность войск тягчайшее испытание, какое только можно себе представить.

Оно за самыми небольшими исключениями было блистательно выдержано. Противник нигде не достиг длительных выгод; ни в одном пункте он не мог освободиться от немецкого нажима. Наоборот, он нес тяжелые потери. За последними тщательно следили и непрерывно сравнивали с нашими, к сожалению, также не легкими жертвами. В результате соотношение потерь сводилось, приблизительно, к 2,5 : 1, т.-е. на двух немцев, выводимых из строя, приходилось с той стороны пять таких же французов [1]). Как ни прискорбны были немецкие жертвы, но ясно было, что они приносились для доброго, сулящего большие перспективы дела. Операции развивались в духе намерений, положенных в основу их хода. Конечно, порою бывали и кризисы, напр., когда противник среди колебаний начинал уступать, и предстояло решить вопрос, стоит ли усилить нажим в том же пункте или переменить место удара; или, если надо было отбивать тяжелые атаки; или, наконец, если нужно было решиться для улучшения собственной обстановки дерзнуть на большие жертвы.

Подобного рода кризис принесла с собою упомянутая борьба около Дуомона. Она показала, что немецкие линии здесь, если было нужно надолго обеспечить форт, должны быть вынесены значительно дальше вперед. Но этого по условиям местности можно было достигнуть только атакой с большими силами. Поэтому необходимо было на это и решиться. За такое решение также говорил между тем совершившийся поворот в обстановке на других фронтах. Так долго не осуществлявшиеся отвлекающие от района Мааса операции, наконец, наметились. На участках 6-й, 2-й, 7-й армий, а также арм. группы Фалькенгаузена, наблюдения вели к предположениям о подготовке врага к наступательным операциям. Таковые на чисто французских фронтах можно, конечно, было принять за демонстративные попытки. Судя по событиям у Мааса, было невероятно, чтобы

[1]) Автор в беседах часто повторял, что задача Вердена, довести Францию „zum Ausbluten"... арифметические подсчеты давали надежду на достижение этой конечной цели.

Прим. ред.

французы одни могли сосредоточить силы для крупной операции. Серьезнее надо было взглянуть на передвижения на британской части фронта, к которой непрерывно притекали подкрепления с родных островов. Особенно это касалось района Соммы, где приготовления приняли ясную форму. Расположенная здесь 2-я герм. армия была поэтому значительно усилена посылкой к ней войск и артиллерии. Сверх этих посылок и тех резервов, которые должны были быть наготове для Мааса, в составе общих резервов были постоянно наготове достаточные силы, чтобы на какой-либо сильный удар врага можно было ответить сильным контр-ударом. Могли ли французы принять участие в английской атаке, ясно предвидеть еще было нельзя. Решительного перевеса в силах едва ли они могли здесь добиться. И все же, в силу их беспощадного использования колониальных частей, они располагали пока еще значительным людским материалом, чтобы, по крайней мере, одну часть своих резервов снова восполнить и сделать боеспособной. Чтобы нарушить этот процесс, лучше всего отвечал бы делу новый немецкий успех в районе Мааса.

В конце мая начались операции с указанными выше целями. Сначала были взяты позиции у дер. Кюмьер на левом берегу. В первые дни июня, после долгой и, даже для боевой обстановки в районе Мааса, исключительно горячей борьбы, пал в руки наших храбрых войск форт Во с окрестными верками. 23 июня были штурмованы деревня Флери, превращенная в горный замок, и форт Тиомон. Были совершены блестящие дела. Вновь повелись бешеные, но тщетные контр-атаки, за которые противнику дорого пришлось заплатить. По отбитии их имелось ввиду в ближайшие недели продолжать подготовительные работы против верков внутренней фортовой линии Сувиль — Ла-Лофе. При этом можно было расчитывать овладеть охватывающими позициями, занятие которых должно было с одной стороны сделать для французов адом центральную крепость с ее окрестностями, с другой — еще существеннее понизить немецкие потери.

Но прежде чем входить в изложение дальнейшего хода дел, необходимо посвятить внимание событиям, которые между тем имели место на других театрах.

Отвлекающее наступление на востоке в марте 1916 г.

Относительно полного отсутствия отвлекающих операций у наших врагов на западном театре в первые недели Маасских операций сначала не имелось никаких об'яснений, но позднее расход французских сил в районе Вердена разрешил эту загадку. До 17 марта французы должны были ввести здесь в дело, по крайней мере, двадцать семь свежих или заново пополненных пехотных дивизий, к 21 апреля—тридцать восемь, до 8 мая—пятьдесят одну и к средине июня—значительно более семидесяти. После этого для решительных предприятий в других пунктах фронта до восстановления разбитых частей у них не оставалось никаких средств. С немецкой стороны пришлось ввести в дело едва ли даже половину указанного числа единиц. Это сравнение также укрепило немецкое верховное командование в убеждении, что его намерения при помощи Маасской операции могут быть осуществлены.

Еще неожиданнее, чем отсутствие отвлекающих операций на западе, явилось начало таковой операции—и в очень большом размере—в северной части восточного фронта во вторую половину марта.

Здесь, с прекращением боев перед Двинском в ноябре 1915 г., в общем было покойно. Но 18-го марта русские на участке озеро Дрисвяты—Поставы и по обеим сторонам озера Нарочь, повели атаку очень большими силами и при большом расходе снарядов. В ближайшие дни они продолжали свои попытки в многочисленных пунктах почти всего фронта до пункта южнее Риги. Атаки продолжались с исключительным упорством до начала апреля, но их можно было скорее назвать кровавыми жертвоприношениями, чем атаками. Колонны плохо обученных людей, наступавшие в не-

поворотливых густых строях и предводимые столь же необученными офицерами, терпели страшный урон. Успехов они совершенно не имели, исключая местного случайного вторжения южнее Нароча, но и этот успех без труда был ликвидирован контр-атакой. Для усиления атакованного фронта понадобилась только одна единственная дивизия из общего резерва, которая была подвезена из Барановичей, южнее Немана, где она стояла. Даже и она не была испрошена штабом фронта, а предложена верховным командованием.

Не было никакого сомнения, что атаки со стороны русских были предприняты только под нажимом их западных союзников и для их поддержки. Никакой ответственный начальник, не находящийся под внешним принуждением, не мог бы столь малоценные (geringwertige) войска повести против столь прочно оборудованных позиций, какими располагали немцы. Если бы даже были достигнуты первоначальные успехи, их нельзя было использовать при состоянии дорог в это время года. Общее впечатление от хода боев было таково, что оно подтверждало вывод верховного командования осенью 1915 года о надломе русской боевой мощи. Факт не устранялся тем обстоятельством, что атаки велись с обычным у русских презрением к смерти отдельного бойца. Оно одно не в силах добиться преимуществ против современного оружия в руках надежных людей. После этих опытов нужно было предполагать наступление каких-то совершенно исключительных обстоятельств, чтобы можно было еще верить в какие-либо громовые успехи противника на восточном фронте. К такому выводу имелись тем большие основания, что русские с далеко более, чем двумя третями их общих сил, свыше $1^1/_2$ миллиона, стояли пред 600.000 человек немецкого фронта к северу от Припяти, и не было заметно каких-либо признаков передвижений на юг против фронта наших союзников.

Австро-венгерское наступление в Тироле в мае 1916 г.

К несчастью, однако, такие неожиданные обстоятельства были налицо. Австро-венгерское главное командование, не-

смотря на предупреждения, какие ему делались, крепко держалось своей мысли о наступлении с тирольского фронта на юго-восток. Оно не решилось отказаться от внешне столь увлекательной возможности расчитаться с итальянцами. Особую соблазнительность представляла при этом перспектива работать собственными силами без немецкого совета, который воспринимался как опека.

Когда начальник генерального штаба по слухам узнал о плане, ему оффициально не сообщенном, он попытался путем требования присылки самой тяжелой австро-венгерской артиллерии для операции в районе Маасса отклонить австро-венгерское главвное командование от его предприятия. Эта тяжелая артиллерия для позиционной войны в Галиции и Италии имела небольшое значение, но для тирольского наступления она была необходима. Однако австро-венгерское командование не пошло на такую отдачу, а поднять вопрос в другой форме казалось не подходящим. Да, в конце концов, это было чисто делом Австро-Венгрии, как она распорядится собственными силами на фронте, который занимала она одна. Союзнику не один раз и решительно говорилось, что ни при каком из его многочисленных проектов обеспеченность восточного фронта не должна пострадать ни в каком смысле. Поэтому эту-то необходимость, важную для него прежде всех других, он не мог легко потерять из виду. Сверх того, можно было надеяться, что такие передвижения войск с одного театра на другой, которые были бы способны нарушить равновесие сил, не должны были ускользнуть от многочисленных немецких органов связи, бывших в лагере союзника, и своевременно будут сообщены. В обоих этих ожиданиях начальник генерального штаба ошибся.

14-го мая австро-венгерское главное командование сообщило, что оно, если только позволит погода, имеет ввиду повести наступление на тирольском фронте от Эча до долины Сугано.

В ближайшие дни последовала атака, для которой войска из-за снега уже больше шести недель находились в состоянии ожидания. Вначале они быстро двинулись вперед, хотя

им приходилось преодолевать величайшие местные затруднения, а затем и ряд сильных еще в мирное время построенных укреплений. Итальянцы не могли противустоять огню тяжелой артиллерии и сильным ударам собранного здесь цвета австро-венгерских вооруженных сил, пока они оетавались еще свежими. В конце мая центр наступлечия достиг районов Азиаго и Арсиеро. Фланги, конечно, повисли далеко позади. Правый находился на высоте Мори в долине Эча, т.-е. по существу совершенно не продвинулся вперед, а левый, приблизительно, на высоте Стригно в долине Бренты. Атакующие части, слишком слабые для ширины ударного фронта, были теперь истощены. Артиллерии было трудно следовать за ними. Уже 27 мая австро-венгерское главнсе командование вынуждено было просить о снятии одной дивизии XII австрийского корпуса, бывшего на фронте принца Леопольда, для итальянского фронта. Так как этот корпус пополнялся исключительно румынами, почему против итальянцев едва ли был применим, и, сверх того, осенью 1915 г. показал себя недостаточно надежным, то просьба позволяла сделать роковое заключение о том, в каком тяжелом положении уже стояло дело на фронте боевых операций.

А между тем начались итальянские контр-атаки. Ведомые превосходными силами, которые частью были взяты из итальянской резервной армии от Виченцы, частью прибыли с Изонцо, они привели наступление к полной остановке. В первых днях июня стало ясно,—еще до того, как началось оживление на южной половине восточного фронта,—что нельзя было ни продолжать дальнейшее наступление, ни держаться на позиции, выдвинутой клином вперед, ни, наконец, использовать ослабление итальянского фронта на Изонцо, которое наступило здесь по выделении частей на тирольский фронт. В последнем отношении у австро-венгерского верховного командования возникли даже сомнения, удастся ли удержать собственные позиции на Изонцо, также ослабленные в пользу тирольской операции свыше всякой меры, если неприятель поведет против них атаку. Но прежде чем из этого неутешительного положения могли

быть сделаны нужные выводы, 4 июня в Галиции, как гром из ясного неба, разразилась беда.

Наступление Брусилова в июне 1916 г.

Со времени неудачных наступлений в Литве и Курляндии фронт русских оставался в неукоснительном покое. До начала июня, насколько можно было судить по вполне точным сведениям, которыми располагали главные квартиры срединных держав, ни одного батальона или батареи не было перевезено с фронта к северу от Припяти на австро-венгерские участки южнее Полесья. И действительно, каких-либо передвижений, достойных упоминания по их размерам, произведено не было. Поэтому можно было прочно расчитывать, что наши союзники по старому имеют пред собою противника, превосходящего их в самых ничтожных размерах. Более поздние расчеты должны были обнаружить на стороне русских перевес в небольшое количество дивизий. Как бы то ни было, но ни в коем случае не было оснований хотя сколько-нибудь сомневаться в том, что фронт окажется на высоте всякой наступательной попытки со стороны врага, стоявшего в это время напротив. Такой взгляд с большой решительностью высказал штаб фронта Линзингена, командовавшего северным участком австро-венгерского фронта. Подобные же убеждения, и притом в сильных выражениях, относительно положения дел высказывал генерал Конрад ф.-Гетцендорф в беседе, которую он имел в Берлине 23 мая с начальником генерального штаба [1]). Он полагал, что в Галиции русское наступление с шансами на успех могло бы быть предпринято не ранее четырех-шести недель, после того, как нам стала бы известна его неизбежность Такое время было бы нужно, по крайней мере, для перегруппировки русских сил, что являлось предварительным условием для производства наступления. В несколько тревож-

[1]) Перед тирольской операцией Гетцендорф об'ехал восточный фронт, производя распросы и стараясь основательно решить вопрос о степени прочности этого фронта.

Прим. ред.

ном противоречии с этим важным заявлением стояла та выразительность, с которой при этом же случае потребовано было уверение о своевременной немецкой поддержке с севера от Припяти для австро-венгерского фронта в случае необходимости. Согласие охотно было дано, но с оговоркой, что это последует в том случае, если будут иметь место какие-либо передвижения русских сил с севера на юг. Но прежде чем, однако, обнаружились какие-либо признаки подобных передвижений, не говоря уже о соответствующих донесениях, 5 июня со стороны союзников последовал в немецкую главную квартиру настоятельнейший зов о помощи.

Русские под начальством Брусилова накануне этого дня атаковали почти на всем фронте от излучины Стыри у Колки, ниже Луцка до румынской границы. После относительно короткой артиллерийской подготовки они поднялись в своих окопах и просто пошли вперед. Лишь в немногих местах они взяли на себя труд создавать ударные группы, сосредоточивая резервы. Дело шло совсем не об атаке в собственном смысле слова, но об усиленной разведке, которая должна была демонстрировать пред стесненными итальянцами участие в общем деле их союзников. Для главного же удара антанты, как стало позже известно, по указаниям верховного командования антанты, вступившего в должность за несколько недель до этого, имелось в виду на востоке и западе 1 июля.

Применение Брусиловского способа разведки было, естественно, возможно только при условии, что генерал имел определенные поводы слишком ничтожно расценивать способность к сопротивлению своего врага. В этом он не ошибся. Наступление как на Волыни, так и в Буковине имело огромные результаты. К востоку от Луцка австро-венгерский фронт был прорван беспрепятственно, и не более как в два дня образовался зияющий провал в добрых 50 километров шириной. Части 4-й австро-венгерской армии, которые до сих пор там стояли, исчезли до жалких остатков.

Не существенно лучше обстояло дело, после короткого колебания, с 7-й австро-венгерской армией в Буковине.

Она хлынула назад на всем фронте; первое время нельзя было и предвидеть, когда и где удастся ее остановить. Наоборот, удерживали свои позиции южная армия на Стрыпе и к северу от нее 2-я австро-венгерская армия к западу от Тарнополя и восточнее Брод, а также на Икве 1-я австро-венгерская армия, кроме ее левого фланга, который увлечен был разгромом 4-й австро-венгерской армии.

Все имевшиеся в распоряжении резервы сохранившихся участков, а, особенно, немецкие южной армии и фронта Линзингена, были немедленно брошены на угрожаемые пункты. И однако, когда 7 июня стали известны потери союзников людьми и материалом, а также ближайшие данные о поведении частей в боях, нельзя было уже сомневаться в том, что без сильной немецкой поддержки в близком будущем всему фронту в Галиции грозит полный разгром.

Сохранение за собою Галиции имело для немецкого верховного командования, конечно, небольшое значение. Оно, по существу, сводилось к обеспечению дальнейшей эксплоатации нефтяных источников. Но новое вторжение русских в Венгрию или новая угроза Силезии были для него недопустимы. Наступление как первого, так и второго случая привело бы к скорому истощению срединных держав.

Итак, налицо была существенно изменившаяся обстановка. Возможность такого краха в рассуждениях начальника генерального штаба, конечно, никогда не учитывалась. Он считал его невозможным.

Наиболее простым средством овладеть обстановкой, казалось бы, являлось быстрое создание сильного немецкого фронта в Польше, Западной Галиции или Венгрии, чтобы приступить к контр-удару, расчитанному на далекий размах. О таком решении настоятельно, поэтому, просило австро-венгерское верховное командование. Но как ни соблазнительным рисовалось оно в теории, практически оно было мало осуществимо.

Насколько противник численно превосходил немецкую часть восточного фронта, уже говорилось несколько раз.

Равновесие могло, не говоря о сильном боевом превосходстве немецких частей, достигаться лишь благодаря тому обстоятельству, что последние могли опираться на прекрасно построенные и снабженные обильными, хотя и не чрезмерно, подвижными средствами. Позиций подобной прочности далее в тылу не было. Отнесение назад фронта, в целях, путем сокращения его, получить свободные части, не сулило также никаких результатов. Можно было даже заранее предвидеть, что достигнутые таким путем сбережения на фронте Гинденбурга пришлось бы перевести на фронт принца Леопольда, так как последний в тылу не имел местности, допускавшей оборону теми силами, которые были у него на теперешних позициях. Наконец, технические затруднения при очищении фронта на виду у втрое превосходного противника, готового к тому же двинуться вперед, были столь велики, что перед ними пришлось отступить. Была опасность, что старая поговорка о многих собаках, которые, как бы они плохи ни были, в открытом поле все же в конце концов загрызут зверя, вновь могла стать истиной.

Поэтому было совершенно правдоподобно, когда штабы обоих фронтов сообщили, что они мало-по-малу, смотря по обстановке, еще могут доставить силы для галицийского фронта, но что они не в силах ни создать из них большой ударной группы, ни еще менее сделать это с требуемой скоростью, как то было предложено австро-венгерским главным командованием.

Подобную группу можно было бы образовать разве только при помощи одновременно подвезенных с запада очень больших сил. Это вызвало бы затяжку, в течение которой последний запас устойчивости (Halt), еще имевшийся на востоке у австро-венгерских частей, был бы сломлен. Войну против русских в дальнейшем, действительно пришлось бы вести без союзников. Но нужных для этого сил нельзя было бы достать на западе даже и в том случае, если бы было решено отступить до Мааса или даже до границы. Однако, вторичное перенесение центра тяжести войны никогда не сгладило бы тех невыгод, которые неиз-

бежно должно было иметь в результате столь внезапное ослабление нажима на западного противника.

Поэтому предложение австро-венгерского главного командования было неприемлемо.

Таковым же было и противоположное решение, т.-е. мысль предоставить восток просто самому себе, не посылать туда никаких подкреплений с запада, но продолжать здесь войну с наиболее острым нажимом, а на русском театре ожидать развития событий. Было бы слишком смело рассчитывать на ошибки русского общего вождения вроде тех, которые были сделаны осенью 1914 г. Для этого русские слишком многому успели научиться. К тому же чисто численное превосходство русских после потери свыше 200 тыс. человек, понесенной союзниками в три дня, стало слишком крупным. Надежды добиться на западе решительного исхода раньше, чем Австро-Венгрия развалится не только в военном отношении, но и политически, также не имелось налицо. А развал этот при всех обстоятельствах знаменовал собою проигрыш войны.

В результате оставалось применение системы частных поддержек (Aushilfen), которую настоятельно рекомендовали также и все немецкие начальники на востоке.

Приходилось те немецкие резервы, которые как-либо еще можно было создать на всех других фронтах, не подвергая угрозе сами эти фронты, возможно быстрее бросать в Галицию и Волынь, чтобы остановить русских там, где они были наиболее грозны, и поддержать австро-венгерские линии, где они казались наиболее ломкими. Только при таком образе действий можно было ожидать, что еще удастся восстановить не вполне расстроенные части союзной армии для плодотворной общей работы, только этим способом можно было исправить уже значительно проявившийся беспорядок тыловой связи на южной половине восточного фронта, который угрожал сделать бесполезными все попытки к восстановлению положения.

Конечно, положение на западном фронте уже и при таком скромном позаимствовании резервов делалось значительно ме-

нее благоприятным [1]). От мысли сильным контр-ударом задушить в зародыше находившееся в процессе подготовки английское отвлекающее наступление приходилось отказаться Подготовленные для этого общие резервы людей и снаряжения были, благодаря отдачам на восток, значительно ослаблены. Но позволительно было надеяться на то, что храбрым войскам запада и без этой помощи удастся пережить надвигающуюся грозу. И в области Мааса можно было, благодаря общему плану операций, держать события в таких рамках, в которых сообразно с количеством имеющихся в распоряжении сил пока и хотели их держать.

8 июня начальник генерального штаба сообщил австро-венгерскому главному командованию, что немецкое командование готово помочь в рамках только что изложенных соображений. Наиболее насущной рисовалась задача приостановить русскую ударную группу в районе Луцка, так как ею могли быть охвачены еще державшиеся на месте части 1-й и 2-й австро-венгерских армий. Менее грозным в этот момент казалось продвижение русских в Буковине. Оно в горах само по себе должно было принять более медленный темп.

Вследствие этого в ближайшее время четыре-пять немецких дивизий—из них по одной с фронтов принца Леопольда и Гинденбурга, три с западного фронта—с некоторыми наиболее сохранившимися австро-венгерскими частями должны были сосредоточиться под начальство генерал-лейтенанта Линзингена (начальником его штаба теперь был полковник Гелль), в районе Ковеля, чтобы повести наступление в общем направлении на юго-восток. Необходимая согласованность действий с 1-й австро-венгерской армий обеспечивалась включением ее также во фронт Линзингена. Затем выставлено было требование, чтобы в будущем немецкому командованию, помимо оперативного руководства, была предоставлена возможность полного ознакомления с внутренней обста-

---

[1]) См. приложение: „Соотношение сил на западном театре“ под рубрикой 6.

новкой подчиненных им австро-венгерских частей [1]). Австро-венгерское главное командование до сих пор постоянно отклоняло заключавшееся в этих мероприятиях расширение немецких командирских привилегий, с проникновением их в область чисто австро-венгерского начальствования. Оно возражало, что этим будет подорван его престиж в собственной армии, и что немецкие начальники, недостаточно знакомые с самобытным состоянием дел двойной монархии, не сумеют лучше использовать войска, а с местными властями и населением возникнут крупные трения. С немецкой стороны этим возражениям отдавали должное. Без сомнения, в известной степени они имели свое основание. Однако факты, которые теперь сделались известными в связи с поведением союзников во время подготовки своей итальянской авантюры (Extratour) с военной точки зрения в дальнейшем не допускали подобной щепетильности. Как оказалось, галицийский фронт не только был ослаблен в пользу итальянского снятием с первого сил, но и его способность сопротивления была ослаблена ниже всяких пределов тем, что было взято много артиллерии, значение которой для мало устойчивых частей известно, и еще тем, что значительная часть надежных элементов или была обменена, или качественно понижена придачей ненадежного пополнения. Разгром отсюда был понятен. Такие приемы не должны были повторяться. Чтобы их предупредить, начальник генерального штаба потребовал второй гарантии—об'единения фронта между Припятью и Днестром под начальством генерал-фельдмаршала ф.-Макензена. Предоставление полной мощи одному частному начальнику в тех размерах, как это намечалось по отношению к фельдмаршалу, вызывало, конечно, некоторые возражения с точки зрения единства военного руководства. Но все же, принимая в соображение требование обстановки и личность

[1]) На это имелся большой повод в той распущенности, дебошах и небрежности, которые к 4 июня были обнаружены в частях эрцгерцога Фердинанда и особенно в его штабе. Линзинген обо всем знал, но смотрел на события сквозь пальцы... характерная картина коалиционных войн.

Прим. ред.

фельдмаршала, полагали возможным не считаться с ними. Однако, австро-венгерское верховное командование решительно восстало против этой мысли, причем оно подчеркивало, что, при проведении ее при существующей военной обстановке, должно получиться diminutio capitis [1]) для главного командования, а это подействовало бы вредно. Так как против такого утверждения в данный момент выставить было нечего и, кроме того, к северу от Днестра только 2-я австро-венгерская армия не находилась еще под немецким влиянием, от призвания генерал-фельдмаршала временно пришлось отказаться. По этим же причинам в конце июня также не удалось осуществить тогда уже намечавшееся аналогичное применение генерал-фельдмаршала ф.-Гинденбурга. Зато немецкий генерал ф.-Зеект в качестве начальника штаба вступил в 7-ю австро-венгерскую армию, располагавшуюся южнее Днестра до румынской границы. Наконец, австро-венгерское главное командование взяло на себя обязательство не приводить в исполнение никаких более важных оперативных решений без предварительного соглашения с немецким верховным командованием.

Тот размах, столь необычный для русских войск, с которым они повели наступление в первые дни, скоро ослабел. Где против них оказывались немецкие или хорошо сохранившиеся австро-венгерские части, там наступала полная задержка. Отсутствие на месте достаточных резервов у русских в этом случае за себя отомстило [2]). И только когда вражеское командование само также разобралось в поразительном размахе успеха, оно быстро распорядилось переброской войск из масс, нагроможденных перед фронтом Гинденбурга. К началу атак фронта Линзингена 16-го июня, которые повелись в охватывающем порядке от Ковеля, Владимира-Волынска и Горохова, противник в районе Луцка

---

[1]) Понижение авторитета. *Прим. ред.*

[2]) Чем это „отсутствие“ было вызвано,—в русской военной литературе теперь достаточно выяснено. *Прим. ред.*

прошел вперед около двух переходов за Стырь. Дальше здесь он не мог прочно подвинуться вперед ни на вершок, хотя он, не щадя человеческих жертв, вновь и вновь бросал на союзные линии свои, мало-по-малу, подходящие подкрепления.

Наоборот, в некоторых пунктах удалось значительно потеснить его назад, правда, только после тяжких боев во второй половине июня месяца и притом после получения дальнейших немецких подкреплений. Последние по большей части, вновь были взяты с запада, так как об ослаблении русского фронта против Гинденбурга в размере, отвечающем действительности, стало известно только позднее. Фронт принца Леопольда был не в состоянии дать еще сил. Принадлежащая ему арм. группа генерала-полковника ф.-Войрша в районе восточнее Барановичей сама в средине июня была атакована более, чем в пять раз превосходными силами. Хотя она блестяще отбила противника, однако положительно надо было ожидать, что последний в ближайшее время вновь возобновит свои попытки прервать наиболее короткую связь позади немецкого фронта, захватив Барановичский узел. До конца месяца на этот узкий фронт он притянул с севера не менее тринадцати дивизий, т.-е. силу, лишь на одну дивизию меньше тех резервов, которые он одновременно подтянул с участка перед фронтом Гинденбурга на фронт, в пять—шесть раз более широкий,—к югу от Припяти.

В подобном же состоянии, как и Войрш, к концу июня находилась в ожидании большой атаки слабо занятая позиция левого крыла фронта Леопольда на Стыри ниже Колки. Русские, повидимому, поняли невозможность дальнейшего продвижения в районе Луцка. Они собирались стянуть ударные группы против участка Стыри и северного крыла 2-й австро-венгерской армии. Хотя эта армия в течение июньских боев и очистила свои позиции на Икве, но уже на линии Залосьце—Вербен она вновь закрепилась и держалась на ней упорно.

При этом она блестяще была поддержана поведением южной армии генерала ф.-Ботмера, которая непоколебимо

держалась в своих первоначальных окопах на Стрыпе даже и тогда, когда русские южнее Днестра в своем быстром победоносном беге не только заняли всю Буковину, но в конце июня дошли до Тлумача и Коломыи, т.-е. глубоко во фланг южной армии. Одновременно в горах противник двинулся к венгерским перевалам. Как перевал Якобени, так и Татарский скоро надо было признать под серьезной угрозой. Правда, уже и на эти участки подвозились немецкие подкрепления. Участок от Тлумача приняла дивизия из Македонии и части южной армии. В горы были посланы части, общей силой в одну дивизию, составленные из отдельных подачек западного фронта. Но эти подпорки оказались недостаточными, чтобы длительно повлиять на всеобщее отступательное движение. Несколько раз и они, когда их соседи сдавали, также смывались прочь обтекающими их русскими массами. Часто не удавалось при больших расстояниях своевременно притянуть их к пунктам, на которых они были бы необходимы. Фронт в конечном итоге нуждался в дальнейшей заботе. Начальник генерального штаба поэтому предложил попытаться создать помощь таким же путем, как это было сделано на фронте Линзингена в районе Луцка. Новая австро-венгерская армия, 12-я, должна была в начале июля сформироваться на Днестре выше Галича из слабых частей, снятых с итальянского, западного и северной части восточного фронта, а также более сильных—с фронта Линзингена, 2-й австро-венгерской—и южной армий, и возможно неожиданно перейти к контр-удару вдоль Днестра совместно со внутренними крыльями южной и 7-й австро-венгерской армий. Чтобы об'единить действия трех армий, они были сведены в один фронт. Командование над ним было предоставлено тогдашнему наследнику австро-венгерского престола, эрцгерцогу Карлу, так как надеялись, что его назначение настроит Австро-Венгрию на особенное усердие в пользу этого фронта. Эрцгерцогу при этом был назначен немецкий начальник генерального штаба в том порядке, что генерал ф.-Зеект из штаба 7-й австро-венгерской армии перешел в штаб нового фронта.

При только что описанных мероприятиях играл уже некоторую роль учет позиции Румынии. Эта позиция, с каждым шагом вперед русских, становилась все менее благоприятной. Границы вновь закрылись. Имелись сведения, что опять были в ходу серьезные переговоры о присоединении Румынии к антанте. Сделавшиеся известными фразы короля и королевы, а также некоторых из руководящих людей, не оставляли более никакого сомнения об их истинном настроении и намерениях. Одновременно также было узнано, что необходимый для выступления Румынии военный материал уже отправлен через Россию, однако, должно было пройти еще несколько недель прежде, чем он мог прибыть на место. Наконец, полагали, что указанного выступления нельзя ожидать раньше жатвы в сентябре, да и тогда лишь в том случае, если положение Австро-Венгрии к тому времени еще более ухудшится. Лукавые политики Бухареста едва ли иначе, имея за спиной Болгарию, решились бы начать столь крупную игру.

Естественная мысль предупредить угрожающее румынское наступление своим собственным—в июне месяце не была выполнена. Такой же не выполнимой, как можно сейчас же добавить, она оставалась в июле и августе. Силы и средства, необходимые для трудной наступательной операции чрез южные Карпаты и Трансильванские Альпы, нужны были в другом месте. Еще меньше можно было думать о том, чтобы держать их наготове для обороны в юго-восточной Венгрии. Союзные верховные штабы уже теперь решили войну против Румынии к северу от гор скорее повести чистым контр-ударом. Приготовления к этому начались вскоре после русского прорыва у Луцка. Австро-Венгрия, при ее тогдашнем положении, сначала могла принять в них лишь слабое участие. Тем энергичнее принялись за них с немецкой стороны. Было приступлено к формированию новых единиц, которые получали особое обучение и снаряжение для имевшегося ввиду театра войны. Затем, немецкие железно-дорожные войска предприняли работу по переустройству обладавших очень низкою пропускной способностью железных дорог к этим районам и в пределах их,

чтобы, в случае необходимости, можно было быстро выполнить стратегическое развертывание. Были предприняты также и необходимые рекогносцировки на случай тех или иных операций.

Только что набросанный очерк положения срединных держав в средине 1916 года для своего понимания нуждается в дополнении его описанием событий, имевших место к этому времени на Балканском полуострове и в Азии.

События на Балканах летом 1916 г.

(См. карту 6).

В Албании с января месяца не произошло перемен, имеющих значение. Австро-венгерский удар в течение февраля достиг участка Скумби и далее за ним, но от дальнейшего движения против итальянцев, расположенных за Воюзой на укрепленных позициях, командование отказалось. Имевшиеся средства признаны были недостаточными. Австро-венгерское главное командование значительную часть этих средств скоро использовало для осуществления своих планов на итальянском фронте. Противник не воспользовался этим. Повидимому, трудности, которые лежали в природе страны, помешали ему в этом так же, как они же раз уже ограничили рамки австро-венгерских предприятий.

Также и в Македонии обстановка существенно не изменилась. Мысль об атаке Салоник в марте окончательно была оставлена. Противники тем временем настолько там усилились и так прочно укрепились, что нужно было бы ввести очень большие средства, чтобы обеспечить успех, который все же не был бы в соответствии с размахом трат. Для общего хода войны оставалось выгоднее, как это было и раньше, скорее видеть прикованными в этом отдаленном районе от 200.000 до 300.000 врагов, чем прогнать их с Балканского полуострова и тем толкнуть их на французский театр войны. Что из обороны может возникнуть какая-либо серьезная опасность для македонского фронта, признано было невероятным. Немецко-болгарские позиции были в высокой мере

обеспечены условиями местности и согласно общей задачи необыкновенно прочно оборудованы. Можно было расчитывать, что болгарские войска при защите священной для них почвы Македонии будут в дальнейшем хорошо драться. Пример небольших немецких частей, с которыми они боролись рядом в тесном содружестве, оказывал хорошее влияние. Если бы последовала атака противника не с очень большими силами, она не имела бы никаких шансов на успех; а если бы было введено в дело достаточное количество войск, то затруднения с подвозом стали бы непреодолимы. В обоих случаях неприятельская атака в пределах достижимого не имела бы ясной цели. Она лишь тогда могла оказать свое воздействие, если бы была доведена до разрыва железно-дорожной линии Ниш — София — Константинополь. А для этого предстояло пройти более чем 250 километров через крайне трудные и бездорожные горные области. Но нельзя было думать, чтобы враги пустились на подобное предприятие. Фактически в течение более, чем двух с половиной годов они серьезно на это не отважились. Когда же в сентябре 1918 г. они, наконец, перешли в наступление, они знали совершенно точно, что им не будет оказано никакого сопротивления. Немецкие части были сняты с македонского фронта, а болгарские между тем, вследствие политических волнений, совершенно разложились.

При таком положении дел немецкое верховное командование не согласилось с намерением штаба фронта Макензена еще более улучшить позиции на случай неприятельского наступления путем дальнейшего продвижения 1-й болгарской армии на ее правом крыле через Флорину. Связанный с этой операцией расход сил являлся нежелательным. Не исключалась при этом также и возможность, что подобное вторжение болгар в Грецию угрожало вызвать в ней взрыв неблагоприятного для нас национального чувства и тем побудило бы Грецию примкнуть к антанте. Чтобы избежать последнего, греческое правительство, правда, приказало демобилизовать армию, но эта демобилизация еще не подвинулась настолько вперед, чтобы совершенно исключалась возможность серьезного столкновения с греческими войсками.

Если не так, как фронт на Балканах, то все же достаточно надежными были и турецкие фронты в Азии, за исключением армянского.

В Азии летом 1916 г.

(См. карту 1).

Исключительно мягкая зима 1915—16 г.г. дала возможность русским уже в январе вторгнуться в Армению. Гораздо более слабая, страдающая от всяческих недостатков 3-я турецкая армия была всюду ими оттеснена. 16 февраля турки были вынуждены очистить главный город Эрзерум. К средине апреля в русских руках оказалась и важная гавань Трапезунд. Таким образом, была потеряна почти вся провинция Армения. Турки расположились вновь на линии от Платаны, на Черном море, чрез Зигано северо-западнее Байбурта и чрез Мамахатун до Битлиса и Ванского озера. Но они понесли столь тяжкие потери, их подвоз работал столь неудовлетворительно, что нужно было с тревогой предвидеть дальнейшее продвижение врага. Впрочем, до средины года не наблюдалось каких-либо признаков в этом смысле. Русским приходилось бороться с теми же затруднениями, как и защитнику.

В области Ирака надежды, связанные с прибытием генерал-фельдмаршала фон-дер-Гольца и с одновременно прибывшими подкреплениями в последних неделях 1915 г., были блестяще осуществлены. Англо-индийская армия генерала Тауншенда, наступавшая на Багдад, в сражении при Ктезифоне, в нескольких милях от ворот Багдада, была принуждена к отступлению и затем в Кут-Эль-Амаре на Тигре была окружена турками. Очень энергично, но слишком поспешно поведенные попытки освобождения как со стороны англичан по Тигру, так и со стороны русских через Персию, несмотря на ее нейтралитет, не изменили судьбы армии Тауншенда. В конце апреля 1916 года последний в Кут-Эль-Амаре должен был положить оружие, несколько дней спустя после того, как генерал-фельдмаршал фон-дер-Гольц умер в Багдаде от сыпного тифа, которым

он заразился при посещении турецких лазаретов. Сдача Кута была большим успехом для турок. К сожалению, они были слишком слабы и слишком дурно снаряжены, чтобы в Ираке, где уже начались летние жары, использовать достигнутый успех. К тому же местное начальство считало далекий удар по Тигру не целесообразным, пока еще не оттеснена русская деблокирующая армия. Ее передовые части достигли в западной Персии Ревандуза и Ханикина. Но они находились в состоянии столь мало возможной активности, что в июне вновь были оттянуты на восток, не ожидая подготовляемого турецкого наступления.

Вновь проектируемое наступление от Палестины к Суэцкому каналу еще не могло быть предпринято. В течение прохладного периода 1915—16 г.г. оказалось невозможным своевременно подвести необходимый материал. Еще более надломило турецкие силы в этом районе большое арабское восстание против турецкого правительства. Вызванное к жизни английскими интригами и английским золотом в Геджасе, восстание быстро распространилось далеко за пределы полуострова Аравии и вызвало волнения среди арабского населения Сирии, а также и среди бедуинов Сирийской пустыни вплоть за Ефрат на севере. Облеченное в религиозную окраску, это восстание окончательно доказало, что попытка Турции провозглашением лозунга так называемой „священной войны“ поднять все мусульманское население мира против англичан в общем была ошибкой. Правда, была установлена связь с Персией, Авганистаном, Индией, Северной Америкой и Египтом, но чувство религиозного единения нигде не оказалось столь сильным, чтобы преодолеть страх пред английским оружием. Только в Киренаике, где напротив стояли итальянцы, движение получило большое значение и, вероятно, также оказало свое влияние на ход событий на итальянском фронте в Европе.

Внутреннее состояние Турции, вследствие недостаточного обеспечения центральных населенных пунктов, вызванного скорее слабым развитием путей сообщения, чем недостатком самих средств, ухудшилось. Первый кризис в Кон-

стантинополе, по счастью, был устранен своевременной доставкой румынского зерна. И в других областях, напр. в области финансов и пополнений, большая затяжка войны тяжко давала о себе знать, хотя с немецкой стороны не было оставлено неиспробованным ни одно средство, которое могло бы устранить недочеты или смягчить их последствия. Нет слов, чтобы с достаточной похвалой оттенить, что даже при таких обстоятельствах в поведении союзника никогда не сказалось ни малейшего колебания. Упорно отклонял он вновь и вновь направляемые к нему соблазны антанты и заботился лишь о том, чтобы нигде, куда только простиралась его сильная рука, происки антанты среди населения не вызвали какой-либо более крупной беды.

Сражение на Сомме.

(См. схему 5).

Мы покинули французский театр в момент, когда 23 июня перед Верденом был достигнут против Тиомона и Флери большой немецкий успех. В ближайшие дни, в районе 2 армии—генерал-от-инфантерии Фриц ф'-Белов, начальник генерального штаба генерал-майор Грюнерт — началось по обеим сторонам Соммы давно ожидаемое и желанное отвлекающее наступление противника с артиллерийской подготовкой и с применением газов. Оно было направлено против немецкого участка от Гоммекура на севере до Шольн (Chaulnes) на юге. В наступлении приняли участие не только англичане, но и французы. На атакуемом участке к северу от Соммы позиции оборонялись пятью дивизиями, а к югу от нее—тремя. Близко позади за ними стояли в резерве три дивизии, готовые к немедленному вступлению в бой. Дальше, в третьей линии, находилась еще одна дивизия, правда потрепанная в боях в районе Мааса. Просьба штаба 2-й армии о подкреплении, обращенная в последние недели в ожидании атаки, была удовлетворена в возможно полном об'еме. Относительно артиллерийских и лётных сил, в виду событий в Галиции, оказалось, правда, невозможным вполне удовлетворить заявленным желаниям. Сильный отлив туда же войсковых частей заставил

Гоммекур
Бюккуай
Эбютерн
Пюзьё-о-Мон
Бомон
Миромон
Бапом
Рокиньи
Тиепваль
29.8.
10.7.
Мартенпюиш
Ле Транжлуа
Позьер
Лонгеваль
Сейлм-Сейлизель
КОМБЛЬ
Монтобан
Мамец
Хардекур
Альбер
Бушавэнь
Муалэн
Морепа
Клери
Кюрлю
Сомма
ПЕРОНН
Фриз
Бинаш
Эрбекур
Ля Мезонетт
Беллуа
Барле
Фэй
Эстрэ
Фукокур
Суайзкур
Вермандовиллер
Маршлепо
ЛИОН
ШОЛЬН
Условные знаки:
Немецкая боевая линия 1.VII.16..
Неприят. наступл. 1.VII.16.
Немецкая боевая линия 10.VII.16.
Немецкая боевая линия 29.VIII.16.
1:250000.
1 0 1 2 3 4 5 6 7 8 км.

Схема № 5.

отказаться от плана большим организованным контр-ударом подорвать наступление в корне (die Spitze abzubrechen). Нужных для этого сил на западе уже не было. Их нельзя было взять и из района Мааса, ибо при своеобразии здешней операции даже переход к чистой обороне не допускал уменьшения сил ниже известного предела. Нигде противнику нельзя было предоставить меньших возможностей пробиться вперед, как именно в этом пункте, где важнейшие немецкие сообщения пролегали почти в районе боевых влияний.

При отсутствии достаточных ударных частей пришлось столь же отрицательно ответить и на тот вопрос, не было ли более целесообразно отнести в районе атаки, который предварительно можно было точно обследовать, позиции назад незадолго пред началом самой атаки. Чрез это можно было бы временно избежать потерь, а противникам создать затруднения: им пришлось бы продвинуть свою артиллерию еще дальше вперед и предпринять новые подготовительные работы к атаке. Но, в конце концов, маневр сводился бы к обмену прекрасных позиций на менее хорошие и к небольшому замедлению решительных действий, а начальник генерального штаба придавал большое значение их скорому выполнению. Временной отсрочкой атаки немецкая сторона достигала немногого, но много теряла, так как продолжающееся все дальше напряжение могло еще глубже повлиять на свободу решений и маневра.

Подготовительная деятельность противника продолжалась почти непрерывно до 1-го июля. Чудовищные массы снарядов, в большинстве случаев американского происхождения, были брошены на немецкие линии. Все препятствия впереди исчезли совершенно, окопы в большинстве случаев были сравнены с землею. Лишь отдельные особенно прочные постройки выдержали бешеный град снарядов. Еще тяжелее было то, что нервы людей должны были сильно страдать под семидневным огнем.

Французы повели наступление семью дивизиями в первой линии, пятью—во второй, южнее дороги Перонн—Альбер на фронте шириной около 16 килом.; англичане — двенадцатью дивизиями в первой — и четырьмя пехотными с не-

сколькими кавалерийскими дивизиями—во-второй, к северу от французов на фронте шириной около 24 килом. При таком перевесе сил, когда противник в полдень 1-го июля пошел, наконец, в атаку, он неизбежно должен был достичь обычных начальных успехов.

Достижения англичан оказались даже ниже и этого масштаба. Севернее дороги Бапом — Альбер они не сделали ни шага вперед, а южнее ее они прошли не много дальше передовых немецких позиций. Французские успехи были крупнее; вся первая немецкая полоса (Stellung) от Фэ до пункта южнее Хардекура и севернее Соммы была потеряна. Неприятель местами ворвался также и во вторую. Но о том, чтобы намеченный прорыв удался и на этом участке, не могло быть речи. Серьезнее стала обстановка, когда местное начальство, побуждаемое успехами французов, решило очистить остававшиеся в немецких руках части второй полосы в пространстве между дорогой Эстрэ—Фукокур и Соммой, чтобы войска, действительно тяжко обстреливаемые, отвести на линию Биаш—Барле—Беллуа—Эстрэ и тем облегчить их смену резервами, направленными сюда немецким верховным командованием. Поэтому-то противник и мог в первые недели сражения действовать фланкирующим огнем по северному берегу Соммы, что тяжко воспринималось немецкими войсками, занятыми горячим фронтальным боем, и имело большое значение для успехов противника. Но колебания в вопросе о способах обороны были скоро устранены. До конца августа,момента, которым кончается это описание, атакующие не могли затем достигнуть к югу от Соммы каких-либо результатов, более или менее достойных упоминания, хотя в первых числах июля они вновь и вновь бросали на немецкие линии свои штурмовые волны. Впрочем, наступательный пыл и силы французов после первых бурных дней скоро понизились. Недостаток в силах не позволил французскому командованию одновременно нажимать севернее и южнее реки. Поэтому, оно по соглашению с англичанами остановилось на мысли главный удар перенести на узкую часть французского фронта севернее Соммы.

Здесь, а также и у англичан, борьба продолжалась с упорством. Таким образом, в июле и августе развилось одно из тех материальных сражений (Materialschlachten), в котором с обеих сторон был произведен неслыханный до тех пор расход артиллерии и снарядов, а с неприятельской стороны — и людей. У немцев в последнем отношении, по очень солидным основаниям, дело велось с исключительной бережливостью. Однако, число примененных на поле сражения боевых единиц скоро возросло в такой степени, что одна инстанция уже не могла руководить сражением. Поэтому в средине июля командовавший до этого момента 2-й армией, генерал от инфантерии Фриц ф.-Белов (начальник штаба полковник ф.-Лоссберг), был ограничен в круге своих распоряжений участком к северу от Соммы, а одновременно с этим на южном участке в командование вновь сформированной 1-й армией вступил прибывший из района Мааса генерал от артиллерии ф.-Гальвиц [1]), с начальником штаба полковником Бронсарт ф.-Шеллендорф; Гальвиц же одновременно командовал и фронтом, в который вошли обе армии.

И вновь несравненные боевые качества тогдашнего немецкого солдата обнаружились в блестящем свете. Борясь постоянно в меньшинстве, под бешеный разгул неприятельской артиллерии он шаг за шагом уступал только там, где уже действительно не было возможности держаться. Всякий раз он был готов вновь оторвать назад что-либо захваченное противником, пользуясь моментом его слабости. В упорной борьбе потери и у врага, и у друга были велики; но у первого без сомнения тяжелее, чем у немцев. Если уже вечером второго дня сражения было совершенно очевидно, что намеченный французами и англичанами прорыв не удастся, то по истечении первой недели боя немецкое верховное командование уверенно знало, что противникам также не удастся достигнуть их цели боями на изнурение (Abnutzungs-

[1]) Генерал Гальвиц представлял собою тип ударного начальника в роде маршалов-лобовиков у Наполеона, каковы были, напр., Ней, Ланн и др. Поэтому мы видим Гальвица часто меняющим свои посты, из которых каждый носил на себе штемпель важности или активности. *Прим. ред.*

kämpfe), к которым после неудачи с прорывом они поневоле должны были перейти. Количество введенных в дело сил, как и потери, у атакующих были в таком несоответствии с таковыми же храбрых защитников, что ослабление или изнурение, как бы долго ни продолжались операции, у врага должно было наступить раньше, чем у нас. В действительности восьминедельные напряженные усилия противника достигли к концу августа лишь того, что немецкий фронт на ширине по обе стороны Соммы немного большей, чем 20 километров, был отодвинут назад максимум на 7 километр. А немецкие резервы на западном фронте к этому времени далеко еще не были исчерпаны.

Сражение на Сомме, также как и события в области Мааса, вследствие искусной пропаганды антанты, которая, к сожалению, действовала также и в нашей стране, получило для Германии особенно неблагоприятную окраску. По существу, на общий ход войны оно оказало относительно небольшое влияние; рядом с жертвами антанты и с тем их результатом, что она практически была напломлена на многие месяцы, Соммское сражение, конечно, выдерживало какие угодно сравнения [1]).

К событиям на итальянском фронте в августе, которые привели к потере правого берега Изонцо, события на Сомме не имеют никакого отношения. Немецкое верховное командование, даже если бы не наступили дни Соммы, не дало бы никаких немецких войск для оборонительных целей в Италии, так как по всем опытам оно не смело рассчитывать на какое-либо благоприятное влияние таковых даже для собственных дел Австро-Венгрии.

В Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме. Его результаты, во всяком случае, решительно не повлияли

[1]) Автор как-то вяло и пассивно пробует ослабить влияние Соммы на Германию. Впечатление в действительности было большое; страна пережила исход сражения, как резкий моральный удар. Виновна в этом была, правда, не одна Сомма, а и сумма событий, столпившихся к августу месяцу.

Прим. ред.

на размер двигавшихся на восток подкреплений. Положение дел здесь все еще считалось действительно серьезным, но уже не критическим. Невероятно, чтобы решение перевезти с запада лишь строго необходимые для намеченной цели силы было бы изменено без боев на Сомме.

В конце концов, для последних остается вразумительным активом лишь то воздействие, которое они оказали на события западного фронта. Естественно, применение здесь сил противником, как оно им проводилось, побуждал и защитника к соответственному расходу сил. Но сначала это не влияло на боевые эпизоды в районе Мааса. Еще 11 июля сильным ударом мы продвинули на восточном берегу наши линии почти до верков форта Сувиль и Ла-Лофе. Потом конечно, общее напряженное положение, а в первую голову необходимость экономного отношения к материалу и снарядам, сделали необходимым временный отказ от больших с нашей стороны наступательных операций в области Мааса. Штабу фронта кронпринца было указано: спокойным планомерным продолжением наступления поддержать неприятеля в безусловном убеждении, что он не смеет расчитывать на прекращение подобных операций. Это очевидно также удалось, так как французы лишь в сентябре могли послать на Соммский фронт подкрепления от Мааса, когда между прочим после новой смены поста начальника генерального штаба, так называемое, „Верденское наступление“ (Verdun Offensive) [1]) было совершенно прекращено.

Более чем три пятых всех вооруженных сил Франции до августа 1915 года были перемолоты на мельнице Маасского района. Что они все же были в состоянии принять участие в операциях на Сомме, надо приписать: в области

---

[1]) В этом названии чувствуется или отдаленная ирония, или, пожалуй, даже и непонимание идеи. Ее также не понимали или, по их выражению, в ней сомневались Конрад ф.-Гетцендорф и его правая рука Мецгер. Кронпринц скоро потерял надежды, связанные с Верденом, и считал „умным актом“ со стороны Людендорфа, что он, приняв штаб верховного командования, тотчас же решительно прекратил Верденскую операцию.

Прим. ред.

людского материала — свыше ожидания удачному использованию колониальных войск, а в области материальной — единственно американской поддержке. Участие Америки в войне в этом виде было настолько ценно, что только оно и дало возможность англичанам долго продолжать борьбу на Сомме. Такое участие, хотя и не противоречило букве международного права, но оно означало удар по лицу истинной нейтральности. С одной стороны Америка старалась частью при помощи своих аппеляций к международному праву, переплетенных со скрытыми угрозами войной, частью путем уверений в своих дружественных намерениях помешать Германии использовать все военные средства против своих смертельных врагов. С другой стороны великая республика не только закрывала глаза на грубейшие нарушения этими врагами того же самого международного права, но даже доставляла им в богатейшем размере военные средства, чтобы разгромить (abzuschlachten) Германию. О позиции, занятой Америкой по отношению к войне, можно думать, что угодно, но то пятно, которым она заклеймила себя путем указанного поведения, она никогда не сможет смыть со своего имени.

Наступление русских в июле и августе 1916 г.

(См. карту 7).

Для русских начало сражения на Сомме было сигналом к удвоенным усилиям на востоке. Без сомнения, в этом случае они следовали вновь данным указаниям руководителей антанты. Едва ли мыслимо, чтобы их собственные вожди могли еще расчитывать на решительные результаты.

В течение месяца июля и первой половины августа, наступательные попытки русских велись беспрерывно на всем огромном восточном фронте, часто одновременно на многих пунктах. Участок фронта Гинденбурга был атакован у Риги Фридрихштадта и Двинска, на озере Нарочь, у Сморгони и Крево, в большинстве случаев, конечно, только демонстративно. Против арм. группы Войрша фронта принца Лео-

польда противник бросался с исключительным упорством в районе восточнее Барановичей, и притом—бесчисленное количество раз. Фронт Линзингена должен был часто отражать его удары на нижнем Стоходе и средней Стыри. 2-й австро-венгерской армии приходилось тяжко бороться у Вербена, восточнее Брод и около Золосьце. У южной армии графа ф.-Ботмера фокусами боевых схваток были местечки на Стрыпе, Бурканов и Бучач, а позднее также Монастыржеск и Тлумач, южнее Днестра. На фронте 7-й австро-венгерской армии русские старались приобрести доступ к Карпатским перевалам и в первой трети августа они двинулись южнее Днестра на Станиславов. Здесь, как и у Ботмера и во 2-й австро-венгерской армии, атаки затихли лишь около средины августа, в то время как на фронте Гинденбурга они практически прекратились уже в средине июля, а у Войрша и Линзингена к концу этого месяца. Согласно всех донесений потери русских должны были быть прямо чудовищными. Их артиллерия, теперь дурно стрелявшая [1]), по сравнению с ее действиями в первый период войны не могла достаточно подготовить атаки, их пехота, пускаемая вперед в тяжеловесных массивных строях, не могла, обычно, преодолеть зоны пулеметов обороняющегося. Достигаемые результаты поэтому оставались незначительными по сравнению с понесенными тратами.

На чисто немецких участках они, вообще, были равны нулю.

На фронте Линзингена стоявшие на Стыри войска были оттеснены за Стоход. 2-я австро-венгерская армия должна была оставить хорошо устроенную линию Вербен—Золосьце, а с нею и город Броды, но чрез несколько километров

---

[1]) Трудно понять автора в этом месте. Русская артиллерия, не так-то много терявшая в командном составе, могла с течением времени только совершенствоваться в стрельбе. Не играли ли при этом наблюдении свою роль другие факторы; напр., тот, что стали лучше стрелять немецкие или австрийские батареи, почему и *выравнились* с русскими, что давало картину, будто бы последние пошли назад; может быть стали хуже снаряды и т. п.

Прим. ред.

к западу вновь остановилась и храбро удержалась на линии Берестечко—Соколовка — район между Злочевым и Золосьце. В этом районе она имела стык с южной армией, которая, после достойного удивления отражения многих атак, приказом была отведена с позиций на Стрыпе за Золотую Липу, иначе отвал фронта 2-й австро-венгерской армии, также как и продвижение русских на фронте левого крыла 7-й австро-венгерской армии до Золотой Быстрицы западнее Станиславова к средине августа, подвергали бы серьезной угрозе связь армии Ботмера с ее тылом.

Проектированное на фронте эрцгерцога Карла наступление, имевшее целью принудить русские части в Карпатах к отходу за Днестр, чтобы тем вызвать улучшение в настроении Румынии, которое быстро развивалось в неблагоприятную сторону, не дошло до осуществления. Приходилось назначенные для этого войска, едва только они прибывали, применять для закрепления хрупких пунктов, и вообще, при бедности в резервах, требовалось крайне подвижное их применение позади всего боевого фронта, чтобы справляться с русскими на тех участках, против которых они намечали тот или иной нажим.

Тем временем в высоких политических и других кругах родины обнаруживалось довольно настойчивое желание предоставить генерал-фельдмаршалу ф.-Гинденбургу более широкий круг деятельности. Конечная цель сводилась к тому, чтобы генерал-фельдмаршалу передать должность начальника генерального штаба. В качестве горячего борца за это и сторонника этих усилий работал канцлер [1]). Если при этих домогательствах надежды военного порядка также играли свою роль, как и рассчет приобрести в лице генерал-фельдмаршала поддержку для внешней военной политики канцлера, то все же главной пружиной являлись соображения внутренней политики. Осуществления своих пожеланий старались достигнуть обычными для политической кампании путями: намеками в прессе, позицией высокопоставленных

[1]) А также несомненно и Тирпиц, что видно из его „Воспоминаний". *Прим. ред.*

лиц, дипломатическими сообщениями и тому подобными средствами. Начальник генерального штаба получил об этом сведения уже позднее. Он должен был, однако, признать и приветствовать это в том смысле, что расширение начальнической власти генерал-фельдмаршала ф.-Гинденбурга отвечало военной нужде, открывая дорогу новой попытке осуществить признаваемое полезным сосредоточение военной власти на восточном фронте в немецких руках. Оно делалось тем более целесообразным, чем чаще только что описанное применение резервов создавало разные мнения на тему, был ли какой-либо фронт в состоянии выделить и отдать резервы или не мог. Особенно возникали трения с фронтом Гинденбурга. Генерал-фельдмаршал Макензен для такой цели был уже не применим: его на другом театре ожидала важная задача, которой мы еще займемся. К тому же его нельзя было сделать начальником генерал-фельдмаршала ф.-Гинденбурга.

С другой стороны можно было иметь ввиду только того вождя, имя которого уже приобрело в глазах союзников известный престиж. Поэтому император, по соглашению с императором Францем Иосифом, 30 июля вручил фельдмаршалу ф.-Гинденбургу командование над частью восточного фронта, простиравшейся от правого крыла 2-й австро-венгерской армии в районе Золосьце восточнее Львова, до берега Балтийского моря. Начальник генерального штаба примкнул к этому решению, так как он ошибочно надеялся, что из этого не выйдет затруднений для единства верховного руководства войною. Новый командной инстанции были подчинены: упомянутая австро-венгерская армия, фронты Линзингена и принца Леопольда, а также фронт, бывший до сего времени под начальством Гинденбурга, а теперь порученный генерал-полковнику ф.-Эйхгорну. В первой половине августа на новый фронт генерал-фельдмаршала ф.-Гинденбурга были назначены для оперативных нужд еще шесть дивизий. Две из них прибыли с запада и нуждались в отдыхе, но, в случае необходимости, могли быть применены против русских. Две дивизии были заново сформированы из отдельных частей, снятых с восточного и западного фронтов. Нако-

нец, две последних были те турецкие дивизии, которые были предложены на европейский театр войны турецким командованием уже вскоре после очищения Галлиполи англичанами в начале 1916 г. Почему раньше не воспользовались этим предложением, было уже сказано. Когда всякие сомнения были устранены, австро-венгерское главное командование все же не могло решиться принять вновь сделанное предложение, хотя применение дивизий, в моральном смысле вполне надежных, было бы очень полезно для его фронта. Эти дивизии в сентябрских и октябрских боях в Восточной Галиции показали себя необыкновенно ценным приростом сил для южной армии, на фронт которой они были назначены.

Если новый фронт генерал-фельдмаршала ф.-Гинденбурга еще до усиления его шестью дивизиями, о которых только что говорилось, не считался находящимся в сомнительном положении, то с их прибытием он не только должен был властвовать над всеми возможными событиями, но и быть в состоянии, в случае крайней необходимости, вновь отдать силы. Штаб фронта, конечно, не разделял этого взгляда. Он настойчиво проявлял в течение августа месяца беспокойство не только по поводу надежности собственного фронта, но также и относительно фронта, примыкавшего к собственному, и по поводу румынской границы. Беспокойство это не было оправдано событиями.

Южная часть восточного фронта, от левого крыла южной армии до румынской границы, оставалась самостоятельным фронтом под начальством эрцгерцога Карла, произведенного в генералы-от-кавалерии. В него входили южная армия, 3-я австро-венгерская армия, которая с переменой номера вступила на место 12-й австро-венгерской армии, и 7-я австро-венгерская армия. Что у эрцгерцога был немецкий начальник штаба, об этом уже упоминалось.

Путем изложенной новой организации, начальник генерального штаба надеялся, наряду с выгодами оперативного и технического характера, приобрести необходимую опору, чтобы достигнуть фактического проведения с каждым годом и днем вновь и вновь, а со времени Луцкого прорыва с осо-

бой выразительностью, напрашивавшихся мероприятий по усилению боеспособности союзной армии.

Получение такой опоры, конечно, еще не предохраняло от грядущих ошибочных уклонений из рамок общего ведения войны вроде австро-венгерского наступления против Италии. Для достижения этого в безусловной форме не было никаких путей, так как это постоянно оставалось в зависимости от доброй воли участников. Во всяком случае, перемена до того времени остававшейся в силе, по крайней мере с внешней стороны, системы „общего военного командования“ (der Gemeinsamen Heerführung) была необходима. Тяжелые последствия тирольской попытки лишили ее всякого доверия. Теперь уже нельзя было обойтись без того, чтобы немецкому верховному командованию не было предоставлено также и право надзора. Поэтому удержание „верховного военного командования срединных держав“ (Oberste Kriegsleitung der Mittelmächte) в немецких руках отныне стало необходимостью. Когда теперь оно было предложено начальником генерального штаба, то Турция и Болгария тотчас же повторили свое старое согласие на эту меру. Австро-Венгрия представила возражения, в некотором отношении, как уже было упомянуто, резонные. Но теперь, после пережитых тяжелых испытаний, им не приходилось уже приписывать решающего значения. Это, наконец, постигли и сами руководители судеб двуединой монархии. Однако, формальное завершение переговоров затянулось до происшедшей в конце августа новой смены на посту начальника германского генерального штаба [1]).

Внешний толчок этой смене дали об'явления войны Италией и Румынией. Но прежде чем приступать к дальнейшему рассказу об этом, необходимо остановить внимание на политических событиях, которые находились в тесной внутренней связи с переменой.

---

[1]) По вступлении в должность нач. ген. штаба Гинденбурга незамедлительно была проведена эта новая организация, причем Конрад рабски подписал предложенный ему немецкий проект, оговорив его лишь одним § в пользу своего императора (этот § был скрыт от Турции и Болгарии). *Прим. ред.*

„Освобождение Польши“.

Со времени занятия территории Конгрессовой Польши летом 1915 года состязание мнений относительно будущей участи Польши не прекращалось, хотя поговорка о дележе шкуры не убитого медведя, должна была бы рекомендовать некоторую осторожность. Берлинское и венское правительства скоро сошлись на том, что полякам еще во время войны должно быть дано и за ними обеспечено „освобождение от русского ига“; однако относительно способа, как провести такое освобождение, долго не могли притти к согласию. Иначе это и не могло быть. Немецкая политика в сказанном направлении шла, повинуясь только необходимости, так как не видела лучшего пути, чтобы решить вопрос о будущей Польше. Между тем, австро-венгерская политика с полной искренностью примкнула к этому течению, от которого в будущем она ждала для себя больших выгод.

Начальник генерального штаба смотрел на вопрос недоверчиво[1]). Он считал нецелесообразным лишать петроградское правительство всякой возможности вновь попробовать опереться на Германию. А по своим наблюдениям польского населения в своей родной провинции Западной Пруссии он не верил, чтобы между воскресшим из пепла государством Польшей и Германией когда-либо надолго могли установиться сносные добрососедские отношения. Польская ирредента до сих пор причинила Пруссии уже много забот. Последние должны были бесконечно возрасти, если бы в тылу движения появилось самостоятельное польское государство со всеми грядущими надеждами нового творения. Без сомнения, Австро-Венгрия, благодаря своим галицийским связям, приобретала исключительное влияние в новом госу-

---

[1]) Мысли даже военных (кроме Бауера) в этом вопросе не достаточно определенны. Людендорф в своем труде (Kriegführung und Politik) жестоко опровергал приписываемое ему участие в создании самостоятельной Польши, а проф. Дельбрюк (Ludendorfs Selbstporträt) ловит его на этом участии. Мысли Фалькенгайна ясны и последовательны.

Прим. ред.

дарственном образовании. Отсюда нужно было опасаться трений, которые для союзных отношений могли сделаться роковыми. В результате, чисто западная ориентировка немецкой политики по необходимости становилась с военной точки зрения очень сомнительной (bedenklich), ибо на место учета хотя, конечно, слабых, но известных величин вводился учет величин, временно совершенно неопределенных. Конечно, прусские солдаты из областей, говорящих по польски, во время войны, в общем, верно выполнили свои обязанности. Но чтобы они продолжали вести себя в том же духе, если бы по ту сторону границы они почувствовали присутствие польского государства с совершенно иным обликом, чем Германия, это было в высокой степени невероятно.

Точно также обещания поборников освобождения Польши, что будто бы Германия этим путем обретет прирост польскими силами в размере одной армии, для здравого суждения не представляли собой ничего соблазнительного. Едва ли можно было ожидать, что польское юношество, которое прекрасно сумело уклониться от выполнения своих обязанностей перед русским государством, поспешило бы с особым воодушевлением под немецкие знамена, которые для них были, по меньшей мере, также ненавистны, как и русские. Если бы даже и удалось создать армию, то этим приобретались лишь части очень условной надежности. Что такие части были бы скорее тяжестью, иногда и очень крупной, чем помощью, это до надоедливости показали события в австро-венгерской армии.

Когда поэтому в августе начальник генерального штаба получил сведения, что канцлер находится в Вене для окончательного урегулирования польского вопроса, он заявил протест и добился отсрочки решения этого вопроса. Последний был поднят вновь уже по уходе с поста начальника генерального штаба, при его преемниках.

Сам по себе прирост в силах для срединных держав именно в этот момент был крайне желателен. На юго-востоке Венгрии уже тлел огонь новой войны, из которого в каждый момент могло вспыхнуть яркое пламя.

Об'явление войны Румынией.

В предшествующем описании позиции Румынии было сказано, что ее вступление в войну на стороне антанты после первых крупных успехов Брусилова зависело лишь от дальнейшего ухудшения положения Австро-Венгрии. Последующие события в июне и июле едва ли фактически принесли с собою подобное ухудшение. Они были просто неизбежными и непредвиденными результатами раз совершившегося. Но дипломаты антанты сумели не совсем компетентным политикам и военным Бухареста представить эти результаты в желанном для себя свете. Во всяком случае, в конце июля в главных квартирах срединных держав, согласно всех известий из Румынии, не было больше сомнений, что решение о том, когда Румыния перейдет в ряды врагов, висело на волоске и уже не зависело теперь от мероприятий срединных держав. Слово оставалось только за антантой. Из такого положения дел и приходилось теперь исходить. Стремление главных квартир прежде всего было направлено на то, чтобы, по возможности, замедлить оффициальный разрыв. Чем позднее он мог бы последовать, тем это лучше было бы для срединных держав, так как по ходу событий можно было допустить, что фронты как на востоке, так и на западе, при выигрыше времени лучше бы окрепли и тем получили бы большую возможность отдать силы для преодоления нового врага, без вреда для себя. Поэтому в последнюю треть июля и в августе немецкие подкрепления с запада подвозились, главным образом, в районы австро-венгерского восточного фронта, соседние с Румынией. Приходилось бояться неудачи именно здесь, в известной мере на глазах у Румынии; будучи сами по себе незначительными, они все же могли бы причинить преждевременный разрыв. Догадываясь, что в Бухаресте надеются на невозможность или нежелание Германии оказать помощь Австро-Венгрии при ее столкновении с Румынией, румынскому военному агенту при немецкой главной квартире настойчиво указывали на ошибочность такого предположения; ему предоставлена была даже возможность убедиться, что Герма-

ния располагает для сего совершенно достаточными силами. Чтобы подчеркнуть эту уверенность, были придвинуты к Рущуку на Дунае, т.-е. непосредственно к болгарской границе, находившиеся там с конца 1915 г. части 101 немецкой дивизии. Было также рекомендовано как турецкому, так и болгарскому командованиям дать и свои об'яснения в Бухаресте в том же тоне. Австро-венгерское главное командование получило внушение крепко поддерживать продолжение переговоров австро-венгерского правительства с Румынией о цене за продолжение ее нейтралитета, хотя и существовала уверенность в их конечной безнадежности.

С этими мероприятиями, которые должны были или предотвратить наступление нежелательного события, или, по крайней мере, задержать его, шла рука об руку подготовка и к самому событию. Назначенное для сего формирование новых немецких частей также было ускорено, как и постройка стратегических дорог в юго-восточной Венгрии и в северной Болгарии. Генерал-фельдмаршал ф.-Макензен уже в июле был осведомлен, что в случае войны с Румынией ему будет вверено командование на добруджской границе и на Дунае. Был обсужден с ним и план ведения этих операций. Он получил указание предпринять необходимые разведки и подготовку, насколько это возможно, не вызывая большого внимания. Наконец, 29 июля в немецкой главной квартире между генерал-полковником Конрадом ф.-Гетцендорфом, болгарским военным уполномоченным полковником Ганчевым и начальником генерального штаба была заключена конвенция об общем образе действий в случае вражеского выступления Румынии. К ней примкнул от имени османского верховного командования Энвер-паша 5 августа при свидании с начальником генерального штаба и генерал-полковником Конрадом ф.-Гетцендорфом в Будапеште.

Считали делом решенным, что Румыния, раз она начнет войну, первым делом, не считаясь особенно с военными требованиями, попытается, следуя „голодному“ образу мыслей своих руководителей, овладеть наиболее страстно желаемым военным призом, а именно, Семиградьем. Поэтому

в этом направлении и предполагалось применение главных румынских сил, в то время как полагали, что для прикрытия против Болгарии будут оставлены относительно слабые силы второй и третьей линии в Добрудже и у Дуная.

Относительно контр-мероприятий скоро договорились.

См. карту 1.

Непосредственно после начала войны новая армия Макензена должна была из Болгарии вторгнуться в Добруджу, захватить предмостные укрепления у Тутракана и Силистрии и продвинуться вперед до самой узкой части между Дунаем и Черным морем. Ее предполагалось сформировать из 101 немецкой дивизии, части которой уже стояли в Рущуке, четырех болгарских дивизий—из них три находились уже в северной Болгарии, одна прибывала из Македонии—и двух турецких дивизий из Адрианопольского района. Генерал ф.-Конрад, правда, хотел, чтобы армии вторглись не в Добруджу, но тотчас же через Дунай, чтобы достигнуть скорейшего облегчения участи Семиградья. Но добруджский план был удержан, так как переправа через реку вообще считалась невыполнимой, пока не были обезврежены румынские войска в Добрудже. Армия Макензена с немецкой стороны особенно обильно была снабжена новейшим оружием, как-то: тяжелой артиллерией, минометами, газами, с которыми румыны еще не были знакомы. Постепенный подвоз войск и материальной части должен был начаться в скорейшем времени, так как иначе при слабых путях на Балканах могло бы случиться, что войскам не удастся своевременно развернуться. По достижении армией Макензена указанной линии было намечено сильные части ее снять с фронта и направить к Систову в Болгарию, чтобы здесь по переправе через Дунай ударить ими на Бухарест. Переправа где-либо ниже считалась по техническим условиям слишком трудной. Чтобы таковую по возможности облегчить, было решено австро-венгерский тяжелый мостовой парк (Дунайский) тотчас же перевести в рукав Дуная южнее острова Белене (Belene) у Систова, так как при

дальнейшем осложнении отношений с Румынией уже нельзя было бы его подать туда из Венгрии. Возражение австро-венгерского главного командования против этого мероприятия, которое, конечно, подвергало дорогой мостовой запас продолжительной опасности, удалось устранить.

В продолжение намеченных таким образом операций генерал-фельдмаршала ф.-Макензена Австро-Венгрия имела в виду задержать возможно долго продвижение румынских главных сил через пограничные горы, пока прибудут на место ударные части, которые предполагалось перебросить сюда немедленно после об'явления войны. С немецкой стороны для этого предусматривались четыре — пять пехотных—и от одной до двух кавалерийских дивизий. Австро-венгерское главное командование имело в виду перевести в Семиградье две пехотных и одну кавалерийскую дивизию, которые тяжко пострадали в боях на восточном фронте. Эти части имелось в виду здесь пополнить и освежить. Затем, согласно выраженному немцами желанию, на румынском фронте от Дуная до Буковины назначением командующим 1-й австро-венгерской армией генерала-от-инфантерии Арц фон.-Штраусенберга было создано единое командование. В задачу генерала входило прежде всего восстановить отсутствовавшую в юго-восточной Венгрии ясность военной обстановки, затем сделать пригодным для военных целей многочисленные, хотя и очень слабые, части жандармерии, пограничников, алармистов, ландштурма, этапные, горные и отдельные полевые батальоны и посредством мероприятий в горных проходах подготовить преграды для ожидаемого наступления противника. К сожалению, этим подготовительным мероприятиям австро-венгерского главного командования значительно помешали наступившие к средине августа события на фронте Изонцо.

Итальянцы на тирольской границе прекратили свои контр-атаки, как только они встретили в более высоких горных районах упорное сопротивление, и перебросили резервы против Изонцо, где в первой трети августа они повели наступление с весьма превосходными силами. С австрийской стороны не могли с достаточной быстротой

произвести нужные перегруппировки. Части, брошенные из Тироля, после тяжелых здесь боев, на Изонцо, конечно, не располагали уже нужной боевой упругостью. Во всяком случае, 6 августа было потеряно важное предмостное укрепление западнее Горицы, а вскоре затем потерян был и сам город. Противник закрепился в некоторых местах восточного берега Изонцо. С этим наступал серьезный кризис. Чтобы восстановить положение, понадобился даже подвоз некоторых дивизий с восточного фронта, которые здесь были освобождены путем замены их немецкими. Что с другой стороны из-за этого на востоке вновь возникли затруднения, не только для австро-венгерского главного командования, но и для общего руководства войной, не нуждается в дальнейших пояснениях. Все более и более сказывались роковые последствия самостоятельного австро-венгерского предприятия в Тироле; последнему—переходу Румынии на сторону антанты—еще предстояло появиться. Ближайшие события на Изонцо были для него решающими.

См. карту 6.

К подготовительным к войне с Румынией мероприятиям принадлежат также операции, которые после долгого затишья были начаты в августе месяце на Македонском фронте. Раз уже было упомянуто, что на этом фронте признавалось желательным для улучшения позиций продвинуть правое крыло, образованное 1-й болгарской армией, из равнины Монастыря (Битоля) на высоты южнее Флорины и западнее озера Острово. В последнее время болгарское командование вновь указало на то, что подобное продвижение вперед 2-й болгарской армии на левом крыле до участка Струмы было бы очень полезно. В свое время начальник генерального штаба должен был отсоветовать выполнение плана, так как ожидаемый расход сил вместе с имевшимся тогда риском впутаться в войну с Грецией не отвечал размеру достигаемых выгод. Тем временем положение изменилось. Греческая армия в большей своей части была демобилизована. Опасность непредвиденного столкновения с ним и по другим соображениям более не существовала.

Улучшение позиций, которое одновременно вело за собою и их сокращение, теперь, даже если оно сначала требовало жертв, было выгодно, так как оно предоставляло возможность выделить части для другого применения, на этот раз против Румынии; производство операций было поэтому предоставлено командованию. Они начались 15 августа и, после боев с переменным успехом, к 28 того же месяца поставленные цели были достигнуты. Вновь в этой части балканского театра надолго наступило столь обычное здесь спокойствие. Тем сильнее запылал факел войны на северо-востоке полуострова.

Вечером 27 августа итальянское правительство об'явило Германии войну, и в тот же час румынский посланник в Вене вручил австро-венгерскому правительству об'явление войны со стороны его правительства. В то время, как шаг Италии был принят за то, чем он в действительности и был, т.-е. формальность, которая не была удостоена даже каким-либо ответом, на шаг Румынии против Австро-Венгрии Германия на другой же день ответила своим об'явлением войны. Ход вещей, вызванный этим об'явлением войны не застал верховное немецкое командование неготовым, однако озадачил его. Начальник генерального штаба ждал выступления Румынии только ко времени окончания румынской жатвы, т.-е. к средине сентября [1]). Какие причины вызвали его так скоро, еще не совсем ясно. Более свежие сведения заставляют предположить, что настоятельное требование Франции более не медлить сыграло при этом важную роль. Генерал Жоффр, вероятно, рассчитывал таким путем создать дать новый источник для поддержки в широких кругах антанты военного пыла, гаснувшего из-за неудовлетворительного хода боев на Сомме и ослабления русского на-

[1]) Эту значительно оптимистическую мысль автор столь сильно привил Вильгельму, что встретившись утром *в день об'явления* Румынией войны в парке с двумя офицерами штаба (это были майоры Бауер и Бусше) император весело поделился с ними своей мыслью, что он за Румынию спокоен. Через несколько *минут* ему пришлось горько разочароваться.

Прим. ред.

ступления в Галиции. Во всяком случае, новому союзнику от этого совета не поздоровилось. Достаточно было немногих телеграмм от немецкого верховного командования, чтобы привести в движение хорошо подготовленные контр-меры. Но тогдашнему начальнику генерального штаба не было уже суждено давать дальнейшие указания.

28 августа к начальнику генерального штаба явился начальник военного кабинета генерал-от-инфантерии барон ф.-Линкер с сообщением, что император находит необходимым на ближайшее утро пригласить генерал-фельдмаршала ф.-Гинденбурга для совещания о военной обстановке, как таковая сложилась с открытым переходом Румынии в ряды врагов. Генерал ф.-Фалькенгайн мог на это только ответить, что он на последовавшее без его предварительного согласия приглашение частного начальника по вопросу об общем руководстве войной, разрешение которого было исключительно его делом, должен посмотреть, как на неприемлемое для него разделение ответственности и как на знак того, что он более не располагает нужным для его задачи неограниченным доверием верховного вождя. А посему он просит о немедленном освобождении от своего служебного поста. Последовавший по воле его величества разговор его с начальником генерального штаба, так как дело шло о принципе, для последнего безусловно непоколебимом, не мог создать какого-либо сближения в противоположных взглядах. Просьба об освобождении была удовлетворена утром 29 августа.

Общая обстановка войны в момент принятия дел генерал-фельдмаршалом ф.-Гинденбургом была серьезна [1]).

Она, с колебанием в ту или другую сторону, никогда не была иною с 14 сентября 1914 года, такой же осталась

---

[1]) Изложенную ниже картину интересно сопоставить с соответственными страницами в „воспоминаниях“ Гинденбурга или Людендорфа.

Прим. ред.

она до горького конца, а, в силу многократного превосходства врагов в силах и средствах, иной не могла и стать, пока не была бы надломлена воля к победе противника. Ничто, повидимому, не повлияло более сильно на печальный исход войны, как то обстоятельство, что этот факт был вскрыт перед народной массой лишь в момент, когда ничего спасти уже было нельзя.

Но в конце августа 1916 года, вопреки всяких утверждений, которые позднее выплыли наружу и которые и поныне усердно распространяются, положение дел не было отчаянным.

На западном театре сила натиска врагов дошедшая в боях на Сомме до своего крайнего напряжения, была сломлена. Ценой кровавых наступлений они могли еще добиться отдельных успехов, но не было уже никакого сомнения в том, что в целом они должны были сорваться в своих усилиях, и еще менее можно было сомневаться, что повторение этих усилий в подобном размере и при подобных же для Германии неблагоприятных обстоятельствах было уже невероятно. Если оказалось невозможным положить конец натиску и превратить его при помощи контр-удара в дело, выгодное немцам, то это приходится приписать исключительно ослаблению резервов на западе, а оно явилось неизбежным из-за неожиданного разгрома австро-венгерского фронта в Галиции, когда верховное командование не сумело своевременно опознать решительного перенесения центра тяжести русских из Литвы и Курляндии в район Барановичей и в Галицию.

Что вопреки переброске крупных сил на восток, западный фронт все же не только располагал силами для отражения соммского штурма, но был в состоянии поставить и главную часть сил, нужных для наступления в Румынию, это приходится приписать организации маасской операции. Также ей приходилось приписать и то, что французы на Сомме могли принять участие только с относительно слабыми силами,— к нашему счастью. Около девяноста их дивизий, т.-е. около двух третей их общей вооруженной силы, были перемолоты на мельнице Вердена. Немецкие потери при этом не достигали более одной трети французских потерь. Конечно, операции

в области Мааса, соответственно с уменьшением общих резервов, с начала июля мало-по-малу должны были суживаться в своем размере. Но их организация делала это возможным без особого труда, как она, с другой стороны, позволяла возобновление атаки в любое время. Оставалось ожидать, что она, если и под новой формой, достигла бы цели привести Францию до полного обескровления. Лучшим подтверждением этого взгляда являются прения во французской палате летом 1916 г. [1]).

На русском фронте всякая серьезная опасность могла считаться устраненной с того момента, как передвижения русских на юг сделались известными во всем их об'еме. Теперь в северной части восточного фронта имелись в распоряжении резервы, нужные для того, чтобы сдержать русских в Галиции в должных рамках. Предположение, что русские после удара, нанесенного им в 1915 г., вновь не оправятся и потому не могут представить серьезной угрозы для немецких частей, почти независимо от численного соотношения сил, оправдалось. Конечно, в факте ослабления некоторых частей австро-венгерской армии и внутренней слабости монархии заключалась длительная опасность, но не в силах человеческих было устранить ее совершенно. Можно было разве смягчить ее соответствующими мероприятиями, и это было намечено в возможно широком размере.

Для сведения счетов с Румынией союзные командования сделали свое дело. Теперь не от них, а от действий на местах зависел исход, который в пределах человеческого предвидения, казалось, был обеспечен.

Турецкие фронты в Азии, как явно второстепенные театры, при обсуждении общей военной обстановки менее

---

[1]) В этом пункте автор был резко одинок. Большинство писавших или высказавшихся по поводу Вердена, держалось взгляда, что операцию надо было бросить уже в марте месяце (Бауер) или немного позднее. Кронпринц приходил в отчаяние от того морального гнета, какой Верден производил на немецкие части. Die Maasmühle zerrieb nicht nur die Knochen, auch den Geist der Truppen, говорит кронпринц (стр. 218). Фалькенгайну, если бы он и остался на посту, было бы трудно продолжать осуществление своей идеи.

Прим. ред.

вызывали к себе внимание. Во всяком случае, дело обстояло с ними удовлетворительно, за исключением разве Армении, где однако уже не приходилось опасаться дальнейшего продвижения русских. Беспокойство, что изолированность России может исчезнуть с форсированием Дарданелл, было устранено.

Еще лучше было положение дел в Македонии: немецко-болгарские фронты здесь считались на ближайшее время обеспеченными от всяких возможностей. Больным местом в военном положении срединных держав являлось то состояние австро-венгерского фронта у границы Италии, в котором он очутился после несчастного наступления из Тироля. И все же позднее время года с большой определенностью давало надежду на скорое наступление большой передышки, во время которой было возможно обдумать нужные контр-мероприятия.

Решение о том, когда и как должны быть применены оставшиеся в резерве силы подводного флота, никоим образом не было принято преждевременно. После переговоров с политическим руководством весною об этом вопросе начальник генерального штаба старательнейшим образом избегал, чтобы верховное военное командование как-либо проявило, хотя бы внешним порядком, свое отношение к вопросу. Уже необходимость не побудить врага к каким-либо контр-мерам требовала этого. Неожиданность для успешного применения беспощадной подводной войны, насколько она еще теперь была возможна, являлась главным условием. Сверх того, начальник генерального штаба считал необходимым одновременно с открытием подводной войны начать активные действия на западе, а к этому моменту нельзя было предвидеть, когда таковые снова станут возможными.

Напряжение внутри страны, естественно, было очень сильно. Отказ от крупных новых формирований с лета 1915 г. все же мешал напряжению дойти до крайних пределов. Положение вопроса о пополнениях было обеспечено на долгое время и протекало в планомерных рамках. Теперь уже снова можно было подумать о новых формированиях в более крупном масштабе. Точно также удалось поднять произ-

водство военных материалов до степени, удовлетворяющей потребность, серьезно не потрясая хозяйственной обстановки страны. Высочайшее достижение в 1917 г. было получено по теперь еще выработанному для этого плану. Оно, казалось, могло вполне удовлетворить всем пред'являемым требованиям. На самом деле достигалось не только это; фактически этот план в течение всей войны оставался руководящим для производства снарядов.

Отнсшения как к турецкому, так и к болгарскому командованиям никогда не вызывали ни малейших беспокойств. Оба без колебаний держались союза и всегда были готовы безусловно сообразоваться со всякой мерой, рекомендованной верховным командованием.

Личные отношения к австро-венгерскому командованию так же не могли быть названы дурными; по крайней мере, в сношениях нельзя было наблюсти ни малейшего намека на противоположное. Трение, возникшее зимой вследствие попыток австро-венгерского главного командования, вырваться из под влияния немецкого командования, было давно сглажено путем откровенной беседы. В деловых отношениях к союзному командованию, конечно, существовала граница, за которой на место дружественного соглашения неизбежно должно было наступить известное принуждение. Граница пролегала там, где дело сводилось к удержанию в возможных рамках, в смысле согласованности с общим вождением, планов Австро-Венгрии, идущих за пределы собственных ее сил и рессурсов. Злые испытания последнего времени делали нужным наметить формальное об'единение общего руководства войной в немецких руках.

Этот обзор современного положения на ряду со многим серьезным представлял мало чего утешительного. Он все же однако не давал основания считать положение отчаянным. Во всяком случае, ни уходящий начальник штаба, ни его товарищи, состоявшие во главе союзных командований, не думали считать его таковым.

До сих пор военное руководство, имея целью сломить неприятельскую волю, точно также не упускало из виду,

как само собой разумеющееся, что цель при всех обстоятельствах может быть достигнута лишь путем активных действий (Handeln im Angriff) и с применением всех наших сил, а не терпеливым лишь упорством в обороне. Но рядом с этим нельзя было не считаться с обстоятельствами, вытекавшими из хода войны, поскольку и пока их нельзя было изменить.

В первые недели войны не удалось использовать видимо имевшуюся тогда возможность добиться решения разгромом наших врагов в ряде ударов, наносимых с крайним напряжением сил при забвении всех побочных соображений. Зимой 1914—1915 г.г. события на восточном театре помешали нам вновь встать на этот прямой путь к достижению цели. Затем падение боеспособности нашего первого союзника, наша собственная слабость на море и позиция Америки сделали вопрос не ясным, можем ли мы вообще вновь вступить на этот прямой путь.

Конечно, он оставался идеалом.

Но теперь мы находились в борьбе, в которой дело шло уже о существовании нашего народа, а не только о получении лавров или захвате земель. В ней мы не смели упускать из виду и того случая, что мы, как бы ни слагались обстоятельства, могли оказаться в таком положении, когда решительного исхода можно было бы добиться не физическим уничтожением наших врагов в буквальном смысле слова, но только тем, что им было бы вбито в голову, насколько они далеки от возможности одоления и какой ценой они могут купить победу над нами.

Эта необходимость придавала вопросу сохранения выдержки (Durchhalten) срединных держав в течение войны особое и выдающееся значение, делала бесконечно важными холодно-разумный учет военного материала и решительный отказ от такого способа ведения войны, требования которого превосходили нашу возможность продержаться.

Если бы срединные державы не выдержали, иными словами, если бы они не сумели дольше, чем противоположная партия, сохранить свою волю к победе и свои военные возможности, то все, что было завоевано, станови-

лось ничего не стоящим. Война не только была бы проиграна, а это угрожало бы гибелью. Но если бы они выдержали, они выиграли бы войну, выиграли бы в той мере, в какой, при стратегическом положении Германии и ее союзников против сил почти всего остального мира, она только и могла быть выигранной. При этом для конечных результатов не играло никакой роли, давали ли наши чисто боевые эпизоды большие или меньшие достижения.

На таких соображениях базировалось наше руководство войной. Несмотря на тяжелые испытания, которым предприятие в Италии подвергло эти основы, руководство войной прилично выдержало страшные потрясения, вызванные события в Галиции и на Сомме. Можно было предположить, что оно будет на высоте и тех искушений, которые могли вытечь, как дальнейшие следствия. Как известно, это вполне подтвердилось.

Начальник генерального штаба остался поэтому непоколебим в своем убеждении, что благоприятный исход войны мог быть достигнут не иным каким-либо путем, а только тем, который был намечен.

Лично он не испытывал сожаления, когда ему было позволено переложить возложенную на него два года тому назад в труднейшие моменты войны тяжесть на плечи, более пощаженные и устойчивые (tragebereite), так как это совпадало с его, несколько раз с весны повторенным, желанием освободиться от поста. При тех условиях, которые создались в виду различия мнений по важнейшим вопросам политики и войны между высшими инстанциями и которые со стороны начальника ген. штаба не были устранимы, он полагал, что на теперешней своей должности он не может более быть полезным своей стране.

Об'ективно же, сознание, что каждая смена на этой должности при теперешних обстоятельствах неизбежно должна вызвать перемену системы ведения войны, внушало ему тяжелое беспокойство.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР СООТНОШЕНИЯ СИЛ.

ЗАМЕЧАНИЕ.

1) Учитываются только боевые части, без этапных и—пополнений.

2) Так как данных о численности отдельных войсковых соединений не было под рукой, то цифры приведены схематически с примерным учетом недостающих данных. Поэтому цифры не претендуют на абсолютную точность, но все же дают достаточно ясную картину соотношения сил.

А. Восточный театр войны.

		Немцы.	Австро-венгерцы.	Вместе.	Русские.
1. Средина сентября 1914 г.	а) На восточно-прусской границе . . .	140.000	—	140.000	160.000
	б) На немецко-польской границе и в Польше, часто без соприкосновения	40.000	—	40.000	138.000
	в) В Галиции	16.000	367.000	383.000	652.000
2. Конец декабря 1914 г.	а) На немецкой границе правее Вислы	105.000	—	105.000	320.000
	б) В Польше левее Вислы	385.000	140.000	525.000	847.000
	в) В Галиции и в Буковине	12.000	513.000	525.000	521.000

		Немцы.	Австро-венгерцы.	Вместе.	Русские.
3. Конец января 1915 г.	а) На немецкой границе правее Вислы	125.000	—	125.000	317.000
	б) В Польше левее Вислы	273.000	146.000	419.000	916.000
	в) В Галиции и в Буковине	48.000	525.000	573.000	610.000
4. Конец апреля 1915 г.	а) На немецкой границе правее Вислы	366.000	—	366.000	640.000
	б) В Польше левее Вислы	184.000	54.000	238.000	407.000
	в) В Галиции и в Буковине	89.000	610.000	699.000	720.000
5. Начало июня 1916 г.	а) Севернее Припяти .	560.000	30.000	590.000	1590.000
	б) Южнее Припяти . .	30.000	456.000	486.000	650.000

Б. Западный театр войны.

		Немцы.	Неприятель.
1	Средина октября 1914 г.	1.700.000	2.300.000
2	Начало мая 1915 г.	1.900.000	2.450.000
3	Средина июля 1915 г.	1.880.000	2.830.000
4	Средина сентября 1915 г.	1.970.000	3.250.000
5	Начало февраля 1916 г.	2.350.000	3.470.000
6	Начало июля 1916 г.	2.260.000	3.840.000

Список собственных имен и названий.

А.

Аар—86, 133.
Авганистан—55, 237.
Австро-Венгрия — 13, 15, 55, 58, 61, 63, 69, 70, 78, 79, 95, 96, 97, 99, 100, 104, 111, 122, 128, 143, 150, 151, 152, 169, 170, 171, 172, 175, 176, 180, 183, 185, 186, 188, 189, 190, 208, 221, 227, 232, 233, 243, 250, 252, 253, 255, 258, 263.
Австрия—102, 152, 181, 208.
Августов—64.
Аданская равнина—56.
Адрианопольский район—255.
Азиаго—222.
Азия—27, 55, 56, 151, 192, 234, 236, 261.
Албания—167, 171, 173, 186, 187, 234.
Александр Македонский—195.
Алексинац—166.
Алексеев, М. В., нач-ик штаба верх. глав-его—169.
Алеппо—56.
Альбрехт герцог Вюртембергский, главнокомандующий 4 арм.—33.
Альбер—241.
Альпы—181, 182.
Анатолийская дорога—56.
Английский канал—33.
Англия—22, 27, 29, 33, 34, 55, 70, 71, 72, 73, 144, 146, 147, 183, 184, 194, 195, 197, 198, 199, 200, 202, 215.
Англо-индийск. армия—236.
Антанта—51, 54, 148, 150, 199, 214, 233, 243, 252, 253, 257, 258.
Антверпен—25, 33, 34, 195.
Аман—56.
Америка—23, 72, 73, 74, 94, 145, 147, 148, 202, 204, 245, 263.
Аравия—237.
Аргонны—17, 57, 156, 206.
Арманьер—156.
Аррас—68, 87, 156, 161, 162, 163, 206, 214, 215.
Армения—54, 56, 79, 236, 261.
Арсиера—222.
Артуа—35, 98, 156.
Арц-ф.-Штраусенберг, ген.-от-инф. ком. 1 а.-в. арм.—256.

Б.

Багдад—5, 56, 79, 193, 236.
Байбурт—236.
Балканский пол.—208, 234.
Балканский театр—257.
Балканы—117, 122, 125, 126, 149, 151, 169, 171, 172, 175, 176, 177, 186, 208, 236, 255.
Балтийское побережье—76, 248.
Банат—166, 168.
Бапом—33, 241.
Барле—251.
Бауер, майор, воен. писатель — 3, 4, 12, 20, 34, 51, 90, 116, 201, 258, 260.
Бауск—135.

Барановичи—140, 220, 231, 260, 246.
Бартенверфер—ф., полк., нач.полит. отд.—15.
Безелер, ген., ф., спец. по осад. креп.—20, 119.
Бекман ф., ген.-м., нач. шт. 8 армии—64, 109.
Белашка—177.
Белене, о-в—255.
Белограджик—154.
Белов—ф., команд. 8 арм.—109, 242.
Белополье—173.
Белосток—116, 122, 131, 132.
Белград—154, 134, 165.
Бельск—120.
Бенуа—фр. инженер—141.
Бельфор—52, 201.
Березина р.—133, 141.
Беренд, артилл. ген.—155.
Берлин—84, 145, 201, 205, 223.
Бессер ф.—43, 77, 83.
Бернгарди, ген., воен. писат.—42.
Бетман-Гольвег, германский государственный канцлер—11.
Бельгия—18, 20, 23, 33, 55, 106, 158, 168, 183, 201.
Бескиды—66, 77, 81, 90.
Берестечко—247.
Биаш—241.
Бисмарк—9, 21.
Битлис—236.
Битоль—173, 178, 257.
Бобр р.—118.
Болгария—54, 55, 94, 102, 104, 111, 124, 126, 127, 143, 148, 150, 151, 153, 164, 165, 168, 169, 170, 171, 175, 176, 179, 188, 189, 233, 250, 254, 255.
Босния—153, 166.
Босфор—102.
Ботмер—ф. кав. ген.—106, 187. Ком. южн. арм.—231, 246, 247.
Бохния—83, 84.
Бояджиев, болг. ген., командующий 1 Болг. Арм.—154, 177.
Бзура р.—43, 57.
Бранденбург—пех. 24 полк.—213.
Брент долина—222.
Брест—118, 120, 124, 140.
Брест-Литовск—116, 120, 123, 126, 127.
Британия—198.
Броды—125, 141, 142, 225, 246.
Бронсарт-ф.-Шеллендорф, начальн. шт.—57, 216, 242.
Брусиловское наступление—97, 223.
Брусилов, ком-ий ю.-з. фронтом—233, 252.
Бугская армия—107.
Буг р.—103, 106, 107, 112, 113, 114, 117, 118, 119, 120, 124, 126, 129.
Будапешт—254.
Буковина—64, 77, 88, 99, 187, 228, 232, 256, 266.
Бургас—150.
Бурканов—187, 246.
Бутше-ф.-дер-майор—90, 258.
Бухарест—233, 253, 255.
Бучач—246.
Бюлов, ген.-полк., ком—щий 2 армией—38.
Бюлов-фон—95.

В.

Вальтер-Ратенау, д-р—48.
Вандель-фон., ген.-л., зам. военного министра—27.
Вангенгейм-фон, герм. посланник в Константинополе—54.
Ванское оз.—236.
Варано—83.
Вардар р.—154, 165, 167, 169, 173, 174.
Варна—150.
Варшава—31, 36, 39, 57, 81, 98, 108, 113, 115, 118, 119, 123, 145.
Вена—152, 258.
Вельс—165, 166, 167, 177.
Венгрия—58, 62, 77, 80, 102, 127, 128, 152, 164, 177, 189, 190, 225, 233, 252, 254, 255, 256.

Вепрж р.—120.
Вербен—231, 246.
Верденская операция — 51, 62, 244.
Верден — 17, 68, 201, 205, 206, 210, 212, 214, 215, 217, 219, 238, 247.
Верхн. Пилица р.—36.
Верхн. Силезия—28.
Вилейка—133.
Виленская операция—132.
Вильгельм, император — 45, 62, 87, 258.
Вильгельм, кронпринц—57, 201.
Вильд-ф.-Гогенборн, ген.-л., прусск. воен. министр—11, 16.
Вильколаз—130, 131.
Вильна—126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 140.
Вими—212.
Винклер-фон, ген.-от-инф., ком—щий 11 армией—216.
Висла р.—28, 31, 35, 37, 39, 42, 43, 54, 61, 65, 67, 77, 81, 82, 88, 90, 91, 98, 103, 106, 107, 108, 109, 112, 113, 115, 117, 118, 119, 120, 123, 126, 129, 145, 266, 267.
Висса р.—118.
Вичена р.—222.
Владимир-Волынск — 106, 107, 114, 124, 230.
Вишня р.—91.
Влодава—119, 120, 124.
Во, форт—218.
Вогезы—17, 18, 94, 177.
Войславице—114.
Войрш, ген.-от-инф. нач. группы—90, 98, 108, 112, 113, 115, 116, 117, 119, 138, 139, 231, 245, 246.
Волынь—67, 101, 106, 125, 126, 140, 141, 152, 224, 227.
Восток —55, 195.
Вост. Галиция—119, 141, 187, 249.
Вост. Польша—28.
Вост. Пруссия — 24, 28, 30, 43, 58, 63, 64, 78, 80, 85, 129.
Вост. театр войны—266.
Воюза—234.
Врисберг-ф., полк. Директор общ. в. депар.—27, 47, 49.
Вранья—165, 166.
Вурцбахер, майор — 51 (Военное мин-во).
Вышград—166.
Вьеса р.—187.
Виндава- 86.
Вислок р.—81.

Г.

Галицийская операция — 96, 97, 98.
Галиц. сражение—71, 86.
Галиция — 23, 29, 31, 43, 51, 57, 80, 82, 84, 85, 87, 88, 90, 94, 98, 99, 100. 101, 102, 105, 110, 111, 122, 125, 152, 163, 171, 180, 181, 185, 187, 189, 196, 221, 223, 225, 227, 238, 243, 258, 260, 261, 264, 266, 267.
Галич—106, 232.
Галлиполи — 88, 103, 168, 175, 192, 249.
Гальвиц, ген.-от-арт. — 65, 108, 109, 110, 112, 113, 116, 118, 139, 154. 177, 216, 242.
Гаммекур—238.
Ганчев—болг. ген.—150, 254.
Гардское оз.—181.
Гэде, ген.-от-инф.—57, 205, 212, 213.
Геринген, ф., ген. полк. 7 армии—57, 158.
Геджас—237.
Гейе., полк. ген. шт., нач. шт. арм. группы Войрша—12.
Гелль-ф. — нач. шт. 10 арм. — 63, 228.
Гельголанд—ост.—23.
Геммер, нач. шт. подполк.—106.
Геничих, нач. шт. 7 арм.—57.
Генч, подп.—15, 155.
Гентих—55.
Геппнер, нач. шт.—57.
Германия—5, 9, 13, 14, 26, 29, 32, 33, 34, 39, 45, 48, 50, 51, 55, 58, 60

63, 67, 69, 70, 71, 79, 86, 95, 96, 97, 98, 105, 129, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 151, 168, 170, 172, 176, 178, 183, 190, 191, 192. 194, 197, 198, 199, 200, 203, 204, 208, 209, 243, 245, 251, 252, 253, 258, 260.
Герцеговина—153.
Гетцендорф-ф.-Конрад — нач. ав.-в. ген. шт. — 29, 90, 150, 180, 182, 184, 185, 223, 244, 254.
Гинденбург, Главноком. восточн. фронтом—5, 13, 18, 24, 28, 32, 58, 60, 62, 63, 89, 121, 129, 149, 225, 228, 230, 231, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 259.
Гогенлоэ-Лангенбург, князь — 149.
Гольцендорф, ф., нач. морск. Шт.— 202.
Гольц, ф.-дер, генерал-фельдмаршал—5, 193, 236.
Гоманна—83.
Горица—256.
Горохов—230.
Горлица — 75, 82, 83, 85, 86, 90, 94, 105, 143, 156, 163, 182, 189.
Гнезен—36.
Грауденц—39.
Греннер, полк. нач. ж. д. отд.—16.
Греция—151, 168, 169, 175, 189, 208, 235, 257.
Грибов—83, 84.
Громник—83, 86.
Гродно—85, 128, 131.
Гроцк—165.
Грубешов—124.
Грюнерт, ген.-м., нач. шт. 9 арм.— 32, 109. Нач. Шт. 2 арм.—239.
Грузия—54.
Гуманн — немец. морск. атташе в Константинополе—54.

Д.

Далмация—186.
Дарданеллы—27, 66, 69, 78, 79, 103, 127, 148, 149, 151, 170, 175, 177, 179, 180, 192, 261.
Двина р.—128, 133, 136, 140.
Двинск—129, 131, 132, 134, 135, 136, 140, 219, 245.
Дедеагач—151.
Дельбрюк, профес. общ. и военной истории—124.
Доммес, ф., полк., начальн. Полит. Отд.—15.
Дибра—173, 177.
Днестр р. — 91, 106, 107, 108, 114, 141, 142, 229, 230, 232, 246, 247,
Добруджа—254, 255.
Дойран—173, 174, 177.
Дрина р.—164, 166.
Дрисвяты оз.—219.
Дубисса р.—86, 109.
Дубно—141.
Дунаец р.—36, 43.
Дунай р.—62, 95, 101, 104, 126, 127, 151, 154, 155, 164, 165, 166, 177, 180, 192, 253, 254.
Дуомон форт—209, 214, 216, 217.
Дубенка—119, 124.
Дюнкирхен—52.
Дьяково—173.

Е.

Европа—57, 192, 195, 197, 198, 237.
Египет—55, 167, 195, 237.
Езуса р.—114.
Енисей—177.
Ефрат р.—56, 257.

Ж.

Жеков, бол. ген.—120.
Жоффр, франц. главноком. — 159, 258.

З.

Западн. армия—159.
Западн. Галиция—81, 92, 225.

Западн. Пруссия—251.
Западн. театр войны—267.
Збарсц—83.
Заечар—154, 165.
Зеект ф., полк генер. шт.—86, 230, 232.
Зельвянка—131.
Зигано—235.
Зигер, ген.-фельд.—16.
Золосьце—231, 246 247, 248.
Зо ютая Быстрица—247.
Золотая Липа—107, 108, 114, 247.
Золокия р.—106.
Злочев—247.

И.

Ивангород—113, 115, 118.
Иерусалим—56.
Изер р.—31, 33, 34, 35, 38.
Изонцо—94, 95, 153, 164, 171, 177, 222, 243, 256, 257.
Иква р.—225, 231.
Ильзе, полк. нач. шт. 4 армии—33.
Индия—55, 195, 237.
Ипек—173.
Ипр р.—36, 46, 85, 156.
Ирак—193, 195, 236, 237.
Ирландское море—204.
Испания—194.
Италия—23, 51, 58, 61, 65, 66, 69, 70, 71, 78, 80, 84, 88, 91, 94, 95, 96, 97, 101, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 193, 199, 221, 243, 250, 258, 261, 264.

К.

Кавадар—173.
Кавказ—55.
Калисте—165.
Калиш—39.
Калка р.—224, 231.
Каменная р.—108.
Карл I, король Румынии—188.
Карл, эрцгерцог—232, 247, 249.
Карпатская операция—61, 83.
Карпаты — 36, 58, 61, 62, 63, 66, 69, 70, 77, 78, 80, 81, 94, 177, 233, 247.
Карет—181, 182.
Кастельно-де, франц. ген.—162.
Кевес, австр. ген.—154, 186.
Кевиш, нач. шт., майор—216.
Кет, майор—41.
Китченер, лорд англ. воен. мин.—161, 215.
Киренаика—237.
Клагенфурт—91.
Клембовский, ген.—164.
Клук, ком. 1 герм. арм.—19.
Конрад, ф.-Гетцендорф—29, 83, 84, 90, 150, 180, 182, 184, 185, 223, 244, 250, 254, 255.
Кнобельсдорф, Шмидт ф.—117, 201, 210.
Кляэр, ф., ген. от инф., ген. инж. войск—16.
Княжевац—154, 165.
Ковель—228, 230.
Ковно—85, 109, 110, 111, 114, 116, 118, 119, 120, 127, 131.
Коломыя—232.
Калубара р.—154.
Комбр, высоты—68.
Коссово поле—167, 168.
Коссово, приток Дуная—165, 167, 17.
Константинополь 55, 56, 78, 79, 235, 237.
Крагуевец—154.
Краков—43, 84.
Кралево—166, 167.
Красник—113.
Красно—125.
Крафт ф.-Деммензинген., ген., нач. шт. 6 армии—33.
Крево—245.
Кронпринц Вильгельм—201, 210, 216, 244, 260.
Крупп, воен. заводы—52.
Ктезифон—236.
Куманово—165, 166, 174.
Куль, ген. м., нач. шт. 6 армии—154.
Купетт, ген. м.—51.
Купинов—154, 164.

Курляндия—109, 122, 126, 130, 223 260.
Кут—Эль-Амар—236, 237.
Кюльман, фр. воен. писатель—42.
Кюмьерская позиция—218.
Кюстендиль—154.

Л.

Лайбах—91.
Ла-Лофе—218, 244.
Ла-Манш—20, 204.
Ланн, маршал—242.
Лан—156.
Лаон—206.
Лаутер, инспект. арт.—16.
Лесковиц—166.
Леопольд Баварский, главноком. 9 арм.—109, 119, 123, 127, 129, 131, 140, 141, 185, 222, 226, 228, 231, 245, 248.
Либава—86, 100, 128.
Лида—130.
Лилль—33, 38, 68, 87, 156.
Лиманово—43.
Лиман-ф.-Сандерс, кав. генер., деятель в Турции—78.
Линзинген фон, ген.-от-инф.—64, 77, 106, 161, 185, 223, 226, 228, 229, 230, 231, 246, 248.
Линкер, фон-барон, нач. Воен. Каб., ген.-от-инф.—259.
Липно—39.
Литва—36, 109, 111, 114, 126, 223, 260.
Лодзь—31, 42, 43, 46, 47.
Ломжа—112.
Лоосберг-фон, нач. шт. 3 арм., подполк.—158, 242.
Лоос—87, 156.
Лотарингия—33, 196, 212.
Лохов-фон, ген.-от-инф.—216.
Лоретто—68, 87, 196.
Луков—119.
Лупков—86.
Луцк—125, 141, 224, 228, 230, 231, 232, 233.
Лык р.—109.
Львов—100, 101, 102, 125, 141, 185, 248.
Людендорф—4, 5, 24, 60, 64, 86, 89, 109, 116, 121, 124, 191, 244, 259.
Люксембург—4, 9, 18.
Люблин—117.

М.

Маасские высоты—205, 214.
Маасские операции—219, 260.
Маас р.—51, 68, 75, 185, 191, 205, 206, 209, 210, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 221, 226, 228, 239, 240, 242, 243, 244, 260.
Мазурское оз.—24, 43, 46, 64, 85, 96.
Македония—151, 153, 170, 175, 196, 216, 232, 234, 265, 255, 261.
Макензен—32, 36, 86, 112, 115, 117, 119, 120, 122, 125, 126, 126, 129, 131, 138, 139, 150, 155, 167, 173, 175, 177, 190, 229, 235, 248, 254, 255.
Малая Азия—5, 56.
Мамахатун—236.
Марвиц, фон-дер.,-ген-л.—66, 77.
Марица р.—150.
Марквард—112.
Марр, горный хребет—214.
Марна р.—6, 7, 9, 15, 17, 18, 19, 22, 23, 24, 29, 45, 54, 62.
Марнское сражение—71.
Маршаль, барон, ген.-от-кавал.—64, 77.
Массиж—156.
Массов, фон-майор г. шт., военный агент в Софии—149.
Мезон-де-Шампань—212.
Месопотамский фронт—79.
Мезьер—83, 84.
Мец—214.
Мецгер—244.
Мировице—173.

Митава—114, 120, 131, 133, 135, 140.
Митровице—167.
Млава—39.
Мобеж—18.
Мозель—19, 75, 212.
Морава р.—154, 166.
Монастырь (Битоль)—173, 174, 177, 257.
Мольтке младший—5, 9, 15, 62.
Мольтке старший—10, 21.
Москва—200.
Монастыржеска—246.
Мудра-ф., ген. от-инф.—216.
Мункач—77, 90.
Мучин—83, 84.

Н.

Нанси,—52.
Наполеон,—60, 194, 242.
Наревская удар. группа—108, 113, 114, 117, 118, 119, 120, 123, 138.
Наревская операция—138.
Нарев р.—24, 28, 65, 92, 110, 112, 113, 116, 117, 118, 120, 126, 130, 138,
Нарочь оз.—133, 140, 219, 220, 245.
Натья—177.
Невилль—212.
Неврекоп—177.
Неготин—154.
Ней, маршал—242.
Неман. армия—110, 111, 128, 130, 131.
Неман. операция—138.
Неман р.—24, 86, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 119, 122, 128, 129, 131, 133, 138, 140, 220.
Нида р.—36, 77.
Нидерланды—194.
Нидермайер-капитан—55.
Нижния Вилия р.—131.
Нижняя Двина р.—122.
Нижний Сан р.—98.
Николай, майор, нач. III отд.—16.
Николай Николаевич, великий князь—193.
Ниш—154, 166, 174, 235.
Новитарг—84.
Новогеоргиевск—109, 119, 128.
Новак, писатель—3, 90, 142, 151, 182.
Ново-Свенцяны—131.
Новые Троки—131.
Новый Сандец—84.
Нуайон—18.
Ньюпор—38.

О.

Оберсепт—213.
Огинский канал—140.
Одесса—103.
Олита—119.
Оникшты—120.
Ораны—128, 130, 131, 139.
Орна р.—214.
Орнская низменность—206.
Оршова—126, 154, 164, 165, 166.
Османское главн. ком.—254.
Оссовец—110, 118.
Острово оз.—257.
Отто-фон-Белов, ген.-от-инф., командующий 8 армией—109.
Охрида—173.
Охридское оз.—177.

П.

Павельс-фон, нач. шт., майор—216.
Палестина—237.
Парачин—166.
„Пасторский лес“—68.
Потиорек,—ав.-венг. фельдмаршал-лейт.—61.
Пелопонес—176.
Перемышль,—57, 58, 62, 64, 65, 99, 100, 101.
Персия—55, 236, 237.
Петербург—145, 200.
Петричь—177.
Перечени—83.
Пикардия—35, 38.
Пилица р.—43, 61, 62, 76, 77, 81, 90, 98, 103, 108, 109, 110, 112, 123.

Пинские болота—107.
Пирот—154, 165.
Писса р.—112, 113.
Планина—177.
Платана—2366.
Плесс—45, 87, 150.
По река—181.
Подолия—106.
Пожаревац—165.
Познань—28, 138.
Поллио, нач. итал. ген. шт.—69.
Поль, фон, вице-адм. нач. мор. шт.—71.
Полесье—114, 124, 223.
Польское кор-во—122.
Польша—36, 39, 43, 65, 111, 126, 127, 144, 145. 225, 251, 252, 265.
Поневеж—120.
Попель—120.
Посволь—120.
Поставы—219.
Прасныш—112, 113, 114, 139.
Прилеп—177.
Припять р.—107. 127, 129, 140, 141, 142, 185, 187, 196, 220, 223, 224, 229, 231, 267.
Притвиц-фон, ген.-полк., ком-ий 8 армией—18.
Призрен—173.
Приштина—166, 167, 172.
Пруссия—12.
Пфлянцер-Балтин, фон, австр. ген.—64, 187.
Пултуск—116.
Пяски— 114.

Р.

Равка р.—43, 57.
Радецкий, австр. ген.—97.
Радомка р.—117.
Рам—154, 164.
Ратенау, д-р Вальтер—48, 50.
Раух-фон, подполк. ген. шт., нач. развед. отд.—15.
Рафаловка —142.
Рашка—167.
Ревандуз—237.
Реймс—17, 18, 33, 34, 150.
Рейн р,—45.
Рига—132, 133, 140, 219, 245.
Рижский залив—128.
Рим—182, 183, 184.
Рипань—165.
Ровно—141.
Рожаны—116.
Роон—9.
Россиены—109.
Россия—26, 27, 28, 54, 58, 60, 67, 88, 94, 96, 101, 102, 138, 142, 143, 145, 148, 149, 150, 151, 164, 179, 183, 184. 193, 199, 200, 233, 261.
Руа—33.
Румыния —5, 58, 61, 69, 70, 77, 78, 80, 95, 96, 97. 101, 102, 104, 105, 111, 126, 142, 150, 151, 152, 187, 188, 189, 190, 191, 195, 200, 208, 233, 247, 250, 252, 253, 254, 257, 258, 259, 260, 261.
Рупрехт Баварский, кронпринц, ген.-полк., глав-щий 6 арм.—33. 156.
Рущук—253, 255.

С.

Сава р.—61, 95, 101, 154, 155.
Салоники—153, 154, 165, 166, 167. 168, 173, 174, 175, 176, 192, 193, 195, 234.
Санак р.—83.
Сан р.—24, 31, 35, 54, 81, 98.
С.-Миэль—68.
Северная Литва—123, 130.
Северное море —73.
Северная Польша—57.
Седлец—113.
Сенно—113.
Сен-Кантен—81, 20.
Сербия—55, 61, 66, 70, 71, 78, 80, 93, 94, 95, 96, 101, 104, 127, 149, 150, 151, 152, 153, 155, 164, 165, 166,

169, 170, 181, 183, 186, 189, 193, 208.
Семендрия—154, 164, 165.
Сервечь р.—140.
Семиградие—254, 255, 256.
Серет р.—141.
Силезия—26, 28, 31, 32, 39, 225.
Силистрия—255.
Синайский полуостров—79.
Сирийская пустыня—237.
Сирия—237.
Сирмия—94, 95, 101, 106.
Систов—255.
Скагеррак—203.
Скарог р.—157.
Скио—180, 183.
Скумби—234.
Слина р.—118.
Слоним—130.
Сморгонь—134, 135, 136, 140, 245.
Сокаль—106, 107.
Соколовка—247.
Сомма р.—51, 191, 197, 212, 218, 238, 241, 242, 243, 244, 245, 258, 259, 260, 264.
Соммский фронт—244.
Сомм-Пи—157.
София—104, 148, 149, 235.
Средиземное море—26, 75, 103, 195.
Станиславов 246, 247.
Стипле—177.
Стоход р.—142, 246.
Струма р.—257.
Струмица р.—167, 169, 177.
Стрый—90.
Стрыпа р.—114, 141, 142, 187, 225, 232, 246, 247.
Стырь р.—141, 142, 224, 231, 246.
Суассон—57.
Соединенные Штаты—73, 74, 198, 201, 202.
Сувалки—119.
Сувиль—218, 244.
Сугано, долина—221.
„Суссекс", торг. судно—202.
Суха—84.
Суэн—157.
Суэцкий канал—55, 69, 79, 192, 195, 236.
Сушэ—213.

Т.

Тавр—56.
Танев—106.
Танненбергская победа—3.
Танненберг—18, 27.
Таппен, полк. ген. шт., нач. операт. отд.—15.
Тарлов—108.
Тарнополь—225.
Татарский пер.—232.
Табор—212.
Тарнов—75, 85, 90, 94, 105, 143, 156. 163, 182, 189.
Тешен—83, 84, 87.
Темеш р.—154.
Тиомон форт—218, 238.
Тироль—67, 94, 166, 180, 220, 256 257, 261.
Тимок р.—165.
Тирпиц-фон.—247.
Тигр р.—236, 237.
Тишовиц-фон, подп. ген. шт., нач, центр. отд.—15.
Тлумач—232, 246.
Томсен. нач. шт. возд. сил—16, 53.
Тополя—154.
Торн—36, 39.
Трансильванские Альпы—233.
Трапезунд—236.
Триент—180, 183.
Тодоров, болгарск. ген., главком-ий 2 болг. арм.—154, 177.
Трансильванская операция—5.
Тутракан—255.

У.

Уаза р.—17, 19.
Ужице—166.

Ужок перевал—83.
Украина—191, 200.
Устилуг—114.

Ф.

Фабек-фон, ген.-от-инф., ком-щий 12 арм.—154.
Фабек-фон, подполк.—15.
Фалькенгайн-фон—3, 4, 5, 6, 7, 12, 15, 20, 29, 39, 62, 84, 86, 87, 90, 97, 121, 150, 151, 157, 182, 185, 201, 210, 253.
Фалькенгаузен-фон, ген.-полк., нач. отд. арм.—212, 217.
Фельтре—183.
Фердинанд, эрцгерцог—229.
Ферижович—173.
Фишер, нач. шт. арм. Штранца—57.
Фландрия—33, 35, 36, 88, 156, 158, 161, 196.
Флери деревня—218, 238.
Флорины—235, 257.
Фойгтс-Рец, ген.-майор, ген.-квартирмейстер—16.
Франсуа-фон, ген.-лейт.—216.
Франц Иосиф, австр. император—248.
Франция—23, 29, 31, 34, 40, 60, 96, 106, 126, 127, 159, 160, 161, 164, 166, 168, 179, 183, 193, 194, 196, 197, 200, 201, 208, 217, 244, 258, 260.
Фрейтаг-Лорингофен-фон, д-р Берлинск. унив., ген.-квартирмейстер—16.
Фридрихштадт—116, 128, 131, 140, 245.
Фриз—212.
Фриц фон-Белов, ком-щий 2 арм.—238.
Фукокур—241.
Фэ—241.

Х.

Хардекур—241.
Ханикин—237.
Хотин—106.

Ц.

Цеппелин граф—53.
Цехановец—118.
Цоллнер, ген.-майор, нач. шт., ген.-квартирмейстер—16.

Ч.

Черна р.—(Кара-Су)—169, 173.
Черногория—171, 186, 187.
Черное море—26, 150, 177, 191, 236, 255.
Черновицы—187.
Черные Горы—153.
Чачак—166.
Чехия—26.

Ш.

Шабац—165.
Шавли—86, 114.
Шадов—114, 116, 119.
Шампань—6, 17, 35, 57, 68, 105, 132, 137, 156, 157, 158, 161, 162, 163, 196, 206, 212, 214.
Шара р.—140.
Шелер-фон, ген.-майор, гл. интендант—16.
Шерлевиль-Мезьер—18.
Шква р.—109, 112.
Шлиффен, граф фон, ген.-полк, нач. больш. ген. шт.—22, 119.
Шлок—133, 140.
Шмидт-фон-Кнобельсдорф., ген.-м., нач. шт. 5 армии— 57, 157, 201, 210.
Шокей—118.
Шольц-фон, ген.-от-арт.—109.

Шон—239.
Шверинг фон., граф, полк. ген.-шт., нач. шт. неман. армии—109.
Штранц фон, ген.-от-инф., ком. отд. армии—57, 212.
Штольцман, ген.-м., нач. шт. южн. армии—64.
Шуберт фон—28.
Шьернинг фон, врач, ген., нач. полевой санитарии—16.
Шурмай—99.

Ю.

Южная армия—64, 99, 106, 107, 114, 185, 187, 225, 231, 232, 246, 247, 249.
Южная Познань—39.

Я.

Ягов-фон, мин. ин. дел—29.
Якобени—12, 32.
Якобштадт—116, 131.
Ясельда р.—140.

Э.

Эйнем-фон, ген.-полк., ком. 3 арм.—56.
Эйхгорн-фон, ген.-полк., ком-щий 10 арм., ком. арм. группы Эйхгорна—63, 248.
Эльбассан—177.
Эльзас—57, 157, 201, 205, 212.
Энвер-Паша, турец. ген.—79, 254.
Эн р.- 158, 206.
Эперисс—84.
Эрзерум—236.
Эссен—52.
Эстрэ—241.
Эч—221, 222.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИКО-[illegible] БИБЛИОТЕКА

Карта 2.

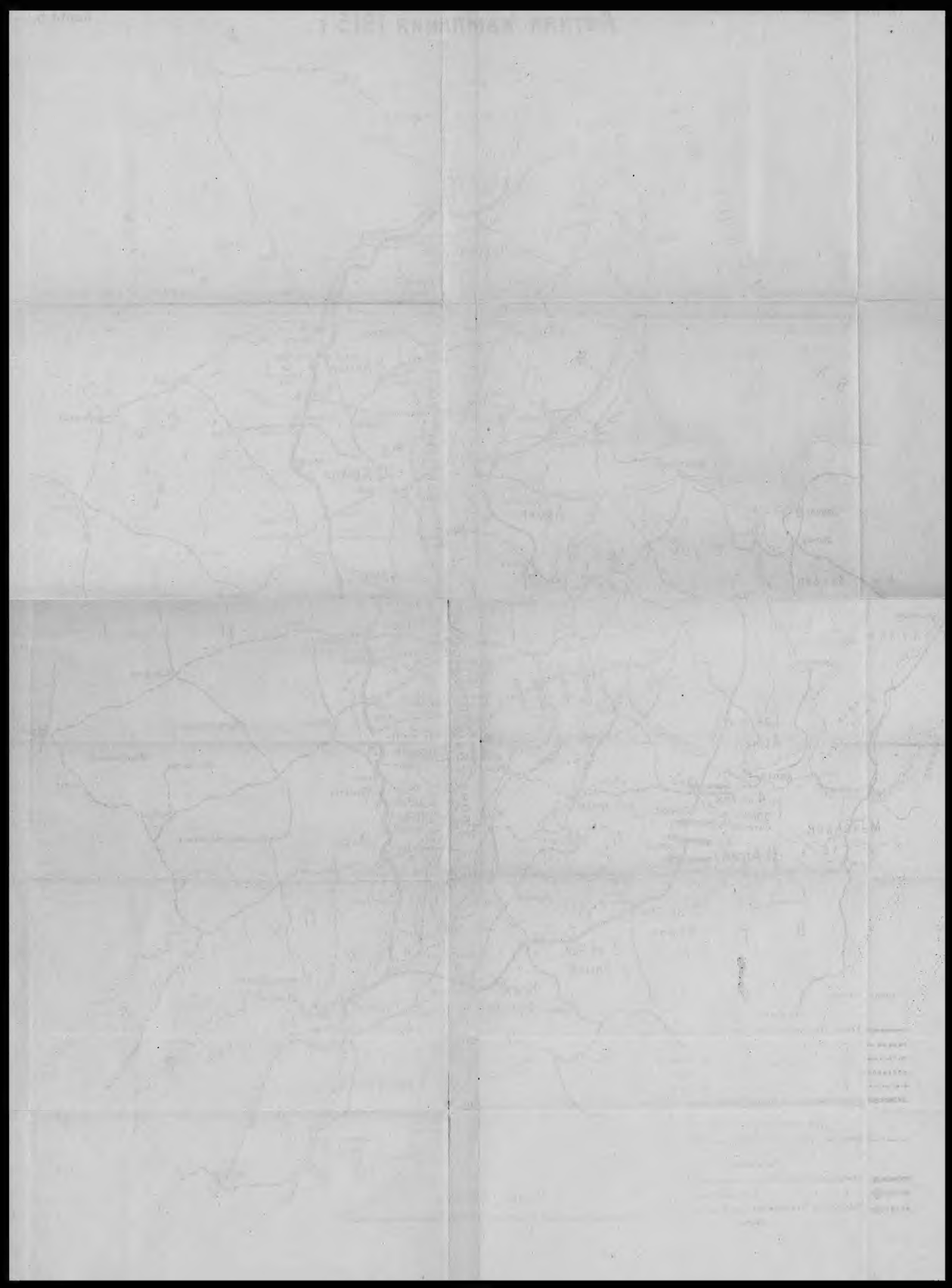
Положение
на
западном фронте
в середине сентября
1914 г.
Условные знаки:
Германские войска
Французские
Английские
Бельг. войска
с Английск. подкрепл.
Группа Безелера
Группа Штранца
Англ. Армия
Части в процессе переброски на западное крыло
Арм. группа
Гэде
Масштаб 1:1000000.
ГОЛЛАНДИЯ
БЕЛЬГИЯ
ЛЮКСЕМБУРГ
ШВЕЙЦАРИЯ
Английский канал Па-де-Калэ
Фландрия
Артуа
Пикардия
Аргонский лес
Шампань
Вогезы
1.
2.
3.
4.
5.
6.
7.
IX.
VII.
XV.
АНТВЕРПЕН
МЕХЕЛЬН
ЛУВЕН
БРЮССЕЛЬ
ГЕНТ
БРЮГГЕ
Остенде
ДЮНКЕРК
КАЛЭ
БУЛОНЬ
Ипр
Кортрэ
ТУРНЭ
ЛИЛЛЬ
Монс
Намюр
ЛЮТТИХ
ААХЕН
Тонгерен
Тирлемон
Шарлеруа
Мальмеди
АМЬЕН
С. КАНТЭН
Лан
Суассон
Компьен
Ретель
РЕЙМС
Седан
Верден
МЕТЦ
Метц
Понт-а-Муссон
НАНСИ
Люневилль
СТРАСБУРГ
Трир
Арлон
ПАРИЖ
Шалон-сюр-Марн
Витри-ле-Франсуа
Бар-ле-Дюк
ТРУА
Эпиналь
Рамбервиллер
Кольмар
Фрейбург
МЮЛЬГАУЗЕН
Бельфорт
Бове
Шато-Тьерри
Эпернэ
Мелэн

Карта 3.

Положение на западном фронте в середине октября 1914 г.

Атаки против крыльев русского фронта
Январь - Февраль 1915 г.

Летняя кампания 1915 г.



Карта 6.

Операции в Сербии. Осень 1915 г.